

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пензенский государственный университет»

На правах рукописи

Юськаева Эльмира Ильясовна

**ЖАНРЫ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ
И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

Специальность 5.9.8. – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Дубровская Татьяна Викторовна

Пенза – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ	16
1.1. Компьютерно-опосредованная коммуникация: определение и основные направления исследований.....	16
1.2. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации.....	24
1.3. Подходы к изучению коммуникации в сетевых сообществах	32
1.4. Идентичность как категория социально-гуманитарных наук	40
1.5. Методология исследования коллективной и индивидуальной идентичностей в жанрах сетевых сообществ	49
Выводы по главе 1.....	52
ГЛАВА 2. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПАРАХ СМЕЖНЫХ ЖАНРОВ	54
2.1. Самопрезентация и приветственная реплика: индивидуальные характеристики участника и коллективные атрибуты группы	54
2.2. Обращение за советом и совет: индивидуальный опыт и коллективное решение общих проблем	70
2.3. Жалоба и утешение: личное эмоциональное состояние и коллективная поддержка	90
2.4. Краткие нарративы.....	109
2.4.1. Бытовые нарративы.....	110
2.4.2. Развлекательные нарративы.....	116
2.4.3. Личные воспоминания.....	120
Выводы по главе 2.....	128

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	137
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	138
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	160
ПРИЛОЖЕНИЕ	161

ВВЕДЕНИЕ

В связи со стремительным развитием виртуальной реальности и искусственного интеллекта компьютерно-опосредованная коммуникация прочно вошла в жизнь человечества и стала актуальным объектом лингвистических исследований. Признаки, лингвистические характеристики и жанры компьютерно-опосредованной коммуникации достаточно хорошо изучены в работах лингвистов [Ахренова 2018; Галичкина 2012; Горина 2015; Горошко 2013; Привалова 2016; Щипицина 2009 и др.].

Интернет как «технически обустроенный аналог реальности» [Горина 2015] является уникальной средой для межличностного взаимодействия людей и конструирования виртуальных идентичностей. С одной стороны, Сеть предлагает индивиду возможность заявить о себе и представить собственные индивидуальные черты и ценности. В то же время люди стремятся к объединению на основании общих целей, совместной деятельности и аксиологических установок. Данные разнонаправленные тенденции позволяют подойти к рассмотрению виртуальных идентичностей в рамках дихотомии *коллективное vs. индивидуальное*. В работах исследователей подробно изучена дихотомия *мы vs. другие* или *свой vs. чужой* [Кишина 2009; Соломина 2014; Чернявская 2014; Sowińska 2012a]. Исследования дихотомии *коллективное vs. индивидуальное* или *мы vs. я* представлены в ограниченном количестве [Larina 2017].

Актуальность работы обусловлена социальными и лингвистическими факторами. Во-первых, изучение дискурсивных практик в цифровой среде позволяет деконструировать идентичности [Дубровская 2019]. Исследование коллективной и индивидуальной идентичностей, конструируемых в Сети, дает ключ к пониманию социальных процессов, включая механизмы группового объединения и разобщения в обществе или отдельных его стратах. Во-вторых, актуальность работы определяется лингвистическими факторами. Сегодня Интернет является важнейшим источником лингвистической информации

[Дедова 2022]. Изучение социальной идентичности как вербализованного конструкта позволяет понять принципы функционирования языка в новой коммуникационной среде взаимодействия людей.

Степень разработанности проблемы. Исследованию способов лингвистического конструирования идентичности посвящены многие работы отечественных и зарубежных лингвистов [Гукосянц 2016; Дускаева 2021; Benwell 2006; De Fina 2013; Wodak et al. 2009]. Объектом изучения становятся языковые и речевые способы актуализации различных типов идентичности, включая гендерные [Мурашова 2018; Herring 2017], национальные [Кожемякин 2018; Ширяев 2017; Wodak et al. 2009], профессиональные [Багиян 2025; Голованова 2017; Данкова 2019; Матвеева 2012] и идентичности субкультур [Данкова 2018].

Развитие социальных сетей привело к изучению виртуальной идентичности как комплексного феномена, отличающегося неустойчивостью и многогранностью [Lee 2013]. Как отмечают Т. В. Леонтьева и А. В. Щетинина, «интернет-среда побуждает к самопрезентации, выводит из тени самые разные вариации идентичностей, дает импульс к их конструированию в зависимости от интересов различных акторов виртуальной коммуникации» [Леонтьева 2021, с. 102]. Изучая механизмы конструирования виртуальной идентичности в сетевых сообществах, Т. В. Дубровская приходит к выводу о том, что изучение дискурсивных практик в цифровой среде позволяет деконструировать коллективную идентичность и определить ключевые ценности группы [Дубровская 2019, с. 57].

В рамках данного исследования мы берем за основу существующие достижения и рассматриваем дихотомию *коллективное vs. индивидуальное* с точки зрения ее актуализации в жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации.

Цель исследования – построить модель коллективной и индивидуальной идентичностей, конструируемых языковыми и мультимодальными средствами, в их взаимосвязи в жанрах сетевых сообществ.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

- 1) теоретически обобщить научные исследования, посвященные идентичности и компьютерно-опосредованной коммуникации, в частности коммуникации в сетевых сообществах;
- 2) выявить типичные жанры конструирования коллективной и индивидуальной идентичностей в сетевых сообществах и определить их прагматические, функциональные и лингвистические характеристики;
- 3) выделить репрезентируемые в сетевых сообществах конститутивные компоненты индивидуальной идентичности;
- 4) систематизировать языковые и мультимодальные средства конструирования индивидуальной идентичности;
- 5) выделить репрезентируемые в сетевых сообществах конститутивные компоненты коллективной идентичности;
- 6) систематизировать языковые и мультимодальные средства конструирования коллективной идентичности;
- 7) установить характер отношений между репрезентациями коллективной и индивидуальной идентичностей.

Объектом диссертационного исследования являются коллективная и индивидуальная идентичности, конструируемые в жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации.

Предмет исследования – структура и способы актуализации коллективной и индивидуальной идентичностей в наборе взаимосвязанных жанров сетевых сообществ.

Материал исследования образован корпусом текстов, отобранных методом сплошной выборки из восьми англоязычных и русскоязычных сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» (<https://vk.com/>), «HealthUnlocked» (<https://healthunlocked.com/>) и «Reddit» (<https://www.reddit.com/>).

Первую группу изучаемых сообществ составляют сообщества поддержки. Русскоязычное сетевое сообщество «12 объятий – Поддержка мам. Во всем» (https://vk.com/12moms_hugs) (далее «12О») функционирует в

социальной сети «ВКонтакте» и насчитывает более 39 тысяч участников. Основной целью этого открытого сообщества является создание условий для эмоциональной поддержки матерей. В англоязычном закрытом анонимном сообществе «Anxiety and Depression Support» (<https://healthunlocked.com/anxiety-depression-support>) (далее «AaDS») состоит более 80 тысяч участников. Данное сообщество создано в рамках проекта «Health Unlocked» – социальной сети, в которой насчитывается 315 сообществ, охватывающих более 250 состояний здоровья. Согласно информации на сайте, в социальной сети зарегистрированы полтора миллиона пользователей из разных стран мира. Анонимное сообщество «(bad) Stories caused by Asian Parents» (<https://www.reddit.com/r/AsianParentStories/>) (далее «BS») создано на платформе Reddit с целью обсуждения трудных взаимоотношений в азиатских семьях. Сообщество является открытым и насчитывает более 89 тысяч участников.

Ко второй группе исследуемых сообществ относятся группы памяти. Сообщество памяти «131-я омсбр (Майкопская бригада)» (<https://vk.com/maikopbrigade131>) (далее «131-я») функционирует в социальной сети «ВКонтакте» и объединяет более 12 тысяч участников. Оно создано в память о бойцах 131-й Майкопской бригады, погибших в ходе Первой чеченской войны при попытке штурма г. Грозного в период с 31.12.1994 по 02.01.1995. Открытое сообщество «Афган. Память» (<https://vk.com/club18487074>) (далее «АП»), созданное в память об Афганской войне, насчитывает более 20 тысяч участников. Данные сообщества памяти не являются анонимными.

В третью группу изучаемых сообществ входят профессиональные сообщества. Русскоязычное сетевое сообщество «Подслушано у учителей» (https://vk.com/secrets_of_teachers) (далее «ПуУ») создано в социальной сети «ВКонтакте» и насчитывает более 200 тысяч участников. Сообщество «Australian Teachers» (<https://www.reddit.com/r/AustralianTeachers/>) (далее «АТ»), созданное на платформе Reddit, объединяет более 27 тысяч участников.

Данное сетевое сообщество является анонимным и создано для коммуникации австралийских учителей. Сообщество «Teachers» (<https://www.reddit.com/r/Teachers/>) (далее «Т») создано для коллективной коммуникации учителей и оказания профессиональной поддержки. Число участников сообщества превышает два миллиона пользователей.

Оформление сообществ на страницах социальных сетей имеет сходную структуру и включает название сообщества, его краткое описание, правила комментирования, сведения о количестве подписчиков и стену, на которой публикуются посты и комментарии.

Речевой материал содержит в целом около 500 тысяч словоупотреблений и датирован периодом с 2021 по 2025 год включительно. Общий объем проанализированного материала составляет 12688 инициальных и реактивных комментариев пользователей англоязычных и русскоязычных сетевых сообществ. Начало периода отбора материала совпадает с началом работы над исследованием, а окончание периода связано с достижением максимальной степени насыщенности материала. Все цитируемые материалы приводятся с оригинальной орфографией и пунктуацией. В целях сохранения конфиденциальности и в соответствии с требованиями исследовательской этики имена, фамилии и никнеймы авторов комментариев были опущены.

Гипотеза исследования состоит в том, что сетевые сообщества обеспечивают среду для реализации как коллективных, так и индивидуальных идентичностей, которые формируются в специфических жанрах и проявляют в них свои конститутивные компоненты с помощью набора языковых и мультимодальных средств.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в такие области языкознания, как жанроведение, лингвистическая прагматика, социолингвистика и стилистика. В ходе проведенного исследования были достигнуты следующие результаты:

– выявлены пары смежных жанров, в которых происходит конструирование коллективной и индивидуальной идентичностей, и описаны их прагматические, функциональные и лингвистические характеристики;

– установлены конститутивные компоненты индивидуальной и коллективной идентичностей, а также языковые и мультимодальные средства их актуализации;

– построена модель коллективной и индивидуальной идентичностей, основанная на взаимосвязи жанровых, языковых и мультимодальных средств актуализации.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов руководителями социальных и образовательных учреждений, социологами, психологами и общественными деятелями, целью которых является выстраивание более эффективного взаимодействия людей в условиях современной цифровой среды. Практическая значимость исследования определяется также тем, что его материалы и выводы могут быть использованы при подготовке студентов филологических и социологических факультетов.

Теоретической базой для проведения исследования послужили отечественные и зарубежные работы, посвященные компьютерно-опосредованной коммуникации (Н. А. Ахренова, Е. Н. Галичкина, Е. В. Горина, Е. И. Горошко, В. И. Карасик, О. В. Лутовинова, И. В. Привалова, Е. Я. Шмелева, Л. Ю. Щипицина, С. Carr, D. Crystal, S. Herring, F. Yus и др.), речевым жанрам (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, Т. В. Дубровская), коммуникации в социальных сетях (Л. Н. Ребрина, В. Daniel, D. Boyd, J. Donath, M. Gulia, G. Meikle, D. Miller, B. Wellman), идентичности и групповым процессам (M. Brewer, H. Tajfel, M. Yuki), дискурсивному конструированию идентичности (Е. И. Голованова, Т. В. Дубровская, Н. С. Данкова, Л. Р. Дускаева, Н. Н. Кошкарова, Т. В. Ларина, Б. Ю. Норман, R. Buchler, M. Ross, R. Wodak и др.) и мультимодальности (S. Herring).

Научная новизна работы заключается в том, что впервые коллективная и индивидуальная идентичности изучены как вербализованные конструкты, образующие реляционную пару в компьютерно-опосредованной коммуникации. Применение методик конверсационного анализа позволило доказать, что виртуальные идентичности пользователей сетевых сообществ формируются преимущественно в диалогическом взаимодействии. Новизна исследования состоит также в выявлении пар смежных жанров конструирования коллективной и индивидуальной идентичностей и описании их композиционной структуры. Предложена модель коллективной и индивидуальной идентичностей, в которой показана взаимосвязь жанров, компонентов идентичностей и языковых и мультимодальных средств их актуализации.

Методология исследования основывается на достижениях теории речевых жанров и теории социальной идентичности. Изучение коллективной и индивидуальной идентичностей и выявление средств их актуализации производилось с помощью критического дискурс-анализа, охватывающего качественные методики исследования, включая семантический, контекстуальный и мультимодальный анализ.

В ходе исследования применялись общенаучные методы: наблюдение, анализ, синтез, классификация и интерпретация. При изучении жанровой специфики коммуникации в сетевых сообществах применялись методики конверсационного анализа.

На первом этапе исследования были выделены пары смежных жанров, в которых конструируются коллективные и индивидуальные идентичности участников сетевых сообществ. Изучение инициальных и реактивных жанров происходило с точки зрения прагматических, функциональных и лингвистических параметров. Были установлены типичные ситуации использования выделенных жанров, их функции, композиционная структура и языковые средства актуализации. На основе анализа были выделены конститутивные компоненты коллективной и индивидуальной идентичностей

и основные средства их конструирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идентичность представляет собой гибкий и многогранный вербализованный конструкт, имеющий двойственную природу, которая проявляется в противоречии между потребностью в сходстве с другими и стремлением к индивидуализации. Сетевое сообщество как виртуальный аналог реальной группы является локусом идентичности и ее языкового конструирования. Пользователь сетевого сообщества может быть носителем нескольких индивидуальных и коллективных идентичностей одновременно.

2. Модель коллективной и индивидуальной идентичностей отражает универсальные механизмы идентификации пользователей сетевых сообществ и представляет собой ряд взаимосвязанных принципов применения языка в цифровой среде с целью включения в группу или самоактуализации.

3. Коллективная и индивидуальная идентичности формируются преимущественно в диалогическом взаимодействии в парах смежных жанров, включающих самопрезентацию и приветственную реплику, обращение за советом и совет, жалобу и утешение, а также пары кратких нарративов.

4. Конститутивные компоненты индивидуальной идентичности включают индивидуальные характеристики, принадлежность к социальной категории, индивидуальный опыт, эмоциональное состояние, физическое пространство и его элементы, события из жизни и непонимание со стороны «других». Индивидуальная идентичность реализуется в жанрах самопрезентации, обращения за советом, жалобы и краткого нарратива.

5. Актуализация компонентов индивидуальной идентичности происходит с помощью лексики (антропонимов; виртуальных самономинаций; лексики с семантикой национальной, расовой и гендерной принадлежности; эмотивной лексики; словесных ярлыков; топонимов; дейктических элементов), синтаксиса (событийных предложений, упорядоченных во времени; простых субъектно-предикатных предложений), стилистических приемов (метафор эмоционального состояния), мультимодальных (аватаров; селфи; личных

фотографий) и графических средств, а также вспомогательных коммуникативных единиц.

6. Конститутивные компоненты коллективной идентичности включают самосознание группы как целостного образования, взаимозависимость на основе общей деятельности, сходство жизненного опыта, общность эмоционального состояния, прикрепленность к конкретному безопасному пространству в виртуальной среде, коллективную память, положительную оценку группы «своих» и отрицательную оценку группы «других». Коллективная идентичность реализуется в жанрах приветственной реплики, совета и утешения.

7. Актуализация компонентов коллективной идентичности происходит с помощью лексики (лексики с семантикой единения; лексики с пространственной семантикой и семантикой безопасности; лексики с семантикой положительной оценки, поддержки, взаимности; набора обращений с коллективной семантикой; профессиональной и жаргонной лексики; лексики с семантикой силы; генерализирующей лексики; коллективных «мы»), стилистических приемов (метафор коллективного разума, совместного путешествия) и мультимодальных средств (мемов и изображений с коллективной символикой).

8. Индивидуальная и коллективная идентичности связаны реляционными отношениями. Конструирование индивидуальной идентичности пользователя обретает смысл в диалогическом взаимодействии в группе, точно так же, как и конструирование коллективной идентичности группы происходит в высказываниях отдельных ее членов.

Апробация результатов работы. Результаты исследования были представлены в докладах и сообщениях на научных конференциях и международных вебинарах: на Международной научной конференции «Антропологический поворот: теории и практики» (г. Орел, Орловский государственный институт культуры, 15–17 апреля 2021 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Возможности и угрозы цифрового

общества» (г. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 15 апреля 2021 г.), на VI и VII Международных молодежных научно-практических конференциях «Молодежь и наука: слово, текст, личность. К 90-летию юбилею УлГПУ им. И. Н. Ульянова» (г. Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 12–13 мая 2022 г. и 18–20 апреля 2024 г.), на VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Языковые и культурные реалии современного мира» (г. Пенза, Пензенский государственный технологический университет, 25 апреля 2022 г.), на VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 28 июня – 01 июля 2023 г.), на Международной научно-практической конференции «Фундаментальные исследования и прикладные разработки в современном языкознании: к 300-летию Российской академии наук» (г. Москва, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 11–12 апреля 2024 г.), на II Международной научно-практической конференции «Пользовательский контент в современной коммуникации» (г. Челябинск, Челябинский государственный университет, 20–21 марта 2025 г.), в ходе VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 6–9 октября 2021 г.) и на II, III и IV Международных студенческих исследовательских вебинарах по языку и культуре «International Student Research Webinar» (г. Пенза, Пензенский государственный университет, Трансильванский университет Брашова, 19 января 2021 г., 18 января 2022 г. и 19 января 2023 г.).

Пять докладов получили высокую оценку в рамках конкурсов для молодых ученых и молодежных конференций: победы в Межрегиональном конкурсе исследовательских работ «Моя интеллект-траектория» (г. Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 2020, 2022, 2024 гг.), в конкурсе научных работ в рамках 22-й

международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2023 г.), дипломы за лучшие доклады IX Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики» (г. Донецк, Донецкий национальный университет, 25 марта 2022 г.) и VII Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 18–19 апреля 2022 г.).

Часть работы проводилась в рамках научного проекта «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 20-68-46003).

Содержание диссертационного исследования отражено в 17 публикациях, в том числе в 5 статьях в научных журналах, входящих в перечень ВАК (1 статья из них индексируется в WoS), а также в 1 статье в журнале, индексируемом в международной базе Scopus.

Соответствие темы диссертации Паспорту научной специальности.

Тема диссертационного исследования соответствует п. 11 Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов, п. 12 Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка (Теоретические проблемы текста и дискурса).

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка литературы, списка источников и приложения.

В первой главе рассмотрена специфика компьютерно-опосредованной коммуникации, систематизированы подходы к изучению электронных жанров и их классификации, проанализированы особенности коммуникации в сетевых

сообществах, представлены существующие методы исследования идентичности и языковых средств ее конструирования.

Во второй главе выявлены пары смежных жанров, в которых репрезентируются коллективные и индивидуальные идентичности пользователей сетевых сообществ, определены их прагматические, функциональные и лингвистические характеристики. В главе выделены конститутивные компоненты коллективной и индивидуальной идентичностей, а также систематизированы языковые и мультимодальные средства их актуализации.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются его результаты, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения коллективной и индивидуальной идентичностей, конструируемых в жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации.

В приложении представлен иллюстративный речевой материал.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

1.1. Компьютерно-опосредованная коммуникация: определение и основные направления исследований

Стремительное развитие информационных технологий в цифровую эпоху затронуло практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Данные технологии оказали влияние на коммуникативные процессы, происходящие в обществе, что вызвало потребность в изучении изменений в языке и его функционировании. Изучению коммуникации в Сети посвящены работы Н. А. Ахреновой [Ахренова 2013], А. Б. Бушева [Бушев 2024], Е. Н. Галичкиной [Галичкина 2012a], Е. В. Гориной [Горина 2015], Е. И. Горошко [Горошко 2013], О. Ю. Гукосьянц [Гукосьянц 2016], О. В. Дедовой [Дедова 2022], В. В. Дементьева [Дементьев 2021], Т. В. Дубровской [Дубровская 2019], В. И. Карасика [Карасик 2019], Л. Ф. Компанцевой [Компанцева 2013], Н.Н. Кошкаровой [Кошкарова 2018], О. В. Лутовиновой [Лутовинова 2009], Л. Н. Ребриной [Ребрина 2022], Е. Я. Шмелевой [Шмелева 2015], Л. Ю. Щипициной [Щипицина 2011a], К. Карра [Carr 2021], Д. Кристала [Crystal 2011], С. Херринг [Herring 2004] и других.

В настоящее время происходит становление самостоятельного лингвистического направления – интернет-лингвистики. Согласно Е. И. Горошко, исследовательским объектом данного направления является электронная коммуникация, а предметом – «лингвистически релевантные особенности электронной коммуникации на различных языковых уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом, текстовом (на уровне текста или совокупности текстов), коммуникативном (уровне коммуникативной стратегии) и т. д.» [Горошко 2007, с. 232]. Н. А. Ахренова отмечает возникновение ряда направлений исследований в интернет-лингвистике,

включающих интернет-синтаксис, интернет-семантику, интернет-морфологию, анализ интернет-дискурса и др. [Ахренова 2013, с. 22–23].

В процессе изучения функционирования языка в Сети складывается особая терминосистема. Помимо термина *компьютерно-опосредованная коммуникация*, исследователи используют следующие обозначения: *интернет-коммуникация* [Горошко 2007; Компанцева 2013 и др.], *электронная коммуникация* [Привалова 2016], *компьютерная коммуникация* [Галичкина 2012a], *виртуальная коммуникация* [Алтухова 2012; Баева 2014], *интернет-опосредованная коммуникация* [Гукосьянц 2016], *медийная коммуникация* или *медиакоммуникация* [Деминова 2013; Добросклонская 2010], *цифровая коммуникация* [Первухина 2021]. В работах исследователей встречаются и такие термины, как *компьютерный дискурс* [Кондрашов 2004], *электронный дискурс* [Аврамова 2005], *медийный дискурс* [Синельникова 2011], *виртуальный дискурс* [Лутовинова 2009; Резанова 2006], *сетевой дискурс* [Горина 2015] и *цифровой дискурс* [Бородулина, Макеева 2024]. О. В. Лутовинова считает, что понятия *электронный дискурс* и *компьютерный дискурс* являются синонимичными, а термин *сетевой дискурс* подразумевает как общение в Интернете, так и в других сетях, включая локальные [Лутовинова 2009, с. 18].

Полагаем, что возникновение такого терминологического разнообразия вызвано сложностью исследовательского объекта и многогранностью подходов к его изучению. В данной работе мы используем термин *компьютерно-опосредованная коммуникация*, опираясь на определение Л. Ю. Щипициной, которая понимает данный феномен как «взаимодействие человека с человеком, деятельность по обмену вербальными и другими знаковыми сообщениями, опосредованную связанными в сеть компьютерами, выражающую определенные намерения коммуникантов и касающуюся общения в разных сферах и культурах» [Щипицина 2011a, с. 17].

Исследователи систематизируют знания о феномене компьютерно-опосредованной коммуникации, выявляя ее структуру, характерные признаки и

свойства [Ахренова 2018; Галичкина 2012а; Щипицина 2011а]. Результаты многоаспектного исследования интернет-коммуникации (общая характеристика, коммуникативные стратегии и тактики, базовые концепты, жанровая и дискурсивная специфика) отражены в серии монографий «Интернет-коммуникация как новая речевая формация» под редакцией Т. Н. Колокольцевой и О. В. Лутовиновой [Интернет-коммуникация 2012; 2014; 2016; 2018].

В работе Е. Н. Галичкиной представлен подробный список специфичных признаков компьютерно-опосредованной коммуникации. По мнению исследовательницы, интернет-коммуникация *опосредованна; семиотична и лингвосемиотична; визуализованна и креолизованна; преимущественно текстоцентрична; жанрогенна; стилистически разноуровнева; максимально сленгизованна* (привлекает молодежную аудиторию и открыта для языковых инноваций, преимущественно лексических); *эмоциогенна; полиморфна; поливекторна; дискурсивна; дискурсогенна; концептогенна; культуро- и лингвокультурогенна; презентационна* (предоставляет возможности для самовыражения); *виртуализованна; гендерно-маркирована; информационно-кумулятивна* (реализует задачи по сбору, накоплению и передаче информации); *интегральна и инспиративна / дисинтегральна и агональна; рекреативна* (предлагает возможность «ухода от реальности»); *аксиологична; дидактична и лингводидактична* (направлена на формирование компетенций широкого спектра); *гипертекстуальна* [Галичкина 2012б, с. 61–63].

Одним из главных признаков компьютерно-опосредованной коммуникации является *опосредованность*, поскольку она осуществляется с помощью технического устройства. Возникновение новых технических устройств привело к тому, что сетевая коммуникация по способу контакта перестает восприниматься как коммуникация, осуществляемая только с помощью компьютера. С развитием технологий меняется то, как мы понимаем слово «компьютеры», подразумевая под ним смартфоны, носимые устройства и пр. [Carr 2020].

Семиотичность и лингвосемиотичность коммуникации в Сети, по утверждению Е. Н. Галичкиной, обусловлены появлением системы новых невербальных знаков, кодов, символов, а также возникновением новых лингвознаков [Галичкина 2012б, с. 61]. О. В. Дедова предлагает разграничивать изучение «языка в Интернете» и «Интернета в языке»: «Актуальными задачами интернет-лингвистики являются выявление специфики формирующихся жанров с учетом инновационных категорий электронного текста (язык в Интернете), а также изучение лексических и лексикографических аспектов неологических номинаций данной сферы (Интернет в языке)» [Дедова 2022, с. 40]. В рамках первого подхода внимание лингвистов сосредоточено на изучении особой функциональной разновидности языка – *языка Интернета* [Бушев 2024; Кронгауз 2013; Шмелева 2015; Crystal 2011]. В рамках второго подхода предполагается сбор, анализ и лексикографическое описание неологического материала, который служит средством обозначения различных реалий сетевой коммуникации [Дедова 2022, с. 46]. Возникновение и закрепление окказиональных слов и новообразований является закономерным процессом развития языка. Данные продукты словотворчества показывают, какие явления релевантны для общества в данный момент, а также служат средством экспрессивизации текста [Самыличева 2021].

Исследователи отмечают *визуализованность, креолизованность и эмоциогенность* компьютерно-опосредованной коммуникации. Тексты сопровождаются различными мультимедийными компонентами, включающими графические элементы, видео и анимацию. Графические средства, такие как эмодзи и эмодзи, «сопровождают вербальную часть сообщения, образно дополняют смысл высказывания и уточняют его экспрессивно-интонационную окраску» [Белоусов 2019, с. 6]. Объектами исследований становятся эмодзи и эмодзи [Космарская 2021; Danesi 2017], хештеги [Апраксина 2017; Юрина 2018] и стикеры [Матусевич 2015]. Н. Ю. Видинеева утверждает, что эмодзи являются инструментом для имплицитной манифестации принадлежности к тем или иным национальным и

гендерным группам в виртуальной среде [Видинеева 2022]. Благодаря техническим возможностям структурирования интернет-текста, включающим использование рамочной структуры (*framing*) и графическое выделение (размер, цвет шрифта, квадратные скобки и т. д.), упрощается коммуникация и экономится время ее участников [Crystal 2011, p. 73].

К невербальным компонентам, позволяющим передавать отношение к пользовательскому контенту, относятся паралингвистические цифровые аффордансы (*paralinguistic digital affordances*) [Hayes 2016]. Несмотря на то, что данные аффордансы (например, «лайк» или «поделиться») активируются посредством всего одного щелчка мыши, они могут передавать комплексные сообщения, имеющие межличностное значение для пользователей социальных сетей. Поскольку нормы коммуникации в социальных сетях постоянно меняются, первоначальные функции аффордансов трансформируются и обретают новые смыслы. Так, поднятый вверх большой палец, традиционно используемый для выражения поддержки и одобрения, может приобретать различные значения в зависимости от социального контекста [Там же, с. 185].

Одной из новых форм передачи информации в Сети является интернет-мем. Меметика определяется как «междисциплинарная область знаний, включающая в качестве объекта исследования способы передачи сетевой информации с помощью лаконичных монокодовых или поликодовых (креолизованных) министртур, характеризующихся максимальной сетевой виральностью и популярностью» [Потапова 2022, с. 80]. Л. Н. Ребрина отмечает, что мемы как популярный формат интернет-коммуникации характеризуются лаконичной формой и содержательной насыщенностью, а также отражают разнонаправленные социальные процессы и выступают эффективными средствами трансляции смыслов единения и разобщения [Ребрина 2022, с. 260].

Важными признаками компьютерно-опосредованной коммуникации являются *текстоцентричность*, *жанрогенность* и *стилистическая разноуровневость*. Л. Ю. Щипицина отмечает многообразие и разнородность

текстов и стилей в новой коммуникационной среде [Щипицина 2009]. Жанровая дифференциация интернет-текстов остается актуальной проблемой ввиду многообразия сфер человеческой деятельности, которые данные жанры обслуживают. Кроме того, изучение сетевых жанров осложняется тенденцией к их взаимосвязи и синтезу [Там же, с. 14].

Дискурсивность компьютерно-опосредованной коммуникации обусловлена тем, что она способствует возникновению, трансформации и исчезновению разнообразных текстов широкого спектра тем и жанров, а ее *дискурсогенность* связана с потенциалом порождать разного рода дискурсы [Галичкина 2012б, с. 61]. В монографии «Человек и его дискурс – б: дигитализация коммуникативных практик» выделены изменения во взаимоотношениях общества, государства и средств массовой информации в условиях цифровизации и представлен материал по современной типологии дискурса в антропоцентрической парадигме [Человек и его дискурс 2020]. В работе установлено, что под влиянием современных технологий трансформируется медийный дискурс. Проявлениями медийного преобразования реальности являются: 1) упрощение действительности, 2) замена фактов фактоидами и фейками, 3) дерационализация восприятия мира, 4) доминирование нетекстового представления информации, 5) стандартизация реакций на информацию и 6) постановочность вместо фиксации факта [Там же, с. 23].

Полиморфность и *поливекторность* компьютерно-опосредованной коммуникации обусловлены ее массовым характером и наличием обратной связи [Галичкина 2012б]. Л. Ю. Щипицина отмечает разный тип и статус коммуникантов как важную характеристику компьютерно-опосредованной коммуникации [Щипицина 2011а, с. 17]. Виды коммуникации в Сети классифицируются по количеству участников (межличностная, групповая, массовая), по направленности речевого потока (монолог, диалог, полилог), по способу кодирования сообщения (устная и письменная), по статусу коммуникантов (персональная или институциональная) и по их культурной

принадлежности (внутри- или межкультурная). Многообразие данных видов позволяет понимать компьютерно-опосредованную коммуникацию как комплексный феномен, в рамках которого развиваются «аналоги практически всех известных «традиционных» коммуникативных форм и видов» [Там же, с. 17].

Согласно Е. Н. Галичкиной, признаком компьютерно-опосредованной коммуникации является *виртуализованность*, поскольку она позволяет общаться посредством «виртуальной маски», с помощью которой можно скрыть основные личностные параметры [Галичкина 2012б, с. 62]. Данную закономерность отмечает и О. В. Лутовинова: «Виртуальная языковая личность постоянно экспериментирует, играет со своей идентичностью, сохраняя свободу выбора и открытость новому опыту» [Лутовинова 2009, с. 11].

Интегральность и инспиративность или *дисинтегральность* и *агональность* компьютерно-опосредованной коммуникации отражают две противоположные тенденции. Интернет-коммуникация одновременно предоставляет возможности для сплочения масс и для их разобщения. В. В. Дементьев отмечает две типологически значимые разнонаправленные характеристики сетевой коммуникации [Дементьев 2021, с. 71–72]. С одной стороны, констатируется повышение диалогичности коммуникации, а именно количества коммуникантов, источников информации и скорости обмена репликами и завязывания новых контактов. Отмечается также «воздейственность» интернет-коммуникации (флешмобы, троллинг, протестная деятельность). С другой стороны, следствием развития интернет-коммуникации является эскапизм и аутизм, которые проявляются в том, что субъекты взаимодействия заведомо отстраняются друг от друга [Там же].

В числе признаков компьютерно-опосредованной коммуникации выделяются *аксиологичность* и *концептогенность*. Согласно Л. Ф. Компанцевой, в Сети происходит закрепление ценностей через вербализацию концептов [Компанцева 2013, с. 119]. Интерес для исследователей представляют прагматические и языковые способы выражения

ценностных установок и ориентиров в разных социальных группах [Данкова 2018].

Е. Н. Галичкина считает *гипертекстуальность* важнейшим параметром, определяющим специфичность компьютерно-опосредованной коммуникации [Галичкина 2012б, с. 63]. О. В. Дедова определяет гипертекст следующим образом: «Это модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2006, с. 11]. Исследовательница отмечает диалогичность процесса перемещения в гипертекстовом пространстве: «То, что читатель воспримет, новое знание или эстетическое впечатление, которые он получит, – все это в известном смысле будет результатом его сознательной деятельности, проекцией собственного „я“» [Там же, с. 14]. Проблема гипертекста является актуальным направлением лингвистических исследований [Дедова 2006; Зыкова 2010; Минеева 2017; Рязанцева 2019].

Таким образом, компьютерно-опосредованная коммуникация представляет собой комплексный и многогранный феномен, обладающий специфичными признаками и затрагивающий аспекты языковой личности, человека как субъекта сетевого взаимодействия. Виртуальная среда предлагает обширный спектр прагматических и лингвистических ресурсов для выражения смыслов объединения и диссоциации [Видинеева 2022; Дементьев 2021; Ребрина 2022].

Наиболее релевантные в контексте настоящего исследования признаки компьютерно-опосредованной коммуникации могут быть систематизированы следующим образом: 1) опосредованность [Carr 2020 и др.]; 2) семиотичность и лингвосемиотичность [Галичкина 2012б; Дедова 2022; Самыличева 2021 и др.]; 3) визуализованность, креолизованность, эмоциогенность [Белоусов 2019; Hayes 2016; Потапова 2022; Ребрина 2022 и др.]; 4) текстоцентричность,

жанрогенность и стилистическая разноуровневость [Галичкина 2012б; Щипицина 2009 и др.]; 5) дискурсивность и дискурсогенность [Галичкина 2012б и др.]; 6) полиморфность и поливекторность [Галичкина 2012б; Щипицина 2011а и др.]; 7) виртуализованность [Галичкина 2012б; Лутовинова 2009 и др.]; 8) интегральность и инспиративность или дисинтегральность и агональность [Галичкина 2012б; Дементьев 2021 и др.]; 9) аксиологичность и концептогенность [Данкова 2018; Компанцева 2013 и др.]; 10) гипертекстуальность [Галичкина 2012б; Дедова 2006 и др.].

1.2. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации

Одним из актуальных направлений исследований компьютерно-опосредованной коммуникации является изучение ее жанрового устройства [Горошко 2009; Горошко 2015; Данкова 2019; Кожемякин 2024; Щипицина 2009]. Данное направление привлекает такое пристальное внимание, что в международном журнале «Жанры речи», посвященном проблеме речевых и коммуникативных жанров и актуальным направлениям их изучения, сформировалась рубрика «Интернет-жанры», что свидетельствует о существующей потребности в изучении электронных жанров в современной лингвистике (см. выпуски журнала за 2024 (Т.19, № 4) и 2025 (Т. 20, № 1 и № 2) годы).

Как отмечает В. В. Дементьев, понятие речевого жанра является одной из самых актуальных моделей, используемых в лингвистике для объяснения формальной и содержательной структуры речи [Дементьев 2010, с. 154]. В основе концепций отечественных исследователей лежит понимание речевого жанра М. М. Бахтиным: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных,

фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. < ...> Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1986, с. 250]. С течением времени предложенное традиционное понятие жанра трансформировалось. Как отмечает Т. В. Дубровская, все чаще ученые обозначают термином «речевой жанр» не типы высказываний, а типы текстов [Дубровская 2014]. Такой подход расширяет данное понятие, позволяя включить в него и диалогические тексты.

Понятие речевого жанра с учетом обновленного толкования применяется в качестве базового понятия и единицы анализа текстов компьютерно-опосредованной коммуникации [Горошко 2015; Щипицина 2009]. Релевантность жанроведческого подхода к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации отмечает Н. Н. Кошкарлова. По мнению исследовательницы, данный подход позволяет адаптировать теорию речевых жанров к разнообразию современного речевого поведения, дает возможность фиксировать новые жанровые формы в момент их функционирования в рамках конкретных национально-культурных сообществ, а также служит средством прогнозирования развития жанрового пространства [Кошкарлова 2018, с. 62].

Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации определяются как «типичные формы коммуникативного взаимодействия, осуществляемого с помощью компьютера и телекоммуникационных сетей, отличающиеся общими медийными, прагматическими, структурно-семантическими и языковыми признаками» [Щипицина 2011б, с. 211]. Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова под интернет-жанром понимают «устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму и которые обслуживают типическую ситуацию коммуникации в сети Интернет» [Горошко 2015, с. 120]. В определениях подчеркивается опосредованность, а также типичная природа цифрового жанра и обслуживаемых им ситуаций.

Для описания жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, как отмечает Е. И. Горошко, в качестве полных синонимов используются следующие термины: *электронный жанр, интернет-жанр, гипержанр, виртуальный жанр, цифровой жанр, цифровой жанр и медийный жанр* [Горошко и др. 2012, с. 111–112]. Однако не все солидарны с данным мнением. Л. Ю. Щипицина указывает на разницу между понятиями «дигитальный жанр» и «жанр компьютерно-опосредованной коммуникации», отмечая, что первое является более широким: «Кроме жанров компьютерно-опосредованной коммуникации дигитальными являются любые другие жанры, которые возникают на основе коммуникации при помощи цифровых технологий, например, мобильная телефония или ее текстовая разновидность SMS» [Щипицина 2009, с. 19].

Интернет представляет собой уникальную жанрообразующую среду – «своеобразный «кипящий котел», в котором возникают новые жанры, мутируют или адаптируются бумажные жанры или же продолжают существовать, практически не видоизменяясь» [Горошко 2006, с. 173]. В связи с этим жанры классифицируются на традиционные (файлы письменных документов в pdf), дигитальные, появившиеся благодаря техническим возможностям Сети (например, чат), и гибридные жанры, которые значительно трансформировались (например, блоггинг) или мутировали в иные формы, что привело к трудностям в понимании их происхождения [Горошко и др. 2012, с. 344]. Как подчеркивает Я. В. Трепак, из-за гипертекстуальности мультимедийной среды, в которой один жанр может переходить в другой, четких критериев выделения жанров не существует [Трепак 2014, с. 6].

Примерами зарождения жанров в Сети являются жанр художественной литературы фанфикшен и «сетература» – «произведения прозы и поэзии, опубликованные авторами-профессионалами или авторами-любителями в Сети Интернет» [Ахренова 2010, с. 149]. В настоящее время такое явление, как сетевая литература, существует и функционирует наравне с традиционными печатными произведениями и, более того, становится их конкурентом [Ионина

2021, с. 91].

В связи с перемещением некоторых жанров в электронную среду возникает необходимость изучения их структурно-семиотических трансформаций. О. В. Минина рассматривает жанр народных мемуаров в интернет-коммуникации и приходит к выводу, что структура и содержание данного интернет-жанра значительно отличаются от традиционного жанра мемуаров [Минина 2018]. Отмечается спонтанный и непоследовательный характер изложения событий в электронной вариации жанра [Там же, с. 43].

Объектом изучения становится и трансформация жанра научной статьи в виртуальной среде [Белоедова 2023; Кожемякин 2024]. Результаты сопоставления характеристик жанра в его традиционной печатной форме с характеристиками статей, представленных на страницах электронных версий журналов, показали, что изменения затронули жанровые признаки статьи и «жанровую оболочку» – интерфейс, позволяющий реципиенту взаимодействовать с текстом. Исследователи делают вывод о том, что трансформация признаков жанра привела к необходимости расширения когнитивных и технических компетенций ученых, поскольку от этого зависит эффективность научной коммуникации [Кожемякин 2024].

В работе О. С. Иссерс изучена трансформация современного интернет-отзыва потребителя в сопоставлении с жанром-прототипом – отзывом в книге жалоб и предложений. Установлено, что интернет-отзыв приобретает свойства публичного медиажанра, так как адресат становится массовым [Иссерс 2023].

В электронной среде фиксируются жанры-«двойники», которые не только передают информацию, но и акцентируют внимание на развлечении, часто доминирующем над другими целями. К. М. Шилихина связывает их появление с тенденцией к карнавализации общения в Сети [Шилихина 2019]. Отмечается, что одним из главных различий между исходным жанром и жанром-«двойником» является противоречие здравому смыслу [Там же, с. 815]. Примерами жанров данного типа являются фейковые юмористические новости, которые создают комический эффект и привлекают внимание аудитории

[Иссерс 2014], а также фейковые афоризмы и демотиваторы.

Несмотря на сложную природу интернет-жанра, исследователи не оставляют попытки **классифицировать жанры компьютерно-опосредованной коммуникации**. В работе Н. Г. Асмус определяется совокупность параметров для характеристики и классификации электронных жанров. Эти параметры охватывают: 1) тематический признак, 2) коммуникативную цель, 3) сферу общения, 4) образ автора – читателя, 5) режим синхронного/асинхронного времени, 6) диалог/полилог, 7) форму объективации (близость к письменному или устному тексту), 8) композицию, 9) языковые особенности [Асмус 2005, с. 10].

В основу классификации жанров компьютерно-опосредованной коммуникации Ф. О. Смирнова положены направленность коммуникации и степень интерактивности. Жанры классифицируются исследователем на три группы в зависимости от степени интерактивности: высокая степень интерактивности (чат); средняя степень интерактивности (форумы, конференции, блоги) и низкая степень интерактивности (электронная почта) [Смирнов 2004, с. 9]. Н. А. Ахренова также считает степень интерактивности важным жанрообразующим параметром, при этом выделяя высококоммуникативные и низкокоммуникативные жанры [Ахренова 2018]. К первой группе относятся общеинформационные, научно-образовательные и жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Взаимодействие в них осуществляется посредством чатов и форумов. Деловые и некоммерческие жанры, коммуникация в которых происходит обычно посредством электронной почты или телефона, относятся ко второй группе.

Е. Н. Галичкина определяет жанровую специфику компьютерной коммуникации на основе двух типов коммуникации – актуальной и сетевой. Актуальная коммуникация понимается как «естественное общение субъектов с другими реально существующими субъектами, знакомыми или незнакомыми между собой» [Галичкина 2012а, с. 10]. Она противопоставлена виртуальному общению, т. е. «общению с собеседниками, которые могут быть как реальными,

так и воображаемыми» [Там же, с. 10]. В данной связи к центральным жанрам актуальной коммуникации ученый относит профессионально-ориентированные жанры, социально ориентированные жанры и жанры, ориентированные на техническую поддержку пользователей компьютерами и программным обеспечением. К жанрам сетевой коммуникации относятся институциональные и персональные жанры [Там же].

Систему классификации жанров предлагает и С. А. Федорова, разграничивая их в соответствии со сферами и стратегиями речевого поведения. Среди предложенных исследовательницей разновидностей жанров различаются: 1) информационные (веб-сайт; интернет-документ; вики-проект; поисковая система); 2) коммуникативные (электронное письмо; системы мгновенного обмена сообщениями; социальные сети); 3) развивающие (игровые миры и игры онлайн); 4) замещающие (интернет-магазин; платежные системы) [Федорова 2014].

В. И. Карасик выделяет восемь жанровых групп, основанных на базовых интенциях, определяющих общение в сетевом сообществе. Эти группы включают демонстративы, «автопрезентации, фотографии себя и/или своих близких»; репортативы, «сообщения о важных новостях»; социативы, «заметки и рассуждения об интересных вещах». Выделяются также креативы, «художественное творчество, свое или чужое, в виде текстов, картин, инсталляций и мультимедийных проектов»; агитативы, «различные сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни»; инструктивны, «рекомендации для решения конкретной проблемы». Прескриптивны устанавливают нормы и правила поведения в сетевом сообществе, в то время как аттрактивны стремятся привлечь внимание и вызвать интерес аудитории [Карасик 2019, с. 50]. Эта классификация подчеркивает разнообразие сетевого дискурса, демонстрируя его адаптивность в условиях цифровой коммуникации.

Л. Ю. Щипицина предлагает комплексную модель жанра компьютерно-опосредованной коммуникации, включающую прагматические, медийные, структурно-семантические и языковые жанрообразующие признаки

[Щипицина 2009]. Прагматические признаки отражают коммуникативную цель или функцию жанра (цель, адресант, адресат, место, время). К медийным признакам относится то, чем или с помощью какой компьютерной программы осуществляется коммуникация (оформление жанра, синхронность/асинхронность, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, количество и эксплицированность коммуникантов). Структурно-семантические признаки ориентированы на рассмотрение содержания и порядка коммуникации (темы и подтемы, развертывание темы, текстовые единицы). В стилистико-языковые признаки включены фонетико-графические, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические средства [Щипицина 2011]. В своей работе исследовательница выделяет шесть основных функций компьютерно-опосредованной коммуникации: информативную, социальную, директивную, презентационную, эстетическую и развлекательную. Эти функции лежат в основе функциональной классификации жанров, согласно которой выделяются информативные, социальные, директивные, презентационные, эстетические и развлекательные жанры [Щипицина 2009].

Таким образом, изучение жанров компьютерно-опосредованной коммуникации остается актуальным направлением лингвистических исследований. Электронные жанры обладают многопризнаковой природой, что позволяет классифицировать их по различным критериям. Некоторые из существующих подходов систематизированы нами в виде таблицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Подходы к классификации электронных жанров

Параметр классификации	Классификация
динамика коммуникации	<ul style="list-style-type: none"> - традиционные - дигитальные - гибридные [Горошко 2006]

форма объективации (близость к письменному или устному тексту)	- тяготеющие к письменным текстам (Интернет-конференция) - близкие к разговорной речи (чат, электронное письмо) [Асмус 2005]
направленность коммуникации, степень интерактивности	- высокая степень интерактивности (чат) - средняя степень интерактивности (форумы, конференции, блоги) - низкая степень интерактивности (электронная почта) [Смирнов 2004]
степень интерактивности	- высококоммуникативные (общественно-информационные, научно-образовательные и жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение) - низкокоммуникативные жанры (деловые и некоммерческие жанры) [Ахренова 2018]
тип коммуникации	- актуальная: профессионально-ориентированные, социально ориентированные, жанры, ориентированные на техническую поддержку пользователей компьютерами и программным обеспечением - сетевая: институциональные (социально ориентированные), персональные (лично ориентированные) [Галичкина 2012а]
сферы и стратегии речевого поведения	- информационные (веб-сайт; интернет-документ; вики-проект; поисковая система) - коммуникативные (электронное письмо; системы мгновенного обмена сообщениями; социальные сети) - развивающие (игровые миры и игры онлайн) - замещающие (интернет-магазин; платежные системы) [Федорова 2014]
базовые интенции	- демонстративы - репортативы - социативы

	<ul style="list-style-type: none"> - креативы - агитативы - инструктивы - прескриптивы - аттрактивы [Карасик 2019, с. 50]
медийные параметры	<p>службы Интернета:</p> <ul style="list-style-type: none"> - электронная почта (электронное письмо, список рассылки, новостная группа) - чат (групповой чат, индивидуальный чат), - мультипользовательский мир - Всемирная паутина (вебстраница, форум, вебблог, поисковая система и др.)
функции	<ul style="list-style-type: none"> - информативные - социальные - директивные - презентационные - эстетические - развлекательные [Щипицина 2009]

Перечисленные классификации подтверждают, что дифференциация жанров может происходить на основе множества параметров, включая обращение к форме жанра, степени интерактивности, базовым интенциям говорящих, функциональным характеристикам жанров и др. С развитием интернет-технологий система жанров трансформируется, что вызывает необходимость создания новых типологий.

1.3. Подходы к изучению коммуникации в сетевых сообществах

Компьютерно-опосредованная коммуникация является эффективным инструментом для создания и консолидации виртуальных сообществ. В данной

работе мы рассматриваем социальные сети как неотъемлемый компонент повседневной жизни человека, его коммуникации и социализации.

Научная новизна их изучения заключается не только в объекте исследования, но и в методологии его описания [Социальные сети 2021, с. 5]. Усложнение системы от первой модели функционирования Интернета Web 1.0 до новых моделей Web 2.0 и Web 3.0 привело к изменению коммуникационных процессов. В отличие от модели Web 1.0, в которой содержимое генерировалось группой профессионалов, модель Web 2.0 открыла возможности для создания контента всем пользователям. Социальные сети стали сетевыми платформами, объединяющими публичную и личную коммуникацию. Публичные сообщения копируются, распространяются, перемещаются и реконтекстуализируются ежедневно сотнями миллионов пользователей социальных сетей [Meikle 2016, с. 6].

Происходит стирание границ между реальным и виртуальным: «На определенном этапе своего развития, а именно с появлением платформ Веб 2.0 и Веб 3.0, компьютерная система в известном смысле «оживила» и стала «взаимодействовать» с пользователями, которые, в свою очередь, стали наполнять ее своим «одушевленным» контентом» [Привалова 2016, с. 25]. Е. В. Горина указывает на «жизнеподобие» как один из важных признаков Сети [Горина 2015]. Исследовательница называет Интернет «технически обустроенным аналогом реальности, в котором отражаются все процессы, свойственные человеку и наблюдаемые им в реальной действительности» [Горина 2015, с. 82].

Е. И. Горошко пишет о «социальной сущности» второго веба: «Собственно социальная сущность второго веба (его социальность) заключается в том, что он «конвертирует» вводимую информацию <...> благодаря ряду механизмов и технологических характеристик <...> в нечто качественно новое, что представляет ценность уже для всего сообщества, превращаясь из «виртуального продукта» в социальную практику» [Горошко 2013, с. 31]. По мнению исследовательницы, коммуникативный процесс

становится более децентрализованным, интерактивным и интегрируется с мобильными технологиями [Там же, с. 32]. Таким образом, виртуальное пространство не является некой абстрактной статичной категорией, а устроено по аналогии с пространством реальным.

В монографии «Социальные сети: комплексный лингвистический анализ» предлагается использовать понятие «ризомы» для описания социальных сетей: «Понятие «ризомы» традиционно рассматривают как разветвленную корневую систему с множеством «узлов», которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов, то есть ризома предлагает нелинейный способ организации целостности, а ключевым ее свойством является множественность» [Социальные сети 2021, с. 34]. К ключевым свойствам «ризоморфизации» социальных сетей авторы относят протяженность и разветвленность линий коммуникации, отсутствие четких границ коммуникации, наличие огромного количества акторов, отсутствие явной иерархии между акторами, «вирусный» или хаотичный характер передачи информации [Там же, с. 34–35]. Данная метафора демонстрирует нелинейность и хаотичный характер организации социальных сетей и коммуникации в них.

Также отмечается постепенное преобразование социальных сетей под систему Web 3.0, которая «в будущем будет представлять собой сеть узкоспециализированных информационных ресурсов, которые содержат в себе все необходимые инструменты для того, чтобы позволить пользователю максимально эффективно осуществлять свою деятельность в соответствии с его интересами или профессиональной деятельностью» [Там же, с. 35].

В настоящее время существует единогласие в понимании социальной природы человека и его предрасположенности к существованию в группах [Hofstede 1984; Brewer 2013]. М. Брюер и М. Юки считают, что люди характеризуются обязательной взаимозависимостью (*obligatory interdependence*), и большая часть человеческой деятельности связана с проживанием и работой в группах: «Членство в группах выполняет широкий

спектр адаптивных функций, включая как материальные преимущества взаимопомощи и коллективной деятельности, так и субъективные психологические преимущества принадлежности к группе и социальной идентичности» [Yuki 2013, p. 2] (Здесь и далее перевод с английского языка наш. – Э. Ю.).

Сетевые сообщества определяются как «группы людей с общими интересами и практиками, которые регулярно общаются в течение некоторого времени в организованном порядке через Интернет посредством общего места или механизма» [Ridings 2002, p. 273]. Ключевыми аспектами значимого социального взаимодействия в сетевом сообществе являются следующие: простота, осязаемые ценности интеракции и вовлеченность. В основе сплоченности и устойчивости сообщества лежит ощущение близости между акторами и чувство принадлежности к группе [Glezakos 2012]. Сетевое сообщество как сообщество практики [Lave 1991] – совокупность людей, вовлеченных в какую-либо общую деятельность на постоянной основе [Eckert 2009, p. 109], – является локусом идентичности и ее языкового конструирования.

Несмотря на то, что вопрос о дифференциации виртуальных и реальных сообществ остается открытым, все больше исследователей говорят об их идентичности [Herring 2004; Бондаренко 2004; Данкова 2019]. Ф. Юс утверждает, что с развитием технологий грань между физическим и виртуальным стирается и пользователи перестают разграничивать интеракции в Сети и физические интеракции благодаря развитым системам (чатам, видеоконференциям и др.) [Yus 2011, p. 32–33].

Н. С. Данкова и Т. В. Дубровская полагают, что развитие социальных сетей привело к созданию виртуальных групп, обладающих характеристиками, сходными с реальными сообществами. Например, такие платформы, как ВКонтакте, позволяют пользователям не только делиться информацией, но и формировать устойчивые связи, которые могут влиять на их реальную жизнь. Отмечается, что «развитие социальных сетей и их популярность привели к

формированию виртуальных групп, имеющих те же признаки, что и группы людей в реальной жизни» [Данкова 2019, с. 554].

С. Херринг указывает на то, что существование виртуальных сообществ возможно, однако не любая онлайн-группа может называться виртуальным сообществом [Herring 2004]. Исследовательница выделяет следующие критерии сетевых сообществ: 1) активное, самостоятельное участие, ядро постоянных участников; 2) общая история, цель, культура, нормы и ценности; 3) солидарность, поддержка, взаимность; 4) взаимная критика, конфликт, средства разрешения конфликта; 5) самосознание группы как целостного образования, отличающегося от других групп; 6) появление ролей, иерархии, управления, ритуалов [Herring 2004].

Датская исследовательница С. Готвед предлагает типологию пространственных измерений сетевых сообществ [Gotved 2002]. Пространство интерфейса (*interface space*) обеспечивает возможность пребывания в сообществе с точки зрения технического и программного обеспечения: разделяемое пространство на экране дает возможность ощутить существование сообщества, а также создает необходимые границы. Социальное пространство (*social space*) составляет совокупность интеракций участников. Исследовательница отмечает, что социальное пространство является неустойчивым и представляет собой «совокупность взаимодействий, интерпретаций, фантазий, ожиданий и демаркаций (установления границ в сообществе с целью защиты групповых норм и принципов)» [Там же, с. 410]. Выделяется также метафорическое пространство (*metaphorical space*), которое формируется посредством метафор, связывающих виртуальное пространство с физическим. Метафорическое пространство создается не только вербально, но и посредством объектов и образов. С одной стороны, происходит реконструкция физического мира в виртуальном, с другой – создание нового измерения [Там же].

Сетевые сообщества, как и сообщества реальные, можно рассматривать с точки зрения эссенциализма (*essentialism*) и энтитативности (*entitativity*),

которые являются двумя уровнями группового познания (*group cognition*) [Brewer 2013]. Эссенциализм – «это степень, в которой члены данной социальной группы или социальной категории воспринимаются как обладающие некоторыми неизменными базовыми характеристиками («сущностью»), определяющими их принадлежность к группе» [Brewer 2013, с. 6–7]. Энтитативность определяет «степень, в которой конкретная социальная группа воспринимается как значимая, сплоченная коллективная сущность (в отличие от разрозненной совокупности индивидов)» [Там же]. По критерию энтитативности выделяются группы, образованные на основе общей групповой идентичности (*common-identity groups*) и на основе тесных межличностных связей (*common-bond groups*) [Prentice 1994]. В первом случае групповая идентичность остается стабильной в случае изменения состава группы, а во втором – на первый план выходит связь между участниками группы. Данная теория неоднократно применялась при изучении сетевых сообществ [Carr 2021; Ren 2007; Utz 2002].

Многие исследования фокусируются на психологических аспектах взаимодействия людей в сетевых сообществах. Ф. Юс выделяет следующие аспекты членства индивида в сетевом сообществе: чувство принадлежности к сообществу, получение обратной связи и поддержки, накопление социального капитала, взаимное удовлетворение от обмена информацией и положительное или отрицательное влияние виртуальных взаимодействий на самооценку [Yus 2018, p. 103 – 104]. Одно из преимуществ компьютерно-опосредованной поддержки – возможность ее получения вне зависимости от времени, расстояния и социальных статусов [Braithwaite 1999]. Среди прочих преимуществ исследователи выделяют анонимность, возможность получить объективную обратную связь от большого количества пользователей с различными точками зрения и отсутствие запроса на взаимность [Wright 2013]. Б. Веллман и М. Гулиа полагают, что процесс предоставления поддержки в Сети может способствовать повышению самооценки и авторитета личности, а также приобретению нового статуса [Wellman 1999, p. 177].

Американский психолог Д. Сулер отмечает, что в виртуальной среде люди чувствуют себя менее скованно и более открыто выражают собственные мысли. Это явление получило название «эффекта растормаживания в Сети» (*online disinhibition effect*) [Suler 2004]. Данный эффект может проявляться в благоприятном и негативном направлениях. В первом случае пользователи делятся эмоциональным опытом и демонстрируют просоциальные реакции. Другие же проявляют деструктивное поведение, используя нецензурную брань, прибегая к жесткой критике, ненависти и угрозам [Там же, с. 321].

Конфликтогенность сетевой коммуникации обусловлена общими закономерностями языка: «коммуникативная сущность языка принципиально конфликтна», а также внутренними особенностями сетевой коммуникации, такими как расширение диапазона взаимодействия адресанта и адресата, усиление визуального канала и письменного плана речевого сообщения, конфликт между традиционной и возникающей новой нормативностью [Социальные сети 2022, с. 5].

Речевая агрессия как особый тип конфликтогенного поведения приобретает в Сети такие формы, как флейминг (спор ради спора) и троллинг (речевая провокация), специфичность которых «определяется прагматической установкой адресанта: его стратегическая цель – дестабилизация коммуникативного процесса» [Воронцова 2016, с. 109]. Троллинг, зародившийся и закрепившийся в сленге участников виртуальных сообществ в 90-х гг. XX столетия, приобрел статус важного социально-психологического феномена, который оказывает деструктивное влияние на индивидов и атмосферу сообщества [Внебрачных 2012, с. 49]. Лингвистическая, дискурсивная и этическая стороны проявления конфликта, агрессии и языка вражды (*hate speech*) в социальных сетях подробно изучены в отечественных и зарубежных исследованиях [Стексова 2013; Castano-Pulgarin 2021; Sparby 2020; Teneketzi 2022].

Сетевые сообщества приобретают особую важность в условиях преодоления социальных кризисов. М. Ситрин отмечает, что люди

объединяются в группы на локальном или региональном уровне с целью взаимопомощи и моральной поддержки. Главным аспектом является не материальная помощь, а укрепление социальных связей, ослабленных из-за социального дистанцирования [Sitrin 2020]. Дискурсивные практики участников сетевых сообществ в контексте пандемии были изучены в отечественных и зарубежных исследованиях [Юськаева 2021в; Wei 2023].

Исследователи анализируют роль сетевых сообществ в организации и развитии социальных движений, что формирует новое направление на стыке социологии, политологии и медиаисследований. Особое значение в данном контексте приобретает концепция логики «коннективного действия» (*logic of connective action*), разработанная Л. Беннетом и А. Сегерберг [Bennett 2012]. Согласно данной теории, современные участники политического процесса объединяются на основе своих индивидуальных идентичностей и ценностей, а не принадлежности к специализированным организациям. В основе данного формата политического участия лежит собственная мотивация индивида. Онлайн-платформы позволяют репрезентировать собственные интересы и политические взгляды посредством многообразия индивидуальных инструментов: текстовых сообщений, репостов и опции «поделиться» [Там же].

В настоящее время изучаются дискурсивные особенности конфликтной мобилизации [Ребрина 2021], мобилизации протеста [Гавра 2021; Khazraee 2018] и электоральной коммуникации [Бушев 2025]. Данные исследования доказывают, что сетевые сообщества представляют собой сложные социальные системы, сочетающие психологические, организационные и активистские функции. Они воспроизводят традиционные механизмы групповой динамики, адаптируя их к цифровой среде, и создают новые формы социальной организации и коллективного действия.

В современной исследовательской практике для изучения сетевых сообществ применяются следующие методологические подходы:

- 1) анализ социальных сетей;
- 2) контент-анализ;

- 3) дискурс-анализ;
- 4) конверсационный анализ;
- 5) этнографический метод [Daniel 2011].

Таким образом, современное изучение сетевых сообществ требует комплексной методологии, объединяющей различные исследовательские подходы. Подобная интеграция методологических парадигм дает возможность наиболее полно исследовать сложную природу виртуальных сообществ, которые стали важным социокультурным феноменом цифровой эпохи. Только сочетание различных аналитических инструментов позволяет раскрыть как формальные характеристики сетевых взаимодействий, так и их содержательное наполнение, что особенно важно в условиях постоянной трансформации цифровых коммуникативных практик.

1.4. Идентичность как категория социально-гуманитарных наук

Категория *идентичности* (от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый, в буквальном переводе – «тождественность») является одной из противоречивых категорий современных социально-гуманитарных наук, включая философию, социологию, психологию, политологию и др. Исследователи подчеркивают комплексность данного понятия и констатируют невозможность его четкого определения [Идентичности: семиотика репрезентации 2022; Лингвистические аспекты исследования 2012]. При этом представляется возможным выделить ключевые теоретические положения, которые важны в контексте настоящего исследования.

Обсуждение и понимание самоидентичности предполагает наличие некоторого «Другого» [Гаджиев 2011; Гранин 2015; Benwell 2006; Lee 2013; Triandafyllidou 1998]. Идентичность отвечает не только на вопрос «Кто мы?», но и на вопрос «Кто мы по отношению друг к другу?» [Benwell 2006, с. 6]. По утверждению К. С. Гаджиева, идентификация достигается посредством сравнения с другими людьми, принадлежащими к какому-то другому

сообществу [Гаджиев 2011].

Согласно теории оптимальной отличительности М. Брюер, в основе социальной идентичности лежит фундаментальное противоречие между человеческой потребностью в сходстве с другими, с одной стороны, и потребностью в уникальности и индивидуализации, с другой стороны [Brewer 1991, p. 477].

Значительный вклад в осмысление проблемы соотношения индивидуальных и коллективных идентичностей внес Г. Хофстеде в рамках теории культурных измерений. Дихотомия *индивидуализм vs. коллективизм* образует одно из ключевых измерений для анализа культурных различий между обществами. Как отмечает исследователь, «коллективное начало лежит в основе человеческого существования, хотя разные общества демонстрируют это свойство в различной степени» [Hofstede 1984, с. 149]. Для иллюстрации этого тезиса Г. Хофстеде проводит аналогию с животным миром, противопоставляя стайных волков одиночкам тиграм, подчеркивая, что человеческий вид по своей природе относится к существам, живущим в сообществах [Там же].

Согласно наблюдению Г. Хофстеде, несмотря на глобальное распространение индивидуалистических ценностей, коллективное начало продолжает играть значительную роль в современном мире [Hofstede 2010]. Это положение особенно актуально в контексте изучения сетевых сообществ, где, несмотря на свободу индивидуального самовыражения, формируются коллективные идентичности и групповые нормы поведения.

Идентичность является подвижным вербализованным конструктом. З. Бауман констатирует необходимость исследования идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [Бауман 2005, с. 120 – 121]. Ю. Д. Гранин определяет идентичности как «индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям», определяемые, в свою очередь,

предшествующим воспитанием, образовательным и культурным багажом и наличествующим в данный момент окружением» [Гранин 2015, с. 7]. В своей концепции исследователь опирается на теорию «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, подчеркивая символическую природу коллективных идентичностей. Данный термин был первоначально применен для описания нации. Во-первых, нация является воображаемым конструктом, поскольку члены нации не знают большинства своих собратьев, хотя в умах каждого из них живет образ их общности. Во-вторых, она воображается сообществом, поскольку «нация всегда понимается как глубокое горизонтальное товарищество» [Андерсон 2001, с. 31 – 32].

В основе дискурсивного подхода к изучению идентичности лежит тезис о том, что конструирование идей и социальных процессов осуществляется посредством дискурса. С. Холл предлагает рассматривать идентичность как место сочленения (*suture*) дискурсов и практик, помещающих индивида в определенные субъектные позиции, и процессов, производящих субъективность и конструирующих нас как субъектов, о которых можно говорить [Hall 1996, p. 5–6]. Такой взгляд позволяет преодолеть традиционные эссенциалистские представления об идентичности как о статичном образовании, акцентируя внимание на ее ситуативном и контекстуальном характере.

Исследуя феномен национальной идентичности, Р. Водак разрабатывает дискурс-аналитическую теорию, согласно которой идентичность представляет собой динамический и многомерный феномен, который постоянно воспроизводится и трансформируется через систему языковых практик. В рамках данного подхода особое значение приобретает изучение идентичности как сложного социального конструкта, формируемого посредством специфических дискурсивных механизмов [Wodak et al. 2009, p. 3–4]. Анализ материала ведется с точки зрения содержания (*contents*), стратегий аргументации (*strategies*) и средств и форм лингвистической реализации (*means and forms of realisation*) [Там же, с. 30].

Н. Фэрклаф признает дискурсивную природу идентичности, при этом отмечая относительную спорность данного феномена. Идентичность не может быть ограничена только областью социального, поскольку взаимодействие человека с миром начинается еще до изучения языка и продолжается на протяжении всей жизни: «Самосознание является предпосылкой для социальных процессов идентификации, конструирования социальных идентичностей, включая социальную идентификацию в дискурсе, в текстах» [Fairclough 2003, p. 160].

Тезис об идентификации личности через язык отражается и в определении языковой личности, предложенном Ю. Н. Карауловым: «Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2013, с. 38]. Структура языковой личности включает три уровня:

- 1) вербально-семантический (нулевой);
- 2) тезаурусный (первый);
- 3) мотивационный (высший) [Там же, с. 56].

На вербально-семантическом уровне в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между которыми охватывают разнообразие грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, в совокупности объединенных единой «вербальной сетью». Наиболее простые словосочетания, простые предложения и фразы выступают как своеобразные «паттерны» или клише [Там же, с. 52]. Элементы данного уровня принимаются языковой личностью как данность. Единицами тезаурусного уровня выступают обобщенные понятия, крупные концепты и идеи. Языковая личность выбирает генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые выражения, «присваивая» те, которые соответствуют связям в ее тезаурусе и выражают незыблемые для нее ценности. Собственно языковая личность начинается именно с первого уровня [Там же, с. 53]. Высший уровень образуют деятельностно-коммуникативные потребности человека. Отношения

между единицами задаются условиями сферы общения, особенностями ситуации и набором коммуникативных ролей. Данный уровень предполагает использование образов прецедентных текстов культуры [Там же, с. 54].

Индивидуальная идентичность как «краткое изложение всех наших индивидуальных черт, характеристик и предрасположенностей» определяет уникальность каждого человеческого существа [Edwards 2009]. При этом уникальность индивида возникает благодаря особой комбинации элементов, взятых из общего человеческого запаса [Там же].

В современных научных школах существует многообразие подходов к изучению идентичности и языковых средств ее репрезентации. Лингвокультурный, лингвокогнитивный и дискурсивный подходы используются при исследовании языковых аспектов личностной, социально-групповой и коллективной идентичности и рассмотрении гендерной, конфессиональной и профессиональной идентичностей [Лингвистические аспекты исследования 2012]. Существующие исследования подтверждают релевантность применения психолингвистических методов при изучении категории идентичности. Так, в работе Е. В. Харченко феномен я-идентификации рассматривается на основе данных, полученных в результате ассоциативных экспериментов [Харченко 2014].

В рамках дискурсивного подхода Т. В. Дубровская предлагает трехуровневую модель конструирования идентичности:

1) содержательный («Язык выступает как инструмент и ресурс, используемый говорящим для создания высказываний, содержательная сторона которых выражает ценности, убеждения, представления, свидетельствующие о национальной идентичности говорящего») [Дубровская 2015, с. 30];

2) коммуникативный («Язык является непосредственной формой существования национальной идентичности, когда вне зависимости от содержания высказываний и предмета обсуждения языковые формы выражают особенности коммуникации в той или иной лингвокультуре. Этот уровень конструирования национальной идентичности целесообразно описывать в

терминах коммуникативных категорий, таких как категория вежливости, иронии, категоричности, неопределенности и др.») [Там же];

3) металингвистический («Язык и коммуникация могут выступать в качестве предмета обсуждения. Говорящие выражают свое отношение к фактам языка...») [Там же, с. 31].

Как отмечают Т. В. Леонтьева и А. В. Щетинина, идея идентичности вербализуется в номинациях человека по принадлежности к определенному социальному сообществу, которое имеет профессионально-статусную, поколенческую, сословную и иные характеристики [Леонтьева 2021, с. 90]. Этот факт обуславливает интерес к изучению социальной лексики и специфичных номинаций групп [Леонтьева и др., 2018; Леонтьева 2021; Щетинина 2018].

В работе, посвященной исследованию устойчивых выражений с семантикой принадлежности к сообществу, отмечается, что интернет-среда побуждает к самопрезентации и выводит из тени самые разные вариации идентичностей пользователей [Леонтьева 2021, с. 102]. Проведенный группой исследователей анализ номинаций выявил тенденцию к увеличению числа коллокаций с семантикой идентичности, подтверждающую непреходящую актуальность идеи включенности человека в какую-либо социальную группу [Леонтьева 2021]. В монографии «Лики единения в языке и дискурсе» исследованы слова, выражения, тексты, выражающие вербализацию единения в разных функциональных сферах [Лики единения 2022].

При изучении коллективной идентичности крупных социальных групп используются лингвоимагологический и лингвокультурологический методы. Так, в исследовании Н. Н. Кошкарновой и О. А. Солоповой анализируются репрезентации российской цивилизационной и культурной идентичности в учебных материалах [Кошкарнова 2025].

В рамках социолингвистического направления [De Fina 2013] исследуются нарративные практики идентификации с акцентом на их ситуативный и контекстуально обусловленный характер. Данный подход

рассматривает идентичность не как статичную сущность, а как динамический процесс, постоянно пересматриваемый и переопределяемый в ходе социального взаимодействия. Как отмечает А. де Фина, посредством нарративов люди конструируют идентичности на трех уровнях: 1) уровень устоявшихся культурных способов повествования посредством нарративных ресурсов (лингвистических и риторических), с помощью которых людей идентифицируют как членов определенных сообществ; 2) уровень согласования социальных ролей, на котором обсуждаются социальные отношения рассказчиков; 3) уровень обсуждения членства в сообществах: категоризация себя и других, а также согласование групповых убеждений и ценностей [De Fina 2013, с. 19]. Особое внимание уделяется анализу того, как в повседневных коммуникативных практиках индивиды используют языковые ресурсы для позиционирования себя в различных социальных контекстах. В отличие от структурно ориентированных подходов, данный метод подчеркивает агентность говорящего, позволяя выявить сложную взаимосвязь между языковыми выборами индивида и более широкими социальными структурами.

В основе ряда современных исследований идентичности лежит методология мультимодального дискурс-анализа. В работе М. В. Загидуллиной уточнена процедура данного метода в контексте изучения материализованной идентичности и предложен новый алгоритм мультимодального дискурс-анализа любительских видеонарративов [Загидуллина 2023]. Часть результатов была изложена в работе коллектива исследователей, посвященной изучению археологической тематики в СМИ [Археология и общество 2024].

В условиях, когда виртуальная среда приобретает характеристики, сопоставимые с физической реальностью, процессы идентификации претерпевают значительную трансформацию. Современные исследования цифровых сообществ обращаются к анализу феномена виртуальной идентичности как особой формы социального самоопределения. Как отмечает Ф. Юс, виртуальная идентичность, несмотря на свою цифровую природу,

обладает всей полнотой социальной реальности, поскольку формируемые в сети взаимодействия зачастую не уступают по своей значимости оффлайн-коммуникациям [Yus 2011, с. 37]. Так, идентичность в цифровой среде не является сугубо игровой или экспериментальной, а представляет собой полноценный социальный конструкт, что принципиально важно в контексте данного исследования.

Фундаментальными свойствами виртуальной идентичности являются ее гибкость и множественность. Г. Крибер подчеркивает: «С таким количеством различных сообществ, открытых для нас в сети сейчас, мы можем просто начать выбирать, какие идентичности мы хотим принять и от каких хотим отказаться, что позволяет людям решать, как они определяют себя, а не придерживаться узкого и ограниченного набора вариантов, установленного однажды в прошлом» [Creeber 2009, с. 18]. Данные особенности свидетельствуют о наступлении нового этапа эволюции социальной идентичности, характеризующегося поливариантностью самопрезентации, пластичностью идентификационных моделей и возможностью полиидентичного существования в цифровой среде.

Коллективная социальная идентичность характеризуется процессом деперсонализации [Brewer 1996] или деиндивидуации [Carr 2021], представляющим собой утрату осознания собственной индивидуальности в условиях группового взаимодействия [Carr 2021, р. 69]. По мнению С. В. Бондаренко, в процессе коммуникации участники сетевого сообщества выстраивают коллективную идентичность. Первый этап формирования коллективной идентичности предполагает социализацию нового участника, в ходе которой происходит взаимное влияние индивидуальной идентичности участника и коллективной идентичности сообщества. На втором этапе новый член группы принимает активное участие в формировании коллективной идентичности. На третьем этапе участник группы вступает в коммуникацию с представителями других сообществ. Как отмечает исследователь, в процессе межгрупповой коммуникации участник акцентирует коллективную

идентичность, отодвигая на второй план собственные индивидуальные характеристики [Бондаренко 2004, с. 20].

Проблема коллективных и индивидуальных идентичностей в Сети затронута в работе А. В. Щетининой [Щетинина 2021]. Исследовательница отмечает уникальность социальной ситуации в настоящее время: «Молодежь проводит значительную часть своей жизни в сетевом взаимодействии, которое основывается как на индивидуалистических, так и на коллективистских принципах и правилах поведения участников коммуникации, при этом трансформируя их под новые форматы общения» [Щетинина 2021, с. 4]. Анализируя значение и употребление неологизмов в Сети, исследовательница приходит к выводу о том, что ряд новых слов, связанных с индивидуалистическими проявлениями личности (инфлюенсерство, амбассадорство и др.), актуализируют не противопоставление себя коллективу, а семантику зависимости человека от общественного мнения и социального одобрения. В Сети формируются неустойчивые связи между людьми, поскольку оснований для единения недостаточно. В связи с этим исследовательница отмечает «иллюзорность» индивидуализма и «ложность» коллективизма в Сети.

Д. Бойд отмечает, что под видом самовыражения пользователи социальных сетей фактически конформируются к ожиданиям своей группы [Boyd 2014]. Феномен потери идентичности проявляется в стремлении соответствовать ожиданиям группы в социальном и языковом поведении [Курочкина, Кушнерук 2023].

Современные исследования цифровой идентичности раскрывают сложную диалектику между устойчивыми и изменчивыми компонентами самопредставления в виртуальной среде. Как отмечают К. Ли и Д. Бартон, идентичность в цифровом пространстве характеризуется принципиальной неустойчивостью (*fluid*) и многогранностью (*multi-faceted*), что отражает динамическую природу сетевых взаимодействий [Lee 2013, p. 68]. При этом некоторые аспекты идентичности, такие как возраст, гендер или национальная

принадлежность, являются относительно статичными. Исследователи изучают проблемы актуализации различных типов идентичности в Сети: гендерной [Гукосьянц 2016; Дускаева 2021; Herring 2017], профессиональной [Данкова 2019], идентичностей субкультур [Данкова 2018].

Таким образом, идентичность как исследовательский объект представляет собой сложный и многогранный социальный конструкт, имеющий как индивидуальные, так и коллективные проявления. Положения, которые мы используем в качестве исходных предпосылок настоящего исследования, включают следующие: 1) обсуждение идентичности предполагает наличие «Другого»; 2) в основе социальной идентичности сочетаются разнонаправленные тенденции: потребность в сходстве с другими людьми и потребность в индивидуализации; 3) идентичность в цифровой среде отличается гибкостью и множественностью и представляет собой полноценный вербализованный конструкт.

1.5. Методология исследования коллективной и индивидуальной идентичностей в жанрах сетевых сообществ

В основе методологии исследования лежит критический дискурс-анализ как «направление исследований, направленных на «вскрытие» идеологически, политически и социально нагруженных смысловых порядков, репрезентированных и транслируемых с помощью дискурсивных практик» [Кожемякин 2018, с. 87]. Методологическая база данного направления была заложена в работах Р. Водак, Т. Ван Дейка, М. Мейера, М. Рейзигла, Н. Фэрклафа [Fairclough 1997; Van Dijk 2001; Wodak et al. 2009; Wodak 2009]. В рамках критического дискурс-анализа язык рассматривается как социальная практика, подчеркивается значимость контекста использования языка [Fairclough 1997]. В контексте изучения идентичности важно следующее утверждение о дискурсе: «Дискурс формирует ситуации, объекты познания,

социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей» [Fairclough 1997, с. 258].

По мнению С. Херринг, изучение компьютерно-опосредованного дискурса в сетевых сообществах предполагает обращение к четырем уровням анализа:

1) структура (феномены: типографика, орфография, морфология, синтаксис и структура дискурса; исследовательские вопросы: жанровые характеристики, эффективность и экспрессивность высказываний; методы: методы структурной и дескриптивной лингвистики);

2) значение (феномены: значения слов, высказываний и более крупных функциональных единиц; исследовательский вопрос: коммуникативное намерение говорящего; методы: семантические и прагматические);

3) взаимодействие (феномены: обмен мнениями в порядке очередности; исследовательские вопросы: интерактивность, синхронность речи в процессе построения диалога между участниками; методы: разговорный анализ, этнометодология);

4) социальное поведение (феномены: лингвистические способы выражения статуса и конфликта; языковая игра; стили дискурса; исследовательские вопросы: социальная динамика, властные отношения, идентичности; методы: интеракционная социолингвистика и критический дискурс-анализ) [Там же, с. 18].

В рамках подхода С. Херринг подтверждается целесообразность комбинирования различных методов при изучении комплексных исследовательских объектов.

Дихотомия *коллективное vs. индивидуальное* рассматривается нами в качестве реляционной пары (*relational pair*). Данный подход применялся исследователями ранее при изучении оппозиций. Так, при рассмотрении пары «*us and them*» А. Совиньска и Т. В. Дубровская подчеркивают, что обращение к одному члену пары предполагает наличие другого [Sowińska 2012a, p. 453].

Для изучения жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, которая близка к разговорной речи, применим метод конверсационного анализа [Sacks 1974; Sacks 1995], изучающий «порядок, организованность, упорядоченность социальных действий, особенно тех, которые проявляются в повседневном взаимодействии, в дискурсивных практиках, в высказываниях, рассказах, поступках членов общества» [Psathas 1994]. Термин *смежные пары* (*adjacency pairs*) был введен Х. Саксом и его коллегами с целью обозначения особых типов «последовательностей высказываний» (*utterance sequences*) [Schegloff 1973, p. 295]. Смежные пары состоят из двух произносимых разными людьми высказываний, одно из которых предшествует другому. Примерами таких пар являются «вопрос – ответ» (*question – answer*), «приветствие – приветствие» (*greeting – greeting*), «предложение – принятие / отказ» (*offer – acceptance / refusal*) [Там же]. Термин *смежная пара* используется в русскоязычной литературе при изучении интернет-диалога как устно-письменного дискурса [Современный русский язык 2014].

При исследовании жанров нами также учитывается критерий речевых замыслов – фатики и информатики. В наличии универсального принципа – противопоставлении фатики и информатики – В. В. Дементьев видит основание для «примирения» разных моделей и построения единой и общепризнанной типологии речевых жанров [Дементьев 2010, с. 160–161]. Как отмечает К. Ф. Седов, информатика выступает маркированным членом данной оппозиции, поскольку к данной области относятся виды общения, которые направлены на передачу (получение) информации. Термином «фатика» обозначается неинформативная речь, направленная главным образом на иллокуцию установления, поддержания и продолжения речевого контакта. Важно то, что при классификации речевых жанров можно говорить только об их тяготении к информатике или фатике, так как «в реальной речевой практике информативная и фатическая иллокуция тесно переплетена в рамках любого жанра» [Седов 2016, с. 175].

Таким образом, сочетание перечисленных методов позволяет всесторонне изучить структуру коллективной и индивидуальной идентичностей, конструируемых в жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации, и выявить основные средства их актуализации.

Выводы по главе 1

С развитием интернет-лингвистики фокус исследований смещается с описания качественных и структурных характеристик самой компьютерно-опосредованной коммуникации на исследование особенностей сетевого взаимодействия в антропоцентрической парадигме. В центре внимания все чаще находится языковая личность, а также ее социокультурные характеристики.

Виртуальные интеракции происходят посредством типичных форм коммуникативного взаимодействия в Сети – электронных жанров. Существует множество классификаций интернет-жанров, созданных на основании направленности коммуникации, степени интерактивности, сфер и стратегий речевого поведения, базовых интенций, функций и других критериев. Данные классификации дают представление о природе электронного жанра, его формах и функциональных характеристиках, однако постоянное усложнение виртуальной среды и коммуникации в ней диктует необходимость дальнейшей разработки данной проблематики.

Предрасположенность человека к существованию в группах обуславливает вступление в виртуальные сообщества, которые представляют собой аналоги реальных групп, существующих в физическом пространстве. Сетевые сообщества выступают платформами конструирования идентичностей пользователей. Виртуальные идентичности, как и идентичности реальные, формируются в процессе коммуникации посредством сравнения себя с другими, а подвижность и множественность виртуальных идентичностей усложняет их выявление и категоризацию.

В настоящем исследовании мы используем термины «коллективные» и «индивидуальные» идентичности во множественном числе с целью подчеркнуть гибкий и изменчивый характер идентичности в виртуальной среде. В Сети одновременно конструируется бесчисленное множество как индивидуальных, так и коллективных идентичностей пользователей. Репрезентации индивидуальных идентичностей отдельных пользователей могут варьироваться в зависимости от направленности сообществ, в которые они вступают (идентичность учителя, идентичность матери и др.), и прагматических факторов (идентичность «новенького», идентичность эксперта и др.).

Ввиду процесса деиндивидуации самоидентификация пользователя перестает ограничиваться пониманием собственного «Я» и переходит в область коллективного «Мы». Поскольку виртуальная среда обеспечивает условия для объединения пользователей в группы на основе разных признаков, можно говорить о разнообразии коллективных идентичностей, конструируемых в процессе сетевого взаимодействия (учителей, матерей, людей с ментальными заболеваниями и др.).

Итак, дихотомия *индивидуальное vs. коллективное* и средства ее конструирования в жанрах сетевых сообществ представляют собой актуальный объект для лингвистического изучения.

ГЛАВА 2. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПАРАХ СМЕЖНЫХ ЖАНРОВ

2.1. Самопрезентация и приветственная реплика: индивидуальные характеристики участника и коллективные атрибуты группы

Жанр самопрезентации используется новыми участниками с целью заявить о себе и получить статус легитимного члена сетевого сообщества.

Композиция жанра включает шесть компонентов:

- 1) приветствие;
- 2) указание на статус в сообществе;
- 3) выражение эмоционального состояния;
- 4) описание личных характеристик;
- 5) отсылку к идентификационному признаку;
- 6) обозначение мотивационных ожиданий.

Таблица 2 – Композиционные компоненты жанра самопрезентации

Компонент	Примеры
Приветствие	<p><i>Добрый день! (ПуУ)</i></p> <p><i>Всем привет. (120)</i></p> <p><i>Приветствую.(120)</i></p> <p><i>Hi! (AaDS)</i></p> <p><i>Hello everyone. (AaDS)</i></p> <p><i>Hi all (AT)</i></p>
Указание на статус в сообществе	<p><i>Я новенькая. (120)</i></p> <p><i>New to this group thing.(BS)</i></p> <p><i>This is Ray (aka "the new guy"). (AaDS)</i></p> <p><i>I am brand new to this space. (AaDS)</i></p>

<p>Выражение эмоционального состояния</p>	<p><i>Немного волнуюсь.. Подскажите, где можно ознакомиться с правилами? (12O)</i></p> <p><i>So I just joined and I'm a little confused... do I just talk about my problems? (BS)</i></p> <p><i>Not really sure what I'm supposed to type here. (AaDS)</i></p> <p><i>I signed up a couple of months ago and then panicked about that. (AaDS)</i></p> <p><i>However, this website is giving me anxiety, trying to figure it out. Not good with technology. (AaDS)</i></p>
<p>Описание личных характеристик</p>	<p><i>Меня зовут Наталья. (12O)</i></p> <p><i>Мне 23. (ПуУ)</i></p> <p><i>My name is Maddie. (AaDS)</i></p> <p><i>Indian woman here. (BS)</i></p> <p><i>I'm a black female. (BS)</i></p> <p><i>I'm 19 years old. (AT)</i></p>
<p>Отсылка к идентификационному признаку</p>	<p><i>Я учитель физики и информатики по образованию.. (ПуУ)</i></p> <p><i>Я - молодой специалист. Началка. Работаю с сентября, дали 2 класс. (ПуУ)</i></p> <p><i>Я - мама. Моей малышке 7 месяцев. (12O)</i></p> <p><i>87-89 ММГ-2 Хорог. (АП)</i></p> <p><i>Male primary teacher here. (AT)</i></p> <p><i>I have recently been really struggling with depression and anxiety. (AaDS)</i></p> <p><i>At present, I am dealing with a level of anxiety I am just not familiar with. (AaDS)</i></p> <p><i>I am a new teacher. I started term 1. I am still at uni, finishing this year. (T)</i></p>
<p>Обозначение мотивационных ожиданий</p>	<p><i>Присоединилась не только чтобы нить самой, но и чтобы поддерживать других. (12O)</i></p> <p><i>I'm looking for reciprocal peer support. (AaDS)</i></p>

	<p><i>I also have not friends that's why I joined this group so I could talk to people especially because of my depression and anxiety. (AaDS)</i></p> <p><i>I'm hoping to find some connection and support with people who understand what that's like. (AaDS)</i></p> <p><i>I've joined this community with the intention to learn, grow, and also share whatever experiences I have in the hope that they might help someone else. (AT)</i></p>
--	--

Самопрезентационный пост начинается с **приветствия** участников сообщества с помощью этикетных формул и перформативов (*Hi; hello; Добрый день; приветствую*). Обращение нового участника адресовано всем представителям группы одновременно (*Всем привет; Hi all*).

За приветствием следует **указание на статус в сообществе** или ситуационную идентичность участника – статус «новенького». Ситуационная идентичность (*situated identity*) понимается как идентичность, актуализируемая в рамках определенных типов ситуаций [Zimmerman 1998, p. 90]. Лексемы с семантикой новизны выступают маркерами ситуационной идентичности участника – идентичности нового члена группы (*new; the new guy; новенькая*), которая противопоставлена статусу участников, состоящих в сообществе в течение более длительного периода времени. Прилагательное *brand new* (*совершенно новый*), используемое в английском языке для обозначения новых, ранее не использованных вещей, применяется для дифференциации в коллективе и указания на новый статус участника.

В своих постах новые участники сообщают о своем **эмоциональном состоянии** на момент вступления в группу, например, о неуверенности в праве на членство, содержании первого поста и способности в полной мере пользоваться техническими возможностями платформы. На лексическом уровне эмоциональное состояние субъекта выражается посредством лексем с семантикой замешательства (*a little confused*), неуверенности (*not really sure*), отсутствия способности (*not good with*) и волнения (*Немного волнуюсь..;*

anxiety). Вопросительные предложения на уровне синтаксиса свидетельствуют об отсутствии представления об организации сообщества и желании получить поддержку (*do I just talk about my problems?*).

При вступлении в сообщество участник описывает собственные **личные характеристики**, конструирующие его уникальность и отличие от остальных членов группы. В самопрезентационных постах участники представляются посредством антропонимов (*Наталья; Maddie*) или виртуальных самономинаций, выполняющих функцию антропонимов в виртуальной среде. Как отмечает В. В. Казяба, похожие по своей сути никнеймы, юзерники, интернет-псевдонимы и их аналоги «сближаются по своим свойствам с именами собственными, так как играют важную номинативно-дифференцирующую роль, маркируя авторство любых вербальных и невербальных действий интернет-пользователя. Благодаря им становится возможным создание виртуальных личностей и погружение последних в социальный контекст онлайн-взаимодействия на основе формируемой взаимосвязи „имя – образ – действия“» [Казяба 2022]. В никнеймах участников сетевых сообществ содержатся отсылки к настоящим или вымышленным компонентам идентичности: именам и фамилиям (*Valentina 98; ameliachandler*), полу (*designguy; MissBlackwolf*), ментальным проблемам (*AnxiousSilver; Nothing_but-pain; MadBunny*), профессии (*will-teach-for-food; TeacherLady3*) и предпочтениям (*bibliophile222; casablancalover14*).

В самопрезентационных постах отражены наследуемые черты участников, включающие национальную принадлежность, расу и пол. Основными лексическими средствами актуализации данных характеристик является лексика с семантикой национальной и расовой принадлежности (*Indian; black*) и гендерная лексика (*woman; female; male*).

Обязательным компонентом самопрезентации является **отсылка к идентификационному признаку**. Вступление в сообщество происходит на основании принадлежности человека к определенной социальной категории: учителей, матерей, людей с ментальными заболеваниями и др. Указание на

социальную идентичность участника происходит посредством использования простых субъектно-предикатных предложений с личным местоимением в качестве подлежащего и сказуемым, выраженным существительным, маркирующим представителя социальной категории (*Я – молодой специалист; Я учитель физики и информатики; Я – мама*). Обозначение срока пребывания в качестве представителя той или иной группы легитимирует право индивида на членство в сообществе (*recently; с сентября; 7 месяцев*).

Указание на идентификационный признак может быть неочевидным для широкого круга лиц. Как отмечает В. М. Алпатов, «во многих коллективах от семьи или группы друзей до целого этноса существуют особые „языки для своих“ и „языки для чужих“» [Алпатов 2022, с. 171]. Так, в самопрезентации ветеранов боевых действий в качестве идентификационного признака выступают годы службы, название подразделения и место дислокации (*87-89 ММГ-2 Хорог*). Расшифровать и понять такие обозначения могут только представители группы «своих».

Специфика языка сетевого сообщества определяется тематикой группы и деятельностью, осуществляемой ее членами. Для обретения права на членство в группе индивиду необходимо обладать запасом определенных лексических единиц:

а) для профессиональных сообществ – знание акронимов и специфичных сокращений (*МС* в значении *молодой специалист* или *началка* – начальная школа, *LANTITE* – Literacy and Numeracy Test for Initial Teacher Education Students, *GPTA* – Graduate Teacher Performance Assessment);

б) для сообществ памяти – знание военного жаргона (*БРДМ* – бронированная разведывательно-дозорная машина; *за рекой* – на службе в Афганистане);

в) для сообществ людей с ментальными проблемами – владение медицинской терминологией, включающей названия психических расстройств

и состояний (*dysmorphia; suicidal thoughts*), наименования препаратов (*bromazepam; benzodiazepine*) и описание дозировок (*8x's the dose on antibiotics*).

Данные единицы используются для обмена информацией, а также косвенно создают языковой барьер для представителей других групп и новых участников. Например, непонимание терминов CPTSD (Complex Post-Traumatic Stress Disorder или осложненное посттравматическое стрессовое расстройство) и SAD (seasonal affective disorder – сезонное аффективное расстройство) отличает новых участников от постоянных членов группы людей с ментальными заболеваниями:

П.1: *I guess it's about time for SAD glow lamp time of year.*

П.2: *Also what is a sad glow lamp?*

П.1: *sad = seasonal affective disorder*

It's something that affects some people in the fall/winter due to less sunlight than say summer. There are lamps and light bulbs that can help with this. Some people buy the lamp, but there are light bulbs that do a decent job as well. (I happen to use them - the light bulb)

П.2: *ohhhh I never knew this, thank you for informing me! (AaDS);*

П.1: *I recently found a good CPTSD counselor on YouTube named Tim Fletcher. I never heard the term CPTSD in my earlier years when I first was diagnosed with clinical depression.*

П.2: *I never heard of CPTSD! What is that? I have PTSD. Is the C for clinical? (AaDS)*

Как иллюстрируют примеры, на раннем этапе членства в сетевом сообществе участникам необходима расшифровка терминов со стороны опытных пользователей.

Самопрезентационный пост содержит **обозначение мотивационных ожиданий участника**, в основе которых лежит личный интерес. Перформативы с семантикой присоединения в форме прошедшего времени (*joined; присоединилась*) в сочетании с придаточными цели, инфинитивными конструкциями (*so I could talk to people; чтобы поддерживать; to find some*

connection) и лексикой с семантикой намерения (*intention*) и ожидания (*hoping to; the hope that*) позволяют обозначить факт вступления в сообщество и указать на цели, которые преследует пользователь.

Прежде всего виртуальная среда позволяет установить новые социальные связи. Участников мотивирует возможность общения с другими людьми с целью компенсации нехватки социальных контактов в реальной жизни (*to find connection; talk to people; have not friends*).

Вступление в сообщество также предоставляет возможность присоединиться к группе «своих» – людей, которые способны понять положение индивида (*to find some connection and support with people who understand what that's like*). Понимание со стороны «своих» играет особенно важную роль в жизни представителей категорий, подверженных стигматизации со стороны общества. И. Гофман выделяет две категории доброжелательно настроенных *других*: «понимающие» (*the wise*) – люди, связанные со стигматизированным человеком на уровне социальной культуры, например члены их семей, и «свои» (*the own*) или люди с такой же стигмой [Goffman 1963, p. 20].

В постах участников сетевых сообществ подчеркивается неспособность «понимающих» полностью войти в их положение. Данная группа репрезентируется как группа «они»:

<...> *My own family they try to understand but most of them don't understand and they do think I am crazy! I hate that word. I ask them not to use it. (AaDS);*

<...> *My family has always been my world..and now they act like I'm the black sheep. It hurts badly. (AaDS);*

<...> *They don't get it. They try to be understanding and sympathetic but if you haven't experienced yourself you can't fully understand! <...> It's mostly ignorance from the people. They don't understand so they say stupid things. (AaDS);*

<...> *В реальном окружении меня либо не слышат, либо отрицают.*
(120)

Словесные ярлыки иллюстрируют стигматизацию со стороны семей участников или «понимающих» (*crazy; black sheep*). Лексика с отрицательно-оценочным компонентом (*stupid; ignorance*), а также отрицательные (*didn't get; don't understand; не слышат*) и противительные (*try to understand but; They tried really hard, but*) конструкции позволяют сконструировать неприятие со стороны «понимающих» из-за отсутствия у них сходного жизненного опыта.

И. Гофман констатирует важность поддержки со стороны «своих» для индивида: «Зная из личного опыта, что это значит – иметь такое особое клеймо, некоторые из них могут обучить индивида особым приемам и выслушать его жалобы – в результате он получит моральную поддержку, почувствует, что он дома и принят другими людьми, как любой нормальный человек» [Goffman 1963, p. 20]. Группа «своих» удовлетворяет потребность индивида в получении социальной поддержки (*peer support; find some connection and support*). В то же время участники стремятся социально реализоваться внутри сообщества, оказывая поддержку и предоставляя помощь другим людям. В постах подчеркивается двусторонний характер поддержки посредством лексики с семантикой взаимности (*reciprocal; share*) и указания на себя и других участников (*help someone else; поддерживать других*).

В части сетевых сообществ существует возможность самопрезентации на странице профиля. Содержание самопрезентационного поста в профиле участника включает личные характеристики (никнейм, пол, возраст, происхождение), историю пребывания в группе (дату вступления, количество инициальных и реактивных постов), интересы пользователя, связанные с идентификационным признаком группы, а также краткую биографию (см. Приложение).

Поскольку сетевое сообщество является площадкой для расширения социальных связей, самопрезентационные посты публикуются участниками не только с целью интеграции в сообщество, но и для поиска единомышленников и друзей среди отдельных категорий пользователей сообщества. В разных группах существуют специальные рубрики, например, «Ищу друга» или

«Перекличка». Такие рубрики размывают границу между реальным и виртуальным, поскольку речь идет о реальном взаимодействии участников в прошлом или будущем:

Онлайн или офлайн, для встреч каждые выходные или на один день, совместные занятия спортом или рукоделие за чашечкой чая и приятной беседой... Да мало ли поводов познакомиться?

Приглашаем под этим постом наконец-то найти подруга подругу!

P.S. Для офлайн общения рекомендуем указывать город и район 😊

P.P.S. Посты в рубрике будут выходить ~ 1 раз в месяц.

П. 1: Эх. И снова здравствуйте 😊 Без особых надежд, но... Москва, Митино, сыну 10 лет, но общения ищу именно себе. Хочуууу общаться офлайн с кем-нибудь поблизости 🌸🌸

П. 2: Женя, здравствуйте! Москва, но от вас далеко, коммунарка. Пишите 🌸

П. 3: Женя, о. И ты тут. Собственно, Митино и Строгино почти соседи. Мы иногда в Ландшафтный парк к вам ездим гулять:)

П. 4: Симферополь. Ищу общение онлайн. Очень ранимая, поэтому взаимодействие нужно доброе и мягкое. Хобби цветы, эпоксидная смола, психология (120);

ПЕРЕКЛИЧКА!

Пишите кто где служил-воевал. Про себя и боевых друзей. Может найдем сослуживцев, шурави!

П. 1: Ущелье пяти Львов Панджшер, Руха, 84-86 гг.

П. 2 в ответ П.1: Ринат, Я служил в 1986- 88 в Рухе, в разведроты п.п.86997.

П. 3: Калай-и нау 83-84 ммг

П. 4. В ответ П. 3: Андрей, добрый день братишка. 1 ПЗ 81-83 (АП)

В данной вариации жанра самопрезентационный пост отличается краткостью и привязкой к физическому пространству.

В качестве смежной пары к жанру самопрезентации выступает приветственная реплика («*welcoming*» [Stommel 2009]). С помощью данного жанра осуществляется ритуал посвящения нового участника в ряды членов сообщества. Участник, публикующий комментарий под самопрезентационным постом, является носителем ситуационной идентичности представителя сообщества.

Структура жанра включает следующие композиционные компоненты:

- 1) приветствие;
- 2) поощрение;
- 3) ответную самопрезентацию;
- 4) представление группы;
- 5) прощание.

Таблица 3 – Композиционные компоненты жанра приветственной реплики

Компонент	Примеры
Приветствие	<p><i>Добро пожаловать на платформу!!! (120)</i></p> <p><i>Добро пожаловать в наши ряды. (ПуУ)</i></p> <p><i>Welcome to the community. (AaDS)</i></p> <p><i>Welcome to our alone club. You can write about whatever questions or experiences that you want. (AaDS)</i></p> <p><i>Welcome aboard. (AaDS)</i></p>
Поощрение	<p><i>То, что вы вступили и поделились – это уже большой шаг! (120)</i></p> <p><i>Мария, посмотрела Ваш профиль, какая Вы красивая! (120)</i></p> <p><i>First, give yourself a win for writing up your post. Nice! (AaDS)</i></p> <p><i>Sylvain, your name is beautiful. (AaDS)</i></p>
Ответная самопрезентация	<p><i>Мы с вами очень очень похожи, только у меня дочь старше. (120)</i></p>

	<p><i>Дмитрий, мы одноотрядники. Внештатный Сводный боевой отряд-1 от в/ч 2022 66-го. За речкой с янв. 80-го до Зацхи в фев. 81-м. (АП)</i></p> <p><i>Евгения, соратники 🤝 (120)</i></p> <p><i>I battle with depression as well. (AaDS)</i></p> <p><i>I'm the same age as you and in a similar boat. (AaDS)</i></p>
Представление группы	<p><i>Команда 120 старается создать уютное и безопасное пространство. (120)</i></p> <p><i>People here are great. (AT)</i></p> <p><i>This is such a supportive community. I've found nothing but kindness and good vibes. (AaDS)</i></p> <p><i>This is what this community offers. A hand to hold, a shoulder to lean on and a safe place to come to when overwhelmed with emotions. (AaDS)</i></p> <p><i>You'll find so many like-minded individuals sharing their journeys and experiences. (AaDS)</i></p>
Прощание	<p><i>До скорого. (120)</i></p> <p><i>На связи. (АП)</i></p> <p><i>Reach out anytime. (AaDS)</i></p> <p><i>Until next time. (AaDS)</i></p> <p><i>See you around the web. (AT)</i></p>

Приветствие нового участника группы происходит посредством стандартных формул приветствия (*Welcome; Добро пожаловать*) и лексических единиц, обозначающих коллектив людей (*community; club; сообщество; группа; ряды*).

В высказываниях происходит конструирование четко очерченного пространства и прикрепление группы к конкретному месту в виртуальной среде. Вступление в сообщество метафорически сравнивается с посадкой на борт корабля (*Welcome aboard*). Лексика с пространственной семантикой (*пространство; платформа; space*), семантикой безопасности и уюта (*безопасное; safe; kindness and good vibes; уютное*), а также проксимальный и

пространственный дейксис (*this; here*) позволяют сконструировать комфортную виртуальную среду для коммуникации коллектива. Наблюдается параллелизм конструирования пространства групп посредством идентично образованных словосочетаний в англоязычном и русскоязычном материале (*безопасное пространство – safe space*).

Глаголы с семантикой движения (*заглядываю; hop on; pop up; return to*) используются для обозначения появления участника в конкретном виртуальном пространстве по аналогии с перемещением в реальном мире:

But this group is a good place to return to (AaDS);

Just pop on here from time to time....I'm usually the helper and not the helpee..... (AaDS)

Поощрение со стороны пользователей направлено на то, чтобы снизить уровень тревоги нового участника. Факт публикации самопрезентационного поста воспринимается как достижение индивида (*give yourself a win; большой шаг*). Пользователи демонстрируют интерес к новому участнику, о чем косвенно свидетельствует переход в его личный профиль (*посмотрела Ваш профиль*). Compliments иллюстрируют внимание аудитории к личным характеристикам нового участника – его телесности, имени и другим (*your name is beautiful; какая Вы красивая*).

Ответная самопрезентация пользователей является способом сокращения дистанции с новым участником. Лексика с семантикой сходства позволяет выразить солидарность между автором инициального поста и автором ответного комментария (*same; as well; similar; похожи*). Лексические единицы, указывающие на принадлежность к одному коллективу, содержат типичные словообразовательные элементы с семантикой единообразия и сходства *co-, одн-, like-* (*соратники; одноотрядники; like-minded individuals*).

Представление группы происходит посредством отсылок к коллективным атрибутам группы: положительным качествам ее участников (*People here are great*), атмосфере взаимной поддержки (*A hand to hold, a shoulder to lean on*), а также совместной цели. Известно, что общая цель является

одним из факторов актуализации идентичности группы: «Взаимозависимость через совместную задачу, единую цель, общую судьбу или коллективные награды способствует формированию групповой идентичности» [Ren 2007, p. 382].

Цель проекта – создание безопасных оффлайн и онлайн-условий для эмоциональной поддержки матерями друг друга..(120);

This community is a safe space for those affected by anxiety and depression to talk to others who truly understand. (AaDS);

A community for Australian teachers to discuss their profession (AT)

Коллективная цель группы обозначена эксплицитно (*цель проекта*) и с помощью инфинитивных конструкций (*to discuss their profession; talk to others*). Совместная цель соответствует мотивационным ожиданиям пользователей, включающим расширение социальных контактов (*talk to others*), присоединение к группе «своих» (*who truly understand*) и получение и оказание социальной поддержки (*для эмоциональной поддержки*).

Прощание выражается посредством маркеров готовности к дальнейшей коммуникации (*reach out; see you; до скорого*).

Приведенный далее пример иллюстрирует процесс интеграции нового участника (*Dusty-20016*) в сетевое сообщество людей с ментальными заболеваниями:

Hi! I'm Dusty!

I'm new to the group. Just wanted to introduce myself. I'm 59 from New York.

I've suffered with severe depression and anxiety plus a few others for years. I finally got the help I needed this past January. It's been a struggle but I fight for my life every day. I have therapy every week which I love. My therapist is awesome!

I'm at a point now where I need to talk to others that can relate to me. My family and friends are helpful, but don't really get it.

П. 1: *Hi Dusty! Welcome to the group. I hope we can be helpful and supportive to you. It is so good to hear that you have a good therapist. <...> I love NY. I grew up in Westchester County. My eldest son lives in Manhattan. I have not*

been well enough to visit there in quite a few years. I hope you are having a good day!

П. 2: **Welcome to the group. I'm 60 and live in Connecticut. We're neighbors!** *I grew up in the NY Capitol District area (have to go there this weekend for a funeral ...). I'm working my way out of a **MDD episode and constant anxiety**. Today's not a good day but I'm using my tools to pull myself out. I just started with a new therapist and I'm hoping it will go well. Coming to work helps me get out of my own head for 8 hours, so I'm grateful for that. Have a good day!*

П. 3: *<...>**I am from Canada, but as they say we are not so different.** Any form of suffering whether physical or mental, affects us more when we feel alone. If at any time you are in that position I highly encourage you **to reach out. Until next time.***

П. 4.: *Hello Dusty. I have been on this site for years but have never replied to any posts. I'm in my early sixties and have been suffering from severe depression and anxiety for many years. Although we all experience it differently, I get it. Most people don't get it. <...> **I'm very proud of you** for getting the proper care and being proactive. You give **us all** hope.*

П. 5: *Welcome Dusty! I am from CT, **nearby NY.** I have had an anxiety disorder since childhood. <...>*

This group is kind and caring and safe.** I glean helpful information and relate to many who are here to share. I love to chat! **Like you my family doesn't always understand** what I go through. But we **can support each other!

П. 6: *Welcome Dusty-20016*

*I often wake to panic attacks. **Doctor Google** says it's very common, for whatever comfort that provides. Since **you are new here**, you may not realize **you can have a private chat** with another member. <...> (AaDS)*

Инициальный пост содержит основные структурные компоненты жанра самопрезентации, включая приветствие (*Hi!*), указание на статус в сообществе (*new to the group*), описание личных характеристик (*Dusty, 59*), отсылку к идентификационному признаку (*severe depression and anxiety*) и обозначение

мотивационных ожиданий (*need to talk to others*). Инициальный пост пользователя иллюстрирует его потребность в коллективе.

В ответных комментариях пользователи приветствуют новую участницу (*Hi; Hello; Welcome*) и поощряют за вступление в группу (*I'm very proud of you*). В одном из комментариев намеренно подчеркивается ситуационная идентичность «новенького» (*Since you are new here*) и происходит попытка разъяснить технические особенности платформы (*you can have a private chat*). Пользователями конструируется положительная оценка группы «мы» (*This group is kind and caring and safe*).

В процессе ответной самопрезентации пользователи указывают на собственные индивидуальные черты (*60; Connecticut; in my early sixties*) и подчеркивают признаки сходства с автором инициального поста (*grew up in Westchester County; not so different; Like you*). Маркерами единения выступают местоимения первого лица множественного числа и лексемы с семантикой близости (*neighbors; nearby*). Пользователи обозначают идентификационный признак, лежащий в основе единения, – ментальные проблемы (*MDD episode; constant anxiety; have not been well enough*). Юмор (*Doctor Google says it's very common*) способствует установлению солидарности в контексте общих проблем.

Ответные комментарии автора инициального поста доказывают успешность процесса интеграции в сообщество:

Thanks for welcoming me! We can definitely support each other. (AaDS)

Thank you! Everyone is so welcoming! I'm glad to be here! (AaDS)

Новый участник благодарит аудиторию и указывает на комфортное состояние пребывания в сообществе.

В процессе коммуникации в сетевом сообществе возникают ситуации повторной самопрезентации участника. После продолжительного отсутствия участник снова публикует презентационный пост, сигнализируя о своем возвращении. Пользователь держится уверенно, поскольку ему уже известна аудитория и техническая организация платформы:

Buckle up, internet fam! Seems like the spam guardian of HU decided I was too fabulous and put me on a digital timeout. Apparently, my posting frequency was so legendary it triggered the troll alarm. But fear-not – I've sweet-talked my way back into the good graces of the system. Consider this my grand re-entrance, complete with virtual confetti and a wink. To all my beloved community members I missed: I'm back, I'm snarky, and I'm ready to make up for lost commenting time. Virtual hugs, witty remarks, and internet love coming at you in 3...2...1! (AaDS)

Участник представляет себя с наиболее выгодной стороны (*I was too fabulous; legendary; grand re-entrance*), обосновывая уже имеющийся статус члена сообщества. В посте намеренно метафорически сокращается дистанция с аудиторией (*internet fam; beloved community members*). Взаимодействие с аудиторией происходит в игровой манере, что иллюстрирует проявление индивидуального стиля и раскованность участника сетевого сообщества. В ответных комментариях пользователей демонстрируется открытость и готовность к коммуникации (*Welcome back!; Glad to have you back!*).

Таким образом, включение в группу становится поэтапным процессом перехода от индивидуальной идентичности к коллективной, осуществляемым в форме взаимодействия с помощью парных жанров самопрезентации и приветственной реплики. Пользователь, публикующий первый самопрезентационный пост, репрезентирует совокупность идентификационных признаков, подчеркивающих осознание им собственной уникальности и отличия от остальных. Для ситуационной идентичности нового участника характерно чувство тревоги, компенсируемое поддерживающими реактивными комментариями аудитории. Новый участник как обладатель уникальных характеристик маркирует собственную принадлежность к социальной категории на основе определенного идентификационного признака, лежащего в основе объединения. Членство в группе позволяет участнику удовлетворить собственные мотивационные ожидания. Участники виртуального сообщества конструируют собственную коллективную идентичность, включающую самосознание группы как целостного образования, прикрепленность группы к

конкретному безопасному пространству в виртуальной среде и положительную оценку членов группы «мы».

2.2. Обращение за советом и совет: индивидуальный опыт и коллективное решение общих проблем

Обращение за советом и совет относятся к типичным жанрам сетевого сообщества, позволяющим пользователям получать и оказывать социальную поддержку в режиме реального времени. К. Кутрона и Д. Сур выделяют пять типов социальной поддержки: информационную (*informational*), материальную (*tangible*), эмоциональную (*emotional*), поддержку, связанную с расширением сети знакомств (*social network*), и поддержку, связанную с самооценкой (*esteem*) [Cutrona 1992]. Перечисленные типы поддержки являются актуальными и для виртуальной среды.

Функционирование инициального жанра *обращение за советом* и реактивного жанра *совет* было изучено Н. С. Данковой и Т. В. Дубровской на материале профессиональных сообществ [Данкова 2019]. Как было установлено, обращение за советом демонстрирует доверие участников групп своим коллегам при решении профессиональных вопросов и потребность в поддержке со стороны профессионального сообщества.

Обращение за советом публикуется участниками в рамках специально организованных для этого рубрик: «Просто спросить», «Спроси у юристки», «Discussion», «Career Advice», «Ситуация подписчицы» (см. Приложение).

Композиционная структура совета содержит четыре компонента:

- 1) приветствие и (или) обращение;
- 2) выражение неуверенности;
- 3) описание проблемной ситуации;
- 4) эксплицитно выраженный запрос.

Таблица 4 – Композиционные компоненты жанра обращения за советом

Компонент	Примеры
Приветствие и (или) обращение	<p><i>Коллеги, мои палочки-выручалочки!! (ПуУ)</i></p> <p><i>Дорогие товарищи! (ПуУ)</i></p> <p><i>Привет, сестры! (120)</i></p> <p><i>Hello teaching hivemind (AT)</i></p> <p><i>Hello fellow teacherin' folk! (T)</i></p> <p><i>Hey team, (AT)</i></p> <p><i>Hello fellow teachers. (T)</i></p> <p><i>Hey there, mental health warriors and anxiety wranglers! (AaDS)</i></p>
Выражение неуверенности	<p><i>Здравствуйте! Опубликуйте анонимно, пожалуйста. (120)</i></p> <p><i>Стыдно уже даже начать писать о своей проблеме, догадываюсь, что будет много откликов из темы "сама виновата", "ребенка в садик и вперед".</i></p> <p><i>Но, все же, попытаюсь поделиться с читательницами нашего сообщества. (120)</i></p> <p><i>Никогда не писала, поэтому извиняюсь, что сумбурно. (120)</i></p> <p><i>So in order to keep myself somewhat private, I am going to limit some details. <...> (AaDS)</i></p> <p><i>I'm not really sure how to even open up about all of this, but I would really appreciate some advice from some people with some life experience (AaDS)</i></p> <p><i>Sorry if I sound like a nutcase (AaDS)</i></p>
Описание проблемной ситуации	<p><i>1) <...> я хочу быть хорошей для всех, как я поняла, что у меня не закрыта какая то потребность, есть пустота и я тем самым ее заполняю, когда всем угождаю. (120)</i></p> <p><i>2) Я перешла в другую школу, в старой все было строго - вплоть до цвета ногтей было все прописано. <...> Но тут дресс-кода нет. Я хожу в своих костюмах, как дурочка. Одеваться иначе не умею. (ПуУ)</i></p>

3) <...> Сейчас **опускаются руки**, я не хочу ходить в школу, на работу. Мне **страшно**, хочется залезть куда-нибудь подальше, просто противно. <...> Я не успеваю все делать идеально - это моя вина. И я вечно хожу **убитая, измотанная, стрессующая** из-за постоянных переживаний (в силу характера) из-за коллег, администрации, родителей и самокопаний, что **ничтожна и ничего не умею**. (ПуУ)

4) **I'm a first year teacher and I'm drowning**

It takes me about 3 hours/ day to plan one lesson, and that's without the initial unit overview planning part. On top of that, I'm an English teacher and I haven't read any of the stories that are in the textbook I'm supposed to teach, so that takes even more time. <...> I gave up my entire Christmas break to reading books about classroom management and trying to plan my lessons. This isn't sustainable and I'm so burned out. <...> School starts again on Wednesday and I don't even want to go back.

*There's so many conflicting things and I'm feeling **overwhelmed**. Why did I decide to be a teacher? (T)*

5) *I took an **overdose of bromazepam** yesterday evening. Like 8× the nominal dose. It's a **benzodiazepine** so there weren't many risks. For a couple of days now I'm **harassed by negative thoughts**, a deep feeling of failure, excruciating upward comparisons, and suicidal thoughts. I wanted to fall unconscious in my bed in a long dreamless sleep to escape that constant self-torture. (AT)*

6) *Как приспособиться к жизни с малышом (1 год). С мужем разошлись, друзей не успела до декрета завести, родные в другом городе. (120)*

7) *I feel **self hatred** and have tried to kill myself and am a survivor of child molestation. I have a **hard time** leaving the house so I don't have many friends. I have had an **eating disorder** and am dealing with body **dysmorphia**, low self esteem and don't feel good enough.*

	<p><i>I'm dealing with anxiety, panic disorder and depression. Want to just give up. Don't want to live like this. (AaDS)</i></p> <p>8) Проблема в том, что у меня нет друзей. И если задуматься - никогда не было. <...> Как-то люди сами отстраняются и самоликвидируются от меня. Каких-то особых интересов у меня нет, но в целом обычный человек.<...> (120)</p>
<p>Эксплицитно выраженный запрос</p>	<p>1) Вопрос как найти ту самую потребность и чем ее заполнить. как выбраться из этого замкнутого круга (120)</p> <p>2) Что посоветуете? В чем вы ходите, если нет ограничений, дресс-кода? (ПуУ)</p> <p>3) И все больше в последнее время я думаю, а изменится ли что-нибудь со временем? Как мне это изменить? Стоит ли? (ПуУ)</p> <p>4) How do you find time to lesson plan? How do you find time to grade assignments? At this point I would literally pay someone to sit with me and help me plan my lessons, but there's no one. (T)</p> <p>5) <...> Is it my fate to regularly go through such devastating events, with only short periods of remission in between? What would you suggest to help pass through such major depressive events? (AT)</p> <p>6) Как не свихнуться? Где искать помощи и как? Какие лайфхаки посоветуете? (120)</p> <p>7) Can anyone tell me how they deal with things? (AaDS)</p> <p>8) Буду рада любым советам, критику воспринимаю спокойно. На психолога денег нет, быть «серой массой» надоело. (120)</p>

Обращение за советом начинается с **приветствия и (или) обращения** к участникам сообщества посредством лексики из специального набора обращений, выработанного в ходе совместной деятельности по решению проблем. Ю. Д. Апресян отмечает существование в языке лексических и грамматических средств, «в которые встроено указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной или иной иерархии,

на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию» [Апресян, 1995, с. 126]. Такие указания входят в прагматику обращений участников сетевого сообщества.

Типичные обращения участников друг к другу включают лексемы с семантикой групповой (*девы; guys; folk*) и профессиональной принадлежности (*коллеги; teachers; teachers of Australia*), а также лексемы с семантикой дружбы и товарищества (*друзья; товарищи; team*). Лексические единицы с семантикой кровного родства позволяют указать на единство, организованный характер членства и близость участников (*родные; семья; family; fam*). Лексические единицы с семантикой поддержки и взаимовыручки используются для актуализации коллегиальной поддержки в коллективе (*палочки-выручалочки*).

Коллективный разум группы как атрибут коллективной идентичности участников конструируется метафорически. Лексема «*hivemind*» (*коллективное сознание* или *коллективный разум*), используемая при обращении, подчеркивает коллективное начало в решении профессиональных проблем.

В набор обращений входят также лексические единицы с семантикой борьбы. Обращения «*warriors*» (воины) и «*wranglers*» (спорщики) к людям с ментальными заболеваниями обусловлены тем, что жизнь данной группы людей описывается в терминах борьбы (*I'm dealing with depression; I'm struggling with anxiety; I was doing well battling my depression and anxiety*). Подобные обращения позволяют поддерживать коллективный дух сообщества в борьбе со сходными проблемами.

В женских сообществах на первый план выходит гендерная идентичность участниц, которая актуализируется посредством гендерной лексики. Важным средством выражения социальной принадлежности является феминитив или «лексический неологизм женского рода, образованный и парный соответствующему существительному мужского рода» [Жорж 2018, с. 357]. В сообществе поддержки матерей используются феминитивы с целью указания на гендерную принадлежность участниц сообщества (*авторка, комментаторка, контент-мейкерка* и др.). Женская идентичность

противопоставляется идентичности мужской. Широкое использование феминитивов в женском сообществе отражает идеологические убеждения и солидарность участниц группы. При обращении друг другу участницы сообщества используют лексему *сестра* в контексте феминистского дискурса со значением «разделяющая ценности феминизма» [Каминская 2021, с. 33].

В сообществах памяти основанием для сближения является участие в военных действиях. Лексема *братья* используется участниками сообществ памяти при обращении друг к другу. В военной коммуникации данная лексема применяется при обращении солдат к своим товарищам или вежливом обращении к незнакомому солдату. Данное обращение в сетевом сообществе маркирует принадлежность к группе «своих».

Перечисленные примеры иллюстрируют сходство механизмов номинации пользователей на основе коллективной идентичности в разных сетевых сообществах.

За приветствием и обращением следует **выражение неуверенности**. Обращение за советом является формой взаимодействия, предполагающей наличие разницы в статусах между участником, который просит о помощи, и тем, кто ее предоставляет. Участник, запрашивающий совет, является носителем ситуационной идентичности пользователя, столкнувшегося с проблемой, и характеризуется высокой степенью тревоги. С одной стороны, участник нуждается в аудитории и готов поделиться личной историей с целью получения совета. В то же время участник рискует «потерять лицо» и попасть в неловкую ситуацию. Неуверенность автора инициального поста конструируется с помощью эмотивной лексики и самоуничижительных комментариев (*стыдно даже уже начать писать о своей проблеме; sorry if I sound like a nutcase; извиняюсь, что сумбурно*).

Описание проблемной ситуации происходит с помощью личной истории участника, входящей в структуру обращения за советом. Р. Пейдж отмечает ключевую роль личной истории в конструировании идентичностей людей и в построении социальных отношений [Page 2012]. Личная история

позволяет участнику кратко изложить собственную проблему. Отсутствие знаний в конкретной области и неспособность решить проблему самостоятельно выражаются с помощью вопросительных и отрицательных конструкций (*don't really know; не умею*). Личная история участника сопровождается **эксплицитно выраженным запросом** (*Какие лайфхаки посоветуете?; What would you suggest?; any advice?*).

В качестве смежной пары к обращению за советом выступает совет. Согласно определению О. А. Шутовой, «совет является суггестивным речевым жанром, иллокутивная цель которого заключается в побуждении к действию (речевому физическому, ментальному) либо изменению состояния, целесообразному и полезному, по мнению говорящего (адресанта), для слушающего (адресата)» [Шутова 2019, с. 130]. Пользователи, оказывающие информационную поддержку, являются носителями ситуационной идентичности эксперта.

В структуру реактивных комментариев могут входить личные истории участников. По Х. Саксу, выделяются первичные и вторичные истории (*first stories and second stories*), между которыми возникает прагматическая взаимосвязь: 1) вторичная история следует за первичной историей; 2) во вторичной истории устанавливаются четкие параллели с первичной историей, и, как правило, в историях совпадают роли участников; 3) вторичная история выступает своего рода анализом первичной истории [Sacks 1995, p. 770 – 771]. В ходе анализа первичных и вторичных историй в компьютерно-опосредованной коммуникации Р. Пейдж установила, что вторичные истории могут выступать не только механизмом сплочения группы, но и инструментом диссоциации [Page 2012].

Инициальный пост «обращение за советом» содержит первичные истории, тогда как реактивные комментарии могут быть образованы вторичными историями. Анализ материала позволяет выделить два сценария развития коммуникации при обращении за советом. В первом случае в советах отмечается сходство ролей говорящих, а во втором – демонстрируется различие

между говорящими и их ролями. Комментарии подрывают коллективные нормы и увеличивают социальную дистанцию между участниками.

Кооперативный тип речевого поведения предполагает речь с установкой на улучшение межличностных отношений, речь с установкой на (а не против) собеседника [Седов 2016]. Совет, предоставляемый на основе солидарности и поддержки, имеет следующую композиционную структуру:

- 1) приветствие и (или) обращение;
- 2) сигналы понимания и сочувствия;
- 3) указание на сходство жизненного опыта;
- 4) краткую инструкцию по решению проблемы;
- 5) ободрения и добрые пожелания.

Таблица 5 – Композиционные компоненты жанра совета

Компонент	Примеры
Приветствие и (или) обращение	<p><i>Сестра, вы не одна! (120)</i></p> <p><i>Дорогой мой молодой специалист! (ПуУ)</i></p> <p><i>Дорогая МС! (ПуУ)</i></p> <p><i>Дорогой коллега! (ПуУ)</i></p> <p><i>Hey mate (AT)</i></p> <p><i>Hello fellow traveler (AT)</i></p> <p><i>Breathe friend. (AaDS)</i></p>
Сигналы понимания и сочувствия	<p><i>Автор, понимаю вас очень. (120)</i></p> <p><i>Сочувствую вашему опыту. (ПуУ)</i></p> <p><i>I know what you mean (AT)</i></p> <p><i>I can relate. (AaDS)</i></p> <p><i>I feel for you. (AaDS)</i></p>
Указание на сходство жизненного опыта	<p>- Сходный опыт двух субъектов:</p> <p><i>Same boat (AaDS)</i></p> <p><i>I give my advice as someone from a similar background. (AT)</i></p> <p><i>Вы описали мою жизнь. (120)</i></p> <p><i>Ситуация аналогичная (120)</i></p>

	<p>- Коллективный опыт группы:</p> <p><i>Все мы когда то были молодыми специалистами и всех первые год, а то и два, школа проверяла на прочность. (ПуУ)</i></p> <p><i>We share our journey and learn from each other. (AaDS)</i></p> <p><i>All of us who are here on this sub have narcissistic Asian parents. (BS)</i></p> <p><i>Yes it sucks but those are the cards you (and everyone on this subreddit) have been dealt (BS)</i></p> <p><i>Anxiety & depression people have enough trauma in our pasts to sink the Titanic over and over. (AaDS)</i></p>
<p>Краткая инструкция по решению проблемы</p>	<p>1) <...> Чтобы выбраться из этого замкнутого круга, важно сначала понять, что именно скрывается за этим желанием. Попробуйте прислушаться к себе в моменты, когда особенно хочется угодить или сказать «да», даже если внутри есть протест. <...> (120)</p> <p>2) Костюмы можно разбавить футболками (Я люблю белые с надписями), кедами, или можно лоферы плюс цветные носки. <...> В общем, задача сделать образ менее строгим, а более расслабленным, демократичным, т.е. более актуальным (ПуУ)</p> <p>3) а) На вашем месте, я бы сменила школу. (ПуУ)</p> <p>б) Уходите оттуда. У нас МС ходят и лелеют, чтобы они сразу не сбежали как пугливые олениа 😊😊 (ПуУ)</p> <p>в) Вот что скажу: в первый год работы главное - выжить)) И стараться «забывать» на некоторые вещи. Не принимать все близко к сердцу. Если все равно поймете, что в такой обстановке не сможете работать, то попробуйте сменить школу. Не сейчас, а летом. (ПуУ)</p> <p>4) а) Let me give you some advice that all the veteran teachers I know gave me.</p> <p><i>Your goal for the first year is to survive.</i></p> <p><i>It is not sustainable because you don't need to sustain it. You will never be a first year teacher again. Planning lessons will be easier</i></p>

because you've done it before and you'll even have a whole years worth of lessons already half done if you teach the same subject next year. (T)

*b) To add to this **one of my favorite mentors** from my first year teaching gave me this advice: just focus on making it to the next break. Next one is MLK day which is short, but still some amount of recharge time. After that all you have to do is survive until February break, so on and so forth. Then you will never be a first year teacher again. (T)*

*5. a) <...> Indeed you want to control one ending. But you have the ability to make your situation liviable. There are many role models who figured that out. One obvious one **Temple Grandin**. Getting back to stories she is a major autistic but chose not to let that define her. She didn't listen to stories. Given your story of Asperger's I encourage you to look at her work. She has a new book out. I bet it helps you define a career of life. Trust me on that. (AaDS)*

*b) I think you **should call the Dr. 8x's the dose on antibiotics medication is worrisome.** (AaDS)*

*б) **Очень помогают** чаты и сообщества мам, районные, городские, барахольные.. <...> Когда уже наберется несколько мам в компании, то можно каждый день (или по мере надобности) устраивать у кого-то детский сад. Или просто с собираться в гостях друг у друга с детьми. **Обычно** дети с легкостью занимают сами себя, а мамы имеют возможность наполниться общением и даже пожелать какие-то мелкие дела во время чаепития (например подлатать, заштопать накопившиеся, повысить, позаниматься совместным рукоделием) (I2O)*

*7. I wonder and hope you believe in God. **That has helped me the very most.** i am old and alone but never feel lonely anymore because God is always with me. I often call this **number for support nycwell 8886929355** they are always open. (AaDS)*

	8. <i>Как говорила моя бабушка, самая лучшая подружка-это муж. И прожила в счастливейшем браке много-много лет. (120)</i>
Ободрения и добрые пожелания	<i>Вы справитесь) (120)</i> <i>Удачи вам! У вас все получится! (ПуУ)</i> <i>Don't give up! (T)</i> <i>All the best and you'll do great. (T)</i> <i>Even adults benefit from chunking! Good luck and you got this! (T)</i>

Приветствия и (или) обращения к автору инициального поста являются маркерами включения и признания участника в качестве равноправного члена группы (*sестра; коллега; mate; fellow traveler*). **Сигналы понимания и сочувствия** позволяют продемонстрировать вовлеченность субъекта и заинтересованность в оказании помощи (*понимаю вас очень; I can relate*).

В комментариях происходит **указание на сходство жизненного опыта** между двумя субъектами взаимодействия и между всеми членами группы. В англоязычном и русскоязычном материале наблюдается сходство языковых средств, конструирующих единство на основе сходных жизненных обстоятельств, и, как следствие, общность группы. Участники сетевого сообщества причисляют себя к самостоятельной и целостной группе «мы» посредством *коллективных мы*. Личное местоимение *мы* является эталонным морфологическим средством, которое используется для акцентирования того круга лиц, к которому человек себя относит [Норман 2016, с. 127]. Словосочетание *all of us* используется для того, чтобы обозначить каждого члена группы, включая говорящего, и подчеркнуть коллективный характер сообщества. Одним из средств актуализации сходства жизненного опыта выступает генерализирующая лексика, включающая определительные местоимения (*все*) и неопределенные местоимения (*everyone*) в сочетании с указанием на сообщество (*on this sub; on this subreddit*). Развернутая метафора совместного путешествия (*our journey; sink the Titanic over and over*) и игровая метафора (*play the cards you are dealt*) подчеркивают общность ситуации.

Краткая инструкция по решению проблемы предоставляется на основе набора типичных оснований:

- 1) экспертных знаний (совет 1 от практикующего психолога);
- 2) профессионального опыта (советы 2, 3, 4 от коллег-учителей);
- 3) опыта ролевой модели (совет 5а);
- 4) обобщенного опыта (совет 6);
- 5) личного жизненного опыта (совет 7);
- 6) опыта третьего лица (совет 8).

Участники заявляют о статусе эксперта и демонстрируют авторитет с помощью самономинаций и указания на имеющийся опыт в нужной сфере (*I'm a university lecturer; over my decade as a teacher; 20+ year veteran English teacher here; Стаж 35 лет*). Совет от лица эксперта (совет 1) отличается четкими рекомендациями, основанными на профессиональных знаниях.

Советы участников, адресуемые коллегам (советы 2, 3, 4), основаны на личном профессиональном опыте и выражаются с помощью средств, обладающих разной степенью категоричности: императивных конструкций (*Уходите оттуда*), средств модальности (*можно*) и условного наклонения (*я бы сменила школу*).

Советы 3 и 4 опубликованы в ответ на обращения молодых специалистов, обладающих особым статусом в сообществе. Как правило, данная категория специалистов более уязвима по сравнению с опытными профессионалами. Обращение за советом от молодого специалиста содержит жалобу на выгорание (*burned out; убитая, измотанная, стрессующая*), временные затраты (*gave up my entire Christmas break; Я не успеваю*) и нежелание продолжать работу (*don't even want to go back; не хочу ходить в школу*). Помимо наставлений (*Your goal for the first year is to survive; в первый год работы главное - выжить*) в советах участников конструируется более масштабный коллектив, включающий людей за пределами сообщества (*veteran teachers I know gave me; one of my favorite mentors; Посмотрите на работу своих коллег*). Коллективизм и коллегиальность лежат в основе решения общих проблем.

Совет может быть предоставлен участником, чей статус не соответствует в полной мере статусу автора инициального поста:

Not an ELA teacher (social science and CTE). So take everything I say with a grain of salt but here is my general advice, hope something helps. (T);

i'm not an expert and have never been to therapy, so take what I say with a grain of salt. I just wanted to share some of my experience trying to navigate this on my own, so to speak. (AaDS);

Совет или поддержка сопровождаются метатекстовыми комментариями, указывающими на несовпадение идентичностей субъектов (*Not an ELA teacher; not an expert*). Пользователи признают отсутствие собственного права на предоставление совета, что выражается посредством самоуничижительных высказываний (*take everything I say with a grain of salt*).

В случае отсутствия экспертных знаний участник обращается к опыту ролевой модели и обобщенному опыту (советы 5а, 6). В основе совета 5а, предоставленного участнику группы людей с ментальными заболеваниями, лежит опыт Тэмпл Грандин – американской ученой и писательницы, впервые рассказавшей миру о личном опыте жизни с аутизмом. Отсылка к авторитетному лицу, оказавшемуся в сходных обстоятельствах, повышает информативность и достоверность совета. Совет на основе обобщенного опыта отличается высоким уровнем генерализации и содержит абстрактный опыт. В основе совета может лежать и личный опыт говорящего или третьего лица (советы 7, 8). Для выражения мнения говорящего используются метатекстовые единицы с регулятивной функцией (*думаю; мне кажется; I think*), получившие название дискурсивов-регулятивов [Викторова 2015]. Советы содержат отсылки к организациям, сайтам, книгам и другим источникам информации (*She has a new book out; number for support nycwell 8886929355*).

Давая совет, автор высказывания солидаризируется с ранее опубликованными советами от других участников с помощью метатекстового комментария (*разрешите свой комментарий к вашему присоединю; плюсю к варианту с няней; присоединюсь к мнению*). Пользователи также выражают

согласие со всеми предыдущими комментаторами, чтобы показать ценность предоставленных советов (*And I agree with many of the points made by other commenters here; Думаю, вам стоит прислушаться к нашим советам*). Данные примеры иллюстрируют принцип коллегиальности в решении коллективных проблем.

В советах участников подчеркивается сила группы в решении общих проблем:

И выход из сложных ситуаций думаю найти вместе легче. Конечно сколько людей столько мнений, но все же одна голова хорошо, а вместе мы сила. (ПуУ);

We are stronger than we realize. That includes you. (AaDS)

Лексика с семантикой единения (*вместе*) и силы (*сила; stronger*) позволяет актуализировать силу группы как компонент коллективной идентичности участников.

Ободрения или добрые пожелания, имеющие форму положительных прогнозов (*все получится; вы справитесь*), позволяют выразить поддержку участникам сообществ.

В реактивных комментариях участники, обратившиеся за советом, выражают благодарность, признавая ценность советов и подчеркивая улучшение собственного состояния:

Thank you, this is more helpful than anything I have read or heard in awhile. I have to process this. (AaDS);

Спасибо за совет, посмотрю, что за упражнения. (120);

thank you soo much to everyone for your comments and tips! I feel a bit better about it now! <...> Thank you all so much again! (AT);

Pre-service teacher here, THANK YOU, this is so helpful and exactly the kind of practical knowledge that I wish they'd teach in uni. I can even apply a lot of this to the preschool kids I currently teach! (AT);

From a student teacher; thank you. This is why I am in this sub and it's exactly the advice and mindframe I intend to build my own teaching style off of. You sound like a wonderful teacher and role model (AT)

Как отмечают участники, информация, полученная в виртуальной среде, по своей значимости не только не уступает знаниям, приобретенным в реальной жизни, но и нередко превосходит их (*more helpful than anything I have read; I wish they'd teach in uni*).

Несмотря на то, что предоставление информационной поддержки является нормой для сетевого сообщества, получение запрашиваемой информации в полном объеме не гарантируется. Сетевое сообщество обладает и конфликтным потенциалом. Исследователи отмечают, что в ситуациях угрозы в социальных группах активизируется коллективная идентичность [Lee 2013; Tajfel 1979]. Данный закон действует и в виртуальной среде: «В рамках социальной культуры любое проявление отрицательной девиантности по отношению к существующим социальным нормам носит дисфункциональный характер и не приветствуется участниками сообществ» [Бондаренко 2004, с. 145].

В случае нарушения норм и негласных установок сообщества пользователь, обратившийся за советом, лишается необходимой информационной поддержки. В таких ситуациях преобладает конфликтный тип общения, характеризующийся установкой против собеседника.

В рамках рассматриваемой жанровой пары выявлено два механизма защиты коллективных ценностных установок группы:

- 1) защита групповых границ от новых участников, которые не соответствуют характеристикам члена группы;
- 2) исключение действующего члена сообщества по причине нарушения им коллективных норм и принципов сообщества.

Приведенный далее пример иллюстрирует обращение за советом, опубликованное пользователем, который не обладает важными компетенциями для вступления в профессиональное сообщество учителей:

Пожалуйста, анонимно. Подскажите, пожалуйста, у меня высшее экономическое образование, работаю около 7 лет менеджером по продажам. Стала задумываться о работе в школе учителем математики и информатики с 5го по 11 классы. Я так понимаю, мне можно пройти профпереподготовку дистанционно? На педобучение. рф кто-то проходил обучение, потом с их дипломами на работу берут? Или, может, посоветуете, где еще дистанционно можно получить образование учителя? (ПуУ)

Данный инициальный пост привлекает внимание аудитории и провоцирует негативные реактивные комментарии:

П. 1: Продавщица – учитель математики? Почему бы и нет. В нынешней школе все можно. Идите уже сразу в МГУ доцентом.

П. 2: Лечить и учить у нас умеют все (сарказм, если что)

П. 3: Вы, извините, дура? Не обижайтесь, ради бога 🙄🙄🙄🙄

П. 4: А так можно было? Блин, а я дурочка 9 лет училась...

П. 5: Идите лучше в депутаты))))))

П. 6: Русский подтяните!)

П. 7: Если по прАдажам, то не надо. Лучшие прАдАлжайте прАдавать.

П. 8: Я 8 лет училась на педагогическом. 5лет бакалавр+3года магистратура. Чего стоило написание выпускных работ, изучение методики и педагогики, фгосы эти в "печенках" сидят, простите. А здесь профпереподготовка да еще и дистанционно. Несправедливо это как-то что ли 😏. (ПуУ)

Пользователи эксплицитно демонстрируют нежелание включить автора инициального поста в свой профессиональный круг. Желание стать частью сообщества, не имея необходимых компетенций, вызывает ироничные (*Идите уже сразу в МГУ доцентом; Идите лучше в депутаты; Лечить и учить у нас умеют все*), а также агрессивные и грубые комментарии с применением пейоративов (*Вы, извините, дура?*). Для представителей данной группы важны не только профессиональные компетенции, но и грамотность человека. Орфографическая ошибка становится поводом высмеять автора инициального

поста и дистанцироваться от него (*Русский подтяните; Лучшие прАдАлжайте прАдавать*). Пользователь 8 представляет собственную личную историю, в которой подчеркивается различие профессиональных статусов участников (*Я 8 лет училась на педагогическом*). Так, социальный статус человека определяет его место в группе и право на членство в ней.

Несмотря на тенденцию к публикации ироничных и агрессивных комментариев, в сообществе срабатывает механизм защиты автора инициального поста:

П. 9: *Ужас, какие у нас учителя **желчные**. Человек еще ничего не сделал, а я его уже пропесочили вдоль и поперек 😏 Уважаемый автор, думаю, в вашем случаи переподготовки дистанционно будет недостаточно. <...> **Я бы получила полноценное второе педагогическое образование по выбранной вами специальности: "учитель математики и информатики"**. <...>*

П. 10: *Не могу понять, почему **столько желчи** ?!<...> Человек хочет поменять что-то в своей жизни, воплотить мечту, а тут на... "Куда это ты со свиным рылом в калашный ряд?!" <...> **Держайте, автор!!! Пробуйте разные варианты переподготовки. Все получится.** (ПуУ)*

Комментарии иллюстрируют желание нескольких участников встать на сторону автора инициального поста и предоставить ему потенциальную возможность вступить в состав профессионального сообщества. Лексемы «желчь» и «желчные» используются с целью критической характеристики членов группы, проявляющих агрессивное поведение.

Критика участников, демонстрирующих собственное превосходство или недовольство, осуществляется и с помощью типичных словосочетаний и фразеологизмов:

***Белое пальто** на прогулке. Которое знает, где и как надо себя вести. <...> (120);*

*Вот подобные **«тетки-всезнайки»** и реформируют потом образование в стране да так, что чем дальше, тем хуже оно становится... (ПуУ);*

*Must be nice to be a judgmental **know-it-all**. You're obviously not paying attention, and like to be cruel to people who are hurting. (AaDS);*

*Don't let the **negative Nancy's** of this sub deter you (T)*

Фразеологизм «белое пальто» используется для обозначения человека, который публично выражает собеседнику осуждение и одновременно подчеркивает собственную принципиальность и непричастность к подобным нарушениям того или иного рода [Леонтьева 2025, с. 195]. Носить «белое пальто» – значит, демонстрировать свое превосходство, осуждать другого с позиции сверху. Данная негативная номинация носит характер клейма или ярлыка, навешиваемого на одного из участников сообщества (*Белое пальто на прогулке*). Пейоративные обозначения «тетки-всезнайки» и «know-it-all» используются для указания на чрезмерную уверенность участников в своей компетентности. В качестве номинации участников, публикующих негативные комментарии, используется словосочетание «Negative Nancy», появившееся в 1970-х годах прошлого столетия для обозначения пессимистичной женщины.

Нарушение коллективных норм и принципов группы является основанием для исключения действующего участника группы. Непрофессиональное поведение молодого специалиста приводит к публикации негативных комментариев:

Здравствуйте, коллеги.

МС, 36 часов, руслит.

Не знаю, выгорание ли у меня, или это просто от систематической усталости, но я не хочу ничего делать на работе. Уроки веду как попало, лишь бы время прошло, тетради почти не проверяю, самостоятельные даже не задаю, чтоб не проверять. <...>

Обращаюсь за советом. Что мне делать в такой ситуации?

*П. 1: И как после такого учителей уважать? Я не про всех огульно, а про таких "**особей**". Знаю цену своего часа...не хочется стараться учить их детей качественно...Вы думаете в остальных профессиях огромные оклады, вас только обделили? Бедные дети, кто у вас учатся...с вашим минимальным*

ресурсом на них.

П. 2: *Ольга, а она и не учитель...настоящий Учитель так никогда не скажет...*

П. 3: *Руслит? И такое огромное количество ошибок? И Вы еще утверждаете, что как репетитор выполняете свою работу хорошо? Не верю! Гнать Вас поганой метлой надо из образования - что государственного, что частного. Вы не хотите и не умеете работать. Вы хотите просто получать деньги. А их при такой грамотности платить просто не за что. Вы свой предмет не знаете. (ПуУ)*

П. 4: *А ты уверена, что ты учитель? Очень много ошибок. (ПуУ)*

В примере содержатся реактивные комментарии на пост молодого специалиста, в котором он признается в нежелании качественно работать из-за низкой зарплаты. Отсутствие желания работать с детьми и безграмотность автора инициального поста противоречат нормам сообщества и вызывают осуждение со стороны коллег, которое выражается с помощью вербальной агрессии. Цель оскорбительных комментариев – обезличить коллегу и лишить категориальной идентичности (*она и не учитель*), исключив ее из профессионального сообщества. Комментарии содержат лексику с семантикой обезличивания (*особей*), лексические и идиоматические выражения с семантикой исключения (*гнать поганой метлой*) и средства деонтической модальности (*надо*). Изменение грамматических форм в русском языке, в частности переход с формы *вы* на форму *ты*, сигнализирует об агрессии (*А ты уверена, что ты учитель?*). Т. Н. Галинская отмечает, что форма *ты* не всегда используется в своем нейтральном значении и зачастую «нарочитое «тыканье» демонстрирует желание унижить и оскорбить адресата» [Галинская 2010, с. 109]. Так, элементы социального дейксиса устанавливают и изменяют социальную дистанцию, а также степень гармонии или враждебности в общении.

Несоответствие поведения участника групповым нормам приводит к использованию иронии как «особой формы употребления языка, при которой

сказанное (значение предложения) используется для передачи того, что остается невысказанным (значение говорящего)» [Giora, 1998, с. 2]. Х. Котхофф отмечает, что «измерение социальных отношений, передаваемых иронией, варьируется от неприятия до признания, от принятия в члены группы до дистанцирования» [Kotthoff 2009]. Согласно К. М. Шилихиной, функционирование иронии в сетевой коммуникации максимально приближено к «разговорной иронии», так как она возникает не в монологическом высказывании, а в диалоге. Исследовательница отмечает, что «основная цель иронических комментариев – продемонстрировать недоверие и поставить под сомнение авторитетность высказанного мнения», и выделяет коллективную иронию – вариант речевого поведения, характерный для компьютерно-опосредованной коммуникации [Шилихина 2014].

Так, за постом, в котором автор выражает опасения по поводу вакцинации, следуют ироничные комментарии:

Уважаемые молодые учителя, у которых нет своих детей, но вы планируете! Вы прививались от ковид? <...> Я не рожала, слышала что прививка от ковид делает женщину бесплодной. Что делать не знаю. Поделитесь опытом.

П. 1: А я слышала, что при прививке нам вживляют чип, а потом Билл Гейтс отключит нас, из космоса. И мы все умрем....

П. 2: Алина, а я слышала что он будет нами управлять! Очень на это надеюсь. Сама все решать я уже жуть как задолбалась((ПуУ)

В приведенном примере участники иронизируют по поводу неосведомленности коллеги и предлагают фантастические сценарии развития событий в случае вакцинации. Реакция участников основана на пренебрежении принципом сотрудничества, в частности максимами качества и релевантности [Grice 1975]. Комментаторы выбирают тактику «доведения до абсурда», когда буквальный смысл утверждений автора высказывания не соответствует критериям истинности или уместности.

Таким образом, обращение за советом и совет являются типичными жанрами, используемыми для получения и оказания социальной поддержки в сетевом сообществе. В жанре совета устанавливается солидарность между участниками группового взаимодействия – носителями ситуационных идентичностей пользователей, столкнувшихся с проблемами, и экспертов. Тревога и слабость участника, запрашивающего совет, компенсируется силой группы в решении коллективных проблем. Компоненты коллективной идентичности включают сходство жизненного опыта и взаимозависимость на основе совместной деятельности. Коллективные принципы отстаиваются участниками с помощью речевой агрессии и иронии с целью защитить границы группы и исключить участников, которые не разделяют коллективные аксиологические установки.

2.3. Жалоба и утешение: личное эмоциональное состояние и коллективная поддержка

Согласно Н. А. Емельяновой, жалоба имеет следующие признаки: «осознание говорящим своего плохого положения, интенция говорящего сообщить об этом адресату, эмоциональная просьба говорящего к адресату и установка говорящего на сочувствие либо помощь со стороны адресата» [Емельянова 2004, с. 6]. В сетевых сообществах с помощью данного жанра осуществляется запрос на эмоциональную поддержку как «разновидность социального поведения, реализуемого через обмен чувствами, мыслями и действиями, и направленного на создание условий для удовлетворения потребности в улучшении эмоционального состояния личности в ситуации стресса» [Арипова 2019, с. 103].

Сетевое сообщество является безопасной средой для вербализации жалоб пользователей. В рамках неформальной коммуникации сетевое сообщество получило метафорическое наименование «место для нытья»:

Думаю, наработками, шутками и секретиками делятся на специальных сайтах для учителей, где мы все с натянутыми улыбками рассказываем о самом лучшем образовании и детях, с которыми работаем. Нужно место и для нытья. (ПуУ);

*Этот паблик – единственное место, где люди могут **выплеснуть негатив**.*

Им некому пожаловаться о своих трудностях и горестях и они пишут в этом паблике. (ПуУ);

И вообще, жаловаться нужно.

*А где делать это безопасно и получать поддержку? Конечно, **под традиционным четверговым постом**. <...> В конце дня пост удалим (120);*

This is a place to dump our frustrations and concerns with other teachers. (AT);

Some of us need a place to let off steam anonymously. (AaDS)

Приведенные примеры иллюстрируют прагматическую значимость жанра жалобы в групповой коммуникации. Безопасность (*безопасно*), анонимность (*anonymously*) и получение обратной связи (*получить поддержку*) являются главными преимуществами жалобы в Сети. Жалоба позволяет высказаться и облегчить эмоциональное состояние индивида (*выплеснуть негатив; let off steam; dump our frustrations*).

Жалоба как жанр обыденного общения регулярно используется участниками сетевых сообществ в рамках специальных рубрик. Примером такой рубрики является «пост нытья» (*под традиционным четверговым постом*) в сообществе матерей, под которым еженедельно публикуются жалобы участников. Публикации под постом возможны только в течение определенного промежутка времени, поскольку в конце дня пост со всеми комментариями удаляется администраторами (см. Приложение).

Объектами жалоб участников сетевых сообществ являются представители группы «они»:

I guess public perceptions get skewed and we do get labelled as workers who are whinging slob who hate their jobs. In reality, we are all just intelligent enough to know what the system requires to become better so that our students have a better education. <...> (AT);

*По их мнению, МарьяИванне не сложно написать в сотый раз, но в другой форме тот же отчет, что есть в ЭЖ или в бумажном виде. Бывает, что одну и ту же информацию почти одновременно **требуют** 3 или 4 завуча. (ПуУ)*

Закономерности конструирования группы *мы* в сравнении с группой *другие* включают наличие высоких моральных и интеллектуальных качеств собственной группы, непонимание со стороны *других* и общественное давление. В высказываниях участников подчеркивается, что группа *мы* обладает системой достоверных знаний (*we are all just intelligent enough*), в отличие от неосведомленной группы *они*. Кроме того, группа *мы* становится объектом навешивания ярлыков (*whinging slob*) со стороны *других*. Словосочетание *get labeled*, пассивные конструкции (*have been pushed onto*) и лексемы с семантикой принуждения (*требуют*) позволяют подчеркнуть социальное давление на группу со стороны *других*.

Композиция жанра жалобы включает следующие компоненты:

- 1) приветствие и (или) обращение;
- 2) вводный метатекстовый комментарий к жалобе;
- 3) эксплицитное указание на жанр жалобы;
- 4) личную историю участника;
- 5) обращение к аудитории.

Таблица 6 – Композиционные компоненты жанра жалобы

Компонент	Примеры
Приветствие и (или) обращение	<i>Всем привет. (120)</i> <i>Hi everyone (AaDS)</i>

<p>Вводный метатекстовый комментарий к жалобе</p>	<p>Триггер: мысли о смерти. (120) Сейчас будет простыня (в значении «длинный пост» - Э. Ю.) (120) Trigger Warning, (suicide, self harm, abuse) (AaDS)</p>
<p>Эксплицитное указание на жанр жалобы</p>	<p>Поною об обыденном. (120) Я чуть-чуть понить. (120) Спонсор моего нитья - кишечная инфекция или пищевая интоксикация. (120) I'm just venting. (AaDS) I need to rant. (AT) Rant/ Vent (BS)</p>
<p>Личная история</p>	<p>Я в панике. <...> Несколько лет назад все вытягивали спокойно. Сейчас нахожусь в декрете. <...> Уже не реально просто это все везти. Пыталась работать из дома, но маленькие дети не дают этого делать. Постоянно крики, просьбы о помощи и дележка игрушек. <...> Сил больше нет, нервы ни к черту <...> А цены все растут и растут....Еще и ремонт. Как это все вытянуть.... (120) I suffer with anxiety and depression. I was managing it quite well, but ever since my heart attack. I can feel myself going downhill. I can't stop crying and I just feel overwhelmed by all the information I've been given (AaDS)</p>
<p>Обращение к аудитории</p>	<p>- извинение: Извините за депрессивный пост. (120) Простите за онус. (120) Sorry for babbling (AaDS) Sorry for the long post with no breaks. its like it just spilled out though <...> (AaDS) - благодарность за прочтение: Спасибо, что прочли до конца мой пост. (120) Well thats me vented thank you for reading my post! (AaDS) - обращение за поддержкой:</p>

	<p><i>Если кого-то чем-то расстроила, задела, разозлила, — прошу понять и не писать негатив. (120)</i></p> <p><i>Обнимите меня, пожалуйста. (120)</i></p> <p><i>Поддержите меня (120)</i></p> <p><i>Ok if you see me on here a lot now and next few weeks, please respond with: Get moving (AaDS)</i></p>
--	---

Автор инициального поста является носителем ситуационной идентичности субъекта в трудном положении. Жалоба участника начинается с **приветствия и (или) обращения** к аудитории (*Всем привет; Hi everyone*). В случае наличия в посте тем, которые могут вызвать сильные эмоции или переживания, публикуются **вводные метатекстовые комментарии к жалобе**. Они позволяют заранее предупредить адресата о теме поста (*Триггер: мысли о смерти; Trigger Warning, (suicide, self harm, abuse)*) или указать на его объем (*Сейчас будет простыня*). В дальнейшем пост может быть сокращен намеренно, что также подчеркивается в метатекстовых комментариях его автора (*Кратко говоря; Если вкратце; So, I'll cut to the chase; In a nutshell*). При публикации происходит **эксплицитное указание на жанр жалобы** с помощью метатекстовых комментариев (*Я чуть-чуть поныть; Rant/ Vent; Well thats me venting; I'm just venting*).

Жалобы актуализируют индивидуальный опыт как компонент личной идентичности участника. **Личные истории**, входящие в композицию жалоб, основаны на широком спектре тем – от описания бытовых проблем до представления личных трагедий. Часть личных историй можно отнести к классу аксиогенных личных нарративов – «повествований о значимых событиях, запомнившихся субъекту речи» [Карасик 2021, с. 52].

Основания для жалобы классифицируются следующим образом:

- 1) тяжелое эмоциональное состояние;
- 2) кризис идентичности;
- 3) социальная изоляция;
- 4) чувство нереализованности;

5) состояние жертвы.

Класс эмотивной лексики используется для выражения *тяжелого эмоционального состояния* участника сетевого сообщества. Проиллюстрируем использование данных лексических единиц в жалобах участников.

Таблица 7 – Репрезентации негативных эмоций в жанре жалобы

Эмоция	Пример
Страх	<i>И цены на порошок, которые пугают. (120)</i> <i>I'm terrified. Of death. (AaDS)</i>
Грусть	<i>Мне очень погано сейчас на душе, даже слезы подступают. (120)</i> <i>I can't stop crying and I just feel overwhelmed by all the information I've been given. (AaDS)</i> <i>There's so many conflicting things and I'm feeling overwhelmed. (AaDS)</i>
Тревога	<i>Страшно. Тревожусь. Бесит. (120)</i> <i>I am a little anxious this evening...(AaDS)</i>
Раздражение	<i>Меня бесит, то что муж и дочь постоянно придираются к еде. И им постоянно что то не нравится. (120)</i> <i>Ужасно злюсь на ситуацию и на себя...(120)</i> <i>Посудомойка сука очень вовремя сломалась вчера вечером. Видимо, чтобы вообще неподавно было мечтать ни о машине, ни об отпуске. (120)</i> <i>And I hate myself for not being strong enough to improve things. (BS)</i>
Безысходность	<i>Внутри ощущение безысходности... 😞(120)</i> <i>Какая-то беспросветная жесьть. (120)</i>
Отчаяние	<i>Я уже просто в отчаянии(120)</i> <i>i was feeling hopeless but im ok now (AaDS)</i>
Зависть	<i>Хожу на урок к ученику с завистью (120)</i>

	<i>Seeing such a nice and functional family makes me really envious.</i> (BS)
Одиночество	<i>Я очень одинок (120)</i> <i>It is a very lonely journey. (AaDS)</i> <i>.....loneliess causes massive depression.....now!!! who would want me and why i argue al the time..... (AaDS)</i>
Стыд	<i>Я не особо хотела детей, как обычно - надо. Жалею, что родила. Мне за это естественно стыдно. <...> (120)</i> <i><...> Чувствую себя хреновой матерью. (120)</i> <i>I couldn't even look at my writing without feeling deeply ashamed.</i> (AaDS)
Усталость	<i>Я устала...</i> <i>От себя,анемичной, не молодой, истощенной, депрессивной тетки, болеющей по три раза в месяц после двух Ковидов, собравшей все семейные диагнозы по материнской линии и добавившей свои, честно заработанные за последние 25 лет "счастливой " семейной жизни. (120)</i> <i>IM DOING ALL I CAN TO TRY TO MAINTAIN I DONT WANNA BE A BURDEN ON MY FAMILY <...> IM TIRED IM WORN WEARY AND TODAY HAS REALLY BEEN A ROUGH DAY</i> (AaDS)

Эмоциональное состояние субъекта актуализируются с помощью эмотивной лексики (*besum; в отчаянии; terrified*), наречий (*очень; a little; deeply*), а также обценной лексики (*сука; хреновой*). Лексические единицы с семантикой непрерывности (*постоянно*) подчеркивают продолжительность и постоянство переживаемого негативного опыта. Графические средства, включающие капитализацию и обилие пунктуационных знаков, репрезентируют волнение и эмоциональную нестабильность участника в момент публикации.

Кризис идентичности, переживаемый участником, актуализируется эксплицитно и метафорически:

Не знаю, что я, где я, куда идти 🤔 Знаю, только что мама двоих детей.
(120);

I cant deal with this anymore. So much pain, suicidal ideation, crying, anxiety, emotional paralysis/inertia. I just want to be me. Instead im this ball of depression i cant get out of. I want to be normal, i want to be my old self, but im not. Im a shell of that person. Empty, no interests, just sad, depressed and anxious. <>Im just stuck in this void, this no mans land. (AaDS)

Внутренний конфликт идентичности выражается в противоречии между прежними и формирующимися представлениями субъекта о самом себе (*want to be my old self*). Многократное употребление личных местоимений первого лица единственного числа является средством выражения индивидуальной идентичности. В комментариях конструируется одиночество личности посредством пространственных метафор, создающих образ пустой и необитаемой земли (*void, no mans land*). Характерным образом, отражающим одиночество субъекта, является и образ ямы или ловушки (*I'm in a hole I can't seem to dig myself out of; I'm in a trap I can't find my way out of; Иногда я представляю, что умерла и лежу в земле...*). Непонимание собственной личности является характерным проявлением индивидуальной идентичности.

Участник противопоставляет себя окружающим людям, что подчеркивает его отличие от остальных. В комментариях отражено желание человека стать «нормальным» – соответствовать норме, быть таким, как все (*I want to be normal; у меня постоянный страх, что я не дотягиваю до "нормальных людей"*). За ощущением «нормальности» участник приходит в сетевое сообщество. Д. Джайлз и Д. Ньюболд отмечают, что убеждение участника в том, что он соответствует норме, является устоявшейся практикой сетевого сообщества и происходит, в том числе посредством вторичных историй [Giles 2013].

Социальная изоляция и чувство нереализованности также являются основаниями для публикации жалобы:

*I have accomplished **nothing**. <...> **I'm just a ghost. No one wants to work with me. No one wants to do anything with me. Do you remember when students had to pick up teammates in sport class? Of course, I was the last one remaining, the one you pick up only because you had no other choice, No, I'm not important at all.** (AaDS);*

*Я очень одинока (ни мужчины, ни нормальных реальных (не виртуальных) друзей) и кажется это навсегда. **Чувствую себя какой-то прокаженной.** <...> А еще я когда не занята делами, едой, сном или творчеством, то состояние и настроение у меня практически всегда "четверговый пост". **Ну кто с такой дружить или встречаться захочет. Думаю никто.** <...> (120);*

*<...> Наверное, это самый большой мой демон - **чувство ничтожности** по сравнению с другими. Он загнал меня в полную изоляцию и одиночество. (120);*

*<...> я завалила аккредитацию. Я **тупица**. Чувствую себя **бездарностью**. Зря я за сто километров ездила. У меня было три попытки и все мимо. (120)*

Ощущение социальной изоляции выражается с помощью негативных самономинаций, которые конструируют невидимость индивида для социума (я *никто*; *a wallflower in social situations*; *I'm just a ghost*; *I'm a dead rose in a garden*) и его несоответствие стандартам общества (чувствую себя какой-то *прокаженной*). Нереализованность субъекта репрезентируется с помощью пейоративов с самореференцией (*тупица*; *бездарностью*).

*Состояние жертвы негативных социальных проявлений конструируется с помощью образных выражений и эксплицитных суждений, направленных на самого автора высказывания (груша для битья; загнанная лошадь; худшая мать года; *I'm literally the victim in this situation*):*

*Поэтому и кажется, что я не женщина, а **загнанная лошадь**. Одно и то же каждый день, с утра до вечера и без выходных как правило - для этого нужны невероятные силы, и терпение, и любовь. (120);*

Я молодой специалист, что в переводе на язык администрации означает груша для битья. Охамевшая завуч ищет новые предлоги, чтобы на мне сорваться. Сегодня наорала за то, что я к ней не подошла, хотя она не сказала подходить. <...> (ПуУ)

Жалоба содержит следующие типы **обращений к аудитории**:
 1) извинение (*Извините за депрессивный пост; Sorry for the long post with no breaks. its like it just spilled out though*); 2) благодарность за прочтение (*Спасибо, что прочли; thank you for reading my post*); 3) обращение за поддержкой (*Обнимите меня, пожалуйста; Поддержите меня*).

В качестве ожидаемой и фактической пары к жанру жалобы выступает утешение. Композиция жанра включает следующие компоненты:

- 1) приветствие и (или) обращение;
- 2) похвалу;
- 3) указание на общность эмоционального состояния;
- 4) сокращение дистанции;
- 5) проявление эмпатии;
- 6) слова поддержки / пожелания.

Таблица 8 – Композиционные компоненты жанра утешения

Компонент	Примеры
Приветствие и (или) обращение	<p><i>Дорогая, позволь тебя обнять! (120)</i></p> <p><i>Dear Luna_Child, (AaDS)</i></p> <p><i>Бедная девочка, (120)</i></p> <p><i>Лучи поддержки вам, молодая мама 🌞🌟(120)</i></p>
Похвала	<p><i>Восхищаюсь силой вашего духа и разума! Как здорово, что в вас остались силы поделиться своей болью и поискать поддержки! (120)</i></p> <p><i>Not because I'm glad that you're so deeply depressed, but relieved you spoke up with no mask on. You told the</i></p>

	<p><i>unvarnished truth and that took some serious bravery. (AaDS)</i></p> <p><i>Completing a college education and also with the struggles you are dealing with takes a lot of strength and I'm proud of you. (AaDS)</i></p> <p><i>You seem very brave from this side of the screen. (AaDS)</i></p> <p><i>Thank you for your openness to sharing your thoughts. (T)</i></p>
<p>Указание на общность эмоционального состояния</p>	<p><i>Очень понимаю, что вы ощуцали физически и морально. Сама через это прошла <...>(120)</i></p> <p><i>иногда читаю вас как себя - столько отзывается! (120)</i></p> <p><i>В вашей шкуре была. (ПуУ)</i></p> <p><i>С этим сталкиваются все и это нормально ! (ПуУ)</i></p> <p><i>Everybody here knows emotional pain. Most know true suffering. But I want you to know that many of us also enjoy helping others! We truly enjoy being there for you. We enjoy trying to make a difference for you! (AaDS)</i></p> <p><i>We see you. We hear you. We understand your pain. We can often relate to your individual struggles too. Some of us don't have friends to support us either.</i></p> <p><i>Some of us have also been through so much in our lives that nothing you could ever say is going to shock us! Nothing is going to make us look down on you! We are down-to-earth...</i></p> <p><i>We've got your back and we get it!!!! (AaDS)</i></p>
<p>Сокращение дистанции</p>	<p><i>я чувствую, что вы мне близкий человек 😊 Жду ваших комментариев, хотя они и грустные (120)</i></p> <p><i>можно на ты? (120)</i></p> <p><i>Стукните, пожалуйста, мне в личку, попробую помочь. (120)</i></p> <p><i>предлагаю бояться вместе – у меня сейчас тоже такой же период (120)</i></p>

	<p><i>DM me, do you want to talk about it? I'm here for you anytime! I mean that! (AaDS)</i></p> <p><i>I've just met you i want us to be friends for a very long time (AaDS)</i></p> <p><i>Well you have a friend now. Me. Pen pals can be friends. And you had 33 replies from some very nice people! DM me anytime you want to talk. I wish we all lived closer and could form a social group. (AaDS)</i></p>
Проявление эмпатии	<p><i>Любовь, читаю ваш комментарий и тоже злюсь (120)</i></p> <p><i>Так больно за вас. Грусть со злостью в перемешку от прочтения вашей истории. (120)</i></p> <p><i>Очень злюсь на ваших родителей, прямо бомбит! Хочется вас защитить!!! (120)</i></p> <p><i>На столько откликается Ваша ситуация, что сейчас у меня глаза на мокром месте. (120)</i></p> <p><i>I am so sorry you're under this enormous level of anxiety. (AaDS)</i></p>
Слова поддержки / пожелания	<p><i>Обнимаю крепко и молюсь за вас (120)</i></p> <p><i>Сил вам пережить этот кошмар. (120)</i></p> <p><i>Please make an update post or DM me if you figure something out! (AaDS)</i></p> <p><i>Prayers, hugs, love and light. (AaDS)</i></p> <p><i>You are in my thoughts and prayers. (AaDS)</i></p> <p><i>I'm going to do a prayer with meditation for you right now...(AaDS)</i></p> <p><i>Whatever the way you feel, I think I can say doors are always open to discussion and love sharing. This is something important on this space, knowing there's always someone ready to listen to you. (AaDS)</i></p>

Автор комментария является носителем ситуационной идентичности утешающего. **Приветствия и обращения** при утешении выражают сочувствие

автору инициального поста (*Dear; Дорогая; бедная*). Позитивная оценка действий пользователя, опубликовавшего жалобу, происходит посредством **похвалы** (*Восхищаюсь; I'm proud of you*). Пользователи отмечают, что публикация жалобы требует от субъекта определенной личностной смелости и решительности (*took some serious bravery; takes a lot of strength*). Глаголы чувственного восприятия *слышать, видеть, казаться* и пространственный дейксис указывают на восприятие виртуальной среды как аналога реального пространства (*see me on here; seem very brave*).

Указание на общность эмоционального состояния позволяет подчеркнуть «нормальность» состояния автора инициального поста (*это нормально*). В комментариях отмечается сходство переживаемых состояний между двумя субъектами (*понимаю, что вы ощущали*) и членами сообщества в целом (*Everybody here knows emotional pain*). Посредством генерализации (*Everybody*) формируется общее эмоциональное состояние как компонент коллективной идентичности участников.

В утешении происходит намеренное **сокращение дистанции** между авторами инициального и реактивного постов. Типичные для реального пространства объекты репрезентируются в виртуальной среде и конструируют открытое пространство для оказания поддержки (*doors are always open to discussion; два кофе за этот столик*). Пространственный дейксис и словесная имитация физических действий подчеркивают сближение говорящих (*поговорю с вами рядом; плачу рядом с вами*). Границы между виртуальным и реальным пространством размываются.

Сокращение дистанции происходит с помощью отсылок к сходному опыту (*Я чувствовала это, когда сама; Сама через это прошла*). Сравнительные конструкции иллюстрируют оценку ситуации в сравнении с пережитым индивидуальным опытом (*Правда, срок был меньше; Вам еще тяжелее*). Так, двойственность коллективных и индивидуальных смыслов проявляется в том, что в высказываниях участников актуализируется не только сходный опыт, но и индивидуальный.

Пользователи причисляют автора инициального поста к кругу друзей (*Вы мне как друг и душевный собеседник; promise me your new friend*), что демонстрирует быстрый характер перехода к новому статусу в отношениях в виртуальной среде. Переход к форме личного местоимения второго лица единственного числа *ты* (*Можно на ты?*) свидетельствует о желании причислить адресата к «личной сфере говорящего» [Апресян 1995], включающей самого говорящего и все, «что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Там же, с. 646]. Обращения на *ты* достаивается любой объект, который входит в личную сферу говорящего.

Сближению способствует и предложение личного контакта автору инициального поста в физическом (*если вы в Москве и вам поможет личный контакт...*) или виртуальном пространстве (*напишите мне; Обнимаю автора и предлагаю общаться, если есть желание; DM me, do you want to talk about it? I'm here for you anytime! I mean that!*). Использование глагола *стучать* в контексте запроса на личную переписку создает образ закрытого индивидуального пространства участника, в которое можно проникнуть (*Стукните, пожалуйста, мне в личку*).

Границы между виртуальным и реальным пространством размыты, в том числе и потому, что в некоторых сообществах существует регулярная практика организации встреч в физическом пространстве для общения и оказания взаимной поддержки:

Уже в это воскресенье 19 декабря! Встреча на Васильевском острове для всех желающих. воскресенье 19 декабря, с 15:00 до 18:00 по адресу улица Репина 10 (благотворительная кофейня P10).<...>

П. 1: *Ооо, если получится, с радостью **присоединюсь** 19 декабря!*

П. 2: *А новеньким тоже можно?*

П. 3: *Евгения, там все новенькие, и я сама была на встрече 12 объятий ровно два раза за те 4,5 лет, что я в паблике. **Увидимся и развиртуализируемся все** (120)*

Пример иллюстрирует стремление участников к интеграции за пределами виртуального пространства. Новые участники, не успевшие занять устойчивые позиции в групповой иерархии, также выражают готовность к взаимодействию в физическом пространстве.

Стратегией оказания эмоциональной поддержки в жанре утешения является эмоционализация. Как отмечают А. Совиньска и Т. В. Дубровская, использование данной стратегии определяется типом исследуемого дискурса и достигается лексически посредством явных отсылок к эмоциям говорящего [Sowińska 2012b, p. 273]. В процессе сетевого взаимодействия происходит **проявление эмпатии** к автору жалобы.

Одной из базовых эмоций, выражаемых участниками, является горе. В словаре-тезаурусе эмотивной лексики эмоция **горе** определяется как «чувство глубокого душевного переживания, сильная печаль, тяжелое физическое или психическое состояние кого-л., нравственная боль, вызываемые как внешними трагическими событиями, так и внутренними причинами» [Бабенко 2021, с. 66]. Реакция на трагическую историю участника включает лексемы *слеза* («внешнее выражение эмоций») и *больно* («эмоциональное состояние»), которые относятся к денотативному классу эмоции горе (*Так больно за вас; смотрю на фото, а сердце слезой умывается*).

Сильное сопереживание может препятствовать публикации поста в публичном пространстве:

П. 1: *Мне **очень больно читать** то, что вами написано, потому что я очень хорошо понимаю ваши чувства. **Настрочила сейчас гигантскую простыню и стерла**, не смогла найти сил это все вывалить сюда (Просто позвольте обнять...*

П. 2: *Маргарита, вы **можете написать в личку** мне или голосовое (120)*

В реактивных комментариях выражается жалость к автору инициального поста. Базовая эмоция **жалость** означает «чувство душевной боли от того, что кому-л. плохо, огорчение при виде чужих неприятностей, мучений, горя и т.д., сопряженное с отзывчивым, участливым отношением к ним и желанием

облегчить чье-л. положение; переживание чужих несчастий, горя как своих» [Там же, с. 84]. В сетевых сообществах жалость выражается с помощью лексем с семантикой эмоционального состояния (*бедная; жаль; sorry*) и эмоционального отношения (*сочувствую; сожалею; feel for*).

Эмоции участников могут быть направлены и на третье лицо – субъекта, совершившего отрицательные действия в отношении автора инициального поста. **Злость** толкуется как «чувство крайнего раздражения, недоброжелательства, возмущения и недовольства кем-, чем-л., враждебности по отношению к кому-, чему-л., возникающее как по какой-л. причине, так и совершенно немотивированно, спонтанно» [Там же, с. 91]. Злость как одна из базовых эмоций актуализируется с помощью лексемы *злиться*, относящейся к лексико-семантической группе «эмоциональное состояние» (*злюсь на ваших родственников; читаю ваш комментарий и тоже злюсь*).

Базовая эмоция **одобрение** определяется как «признание кого-, чего-л. хорошим, правильным вследствие удовлетворенности и удовольствия, вызываемых чем-л.– чьими-л. действиями, поступками, словами, выступлениями и др.; выражение этого признания в положительном отзыве, добрых словах, а также в различных жестах, мимике и поведении <...>» [Там же, с. 128]. Лексема *восхищаться*, относящаяся к лексико-семантической группе «эмоциональное отношение», используется участниками при обращении к автору инициального поста (*Восхищаюсь силой вашего духа и разума*). При выражении поддержки одобряются внутренние характеристики автора инициального поста и его смелость поделиться личной историей с аудиторией (*Спасибо за мужество поделиться этой историей; I'm also so proud of you for utilizing a support group*).

Объятие – один из способов проявления **любви** – «чувства горячей сердечной привязанности, склонности, влечения к кому-л.» [Там же, с. 97]. Для выражения данной эмоции используются лексемы *обнять, любить* относящиеся к лексико-семантической группе «внешнее выражение эмоций» и «эмоциональное отношение». В компьютерно-опосредованной коммуникации

сформировался феномен виртуальных объятий, выражаемых в дискурсе посредством лексических (*hugs to you, Gigi; Sending you many hugs; Оксана, обнимаю 🤗; Обнимаю Вас крепко; Обнимаю если позволите*), а также мультимодальных средств (см. Рисунки 1, 2).

Рисунок 1 – Виртуальное объятие (AaDS)

Рисунок 2 – Виртуальное объятие (120)

Наречия *крепко, долго, нежно* конструируют различные вариации виртуальных объятий. Поддержка выражается посредством специфичных словосочетаний, указывающих на действия, осуществляемые в физическом пространстве: *взять на ручки, погладить по голове, посидеть рядом (Если можно обнять Вас и взять на ручки; Я поддержать. Обнять. И просто посидеть рядом)*.

Заключительным компонентом утешения выступают **слова поддержки и пожелания**, которые включают этикетные формулы, содержащие выражение заботы об авторе инициального поста (*You are in my thoughts and prayers; I'm going to do a prayer with meditation for you right now...*), пожелания (*Сил вам пережить этот кошмар*) и запрос на предоставление информации о состоянии пользователя в будущем (*Please make an update post or DM me if you figure something out!*).

В своих реактивных комментариях автор инициального поста выражает благодарность участникам и подчеркивает осознание «нормальности» своего положения:

Здорово! Спасибо! Значит я не одна такая 🤗, от этого становится полегче. (120);

Thank you for sharing this. It makes me feel a little bit more “normal”. (T)

Проиллюстрируем примером функционирование жанров жалобы и утешения. Приведенный далее фрагмент содержит трагическую личную историю участницы сообщества матерей:

Я замужем 6 лет. У нас были прекрасные отношения и веселая жизнь - друзья, путешествия, любовь, гармония и счастье. <...>

<...> Однажды он сказал: либо ты рождаешь, либо мы разводимся. <...> Настаиваю на разводе, он же делает все, чтобы брак сохранить. <...>

Беременность протекает тяжело с самого начала. Физическая боль, страх, ощущение «я тоню». Больницы и «Ваш ребенок возможно не будет полностью здоровым, но патологии не такие серьезные, чтобы прервать». У меня не выдерживает психика - далее психиатры. От сильной женщины не осталось и следа. Хочу чтобы все кончилось. <...>

Далее ад: больница, похожая на Сайлент хилл, грубые врачи, искусственные роды в лужу крови, прямо в палате. Критическая потеря крови, чистка, наркоз. Иголки, кровь, боль. <...> Он и его семья винят меня в том, что произошло. Считают, что я заслужила все, через что прохожу. Его Семья меня видеть не хочет, муж холоден. Я бездомна, брошена и больна. Предана. Наказана за то, что наступила себе на горло и решила подарить ему долгожданного ребенка. Не передать словами мою боль.

Сегодня у меня день рождения. Я лежу одна, в пустой квартире подруги. Слезы все выплаканы.

*Не прошу советов, **прошу объятий**- нуждаюсь как никогда, а получить не от кого.*

***Опубликуйте, пожалуйста, анонимно.** Не готова афишировать, не готова к звонкам друзей. (120)*

Личная история участницы представляет собой объемный нарратив, содержащий описание событий прошлого в их хронологическом порядке. События актуализируются не только посредством форм прошедшего времени (*были; сказал; наступила*), но и с помощью настоящего нарративного,

употребление которого называют еще настоящим историческим [Падучева 2010]. События индивидуального прошлого актуализируются посредством глаголов в настоящем времени (*протекает; не выдерживает; винят*). Пример подтверждает актуальность виртуальной поддержки в ситуации, когда субъект не готов поделиться переживаниями с окружающими в физическом пространстве.

В ответных комментариях происходит установление контакта с автором инициального поста и предоставление эмоциональной поддержки:

П. 1: *Очень понимаю, что вы ощущали физически и морально. Сама через это прошла, с последующим обострением депрессии. Правда, срок был меньше и беременность замерла, поэтому мне не пришлось самой рожать, а, если бы пришлось, я бы не выдержала...**Восхищаюсь силой вашего духа и разума!** Как здорово, что в вас остались силы поделиться своей болью и поискать поддержки! И я от всей души хочу поделиться с вами энергией, спокойствием, облачить вас своей любовью и забрать всю боль! Примите, пожалуйста, мои крепкие, нежные виртуальные объятия, чтобы вам стало тепло, уютно и безопасно! Пусть со слезами уйдет и боль...*

П. 2: *Авторка, если вы в Москве и вам поможет личный контакт с человеком, который просто хочет вас поддержать и обнять, **напишите мне***

П. 3: *Милая..... **Так больно....** Если можно обнять Вас и взять на ручки🙏*

П. 4 *Очень тяжело, очень больно физически и морально, очень обидно, и пустота внутри, которая душит и поглощает. Я чувствовала это, когда сама потеряла беременность. Вам еще тяжелее, ведь от мужа нет поддержки и вы переживаете все одна. Посылаю лучики поддержки, сил. Посмотрите, сколько людей откликнулись на вашу ситуацию, и **все мы вас поддерживаем**, чтобы вы знали, что вы не одна.*

При оказании поддержки пользователи 1 и 4 представляют собственные личные истории, которые позволяют одновременно указать на сходство пережитого опыта и существующие различия. Предложение личного контакта

(*напишите мне*), виртуальные объятия (*мои крепкие, нежные виртуальные объятия*) и отсылка к коллективу (*все мы вас поддерживаем*) способствуют оказанию поддержки.

Таким образом, фатические жанры жалобы и утешения функционируют в сетевом сообществе с целью получения и оказания эмоциональной поддержки. В процессе коммуникации репрезентируются личный опыт и эмоциональное состояние как компоненты индивидуальной идентичности субъекта. Языковые средства, включающие эмотивную лексику, негативные самономинации и самоуничижительные высказывания иллюстрируют критику индивида, направленную в собственный адрес в публичном пространстве. Конструируемая слабость индивида компенсируется силой коллектива, в котором он состоит.

2.4. Краткие нарративы

В процессе группового взаимодействия участники используют жанр фатического общения, который мы обозначаем *кратким нарративом*. Название *small story* было предложено А. Джорджакопулу для обозначения историй, которые возникают в ходе диалогического взаимодействия [Georgakopoulou 2007, p. 36]. Такие истории характеризуются текучестью, пластичностью и открытостью. Они переплетаются с повседневным опытом участников, прочно встраиваясь в окружающий их дискурс [Там же 2007]. В диалогическом общении краткие нарративы пользователей объединяются в пары.

Жанр краткого нарратива можно отнести к группе праздноречевых жанров [Дементьев 2010], которые способствуют скорее не улучшению или ухудшению межличностных отношений, а их сохранению и поддержанию. Речевой материал позволяет выделить краткие нарративы трех типов – бытовые, развлекательные и личные воспоминания.

2.4.1. Бытовые нарративы

Как отмечает Д. Шиффрин, личная идентичность находится в центре времени и пространства как в нарративе, так и во всем дискурсе [Schiffirin 2009, p. 423]. Взаимосвязь времени, пространства и идентичности иллюстрирует концепция хронотопа М. М. Бахтина. Хронотоп как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 2000, с. 121], определяет образ человека в литературе и имеет существенное жанровое значение. Полагаем, что хронотоп как формально-содержательная категория определяет и образ виртуальной идентичности участника сетевого сообщества.

В бытовом нарративе переплетены темпоральный, событийный и пространственный компоненты. Данный жанр является рефлексивным, поскольку позволяет оценить поступки, состояния и произошедшие в жизни индивида события за определенный период времени. В бытовом нарративе репрезентируются следующие личные характеристики: 1) телесность; 2) события из жизни; 3) личное окружение; 4) физическое пространство и его элементы.

Участники сетевых сообществ регулярно поддерживают контакт друг с другом и публикуют актуальную информацию о своей жизни и происходящих в ней событиях:

П.1: *How are things going?*

П.2: *The cardiology appointments went okay and I set up an appointment for tomorrow to see a general practitioner online through Plushcare. I have a bit of a sore throat with sporadic pain on the right side of my head and a twitching left eyelid. Next week, I'll get the second dose of COVID-19 vaccine. <...>*

<...> *How about you? How's life treating you these days? I hope you are well.*

П.1: *Life is beautiful over here, thanks for asking. My dog and I are out watching and listening to the rain on our porch. I think although I get overwhelmed*

and scared at times I also see the beauty that hardships turn into as things tend to work out. If things were always easy we would not triumph as big I guess.

It's really good to connect with you, my friend. (AaDS)

Практика обмена бытовыми нарративами в группах людей, страдающих ментальными заболеваниями, позволяет участникам информировать друг друга о новых событиях и состояниях здоровья.

Регулярные рефлексивные рубрики «Я Молодец» и «Weekly Wins» (см. Приложение) являются механизмом актуализации личных достижений участников сетевых сообществ (см. Рисунок 3).

Рисунок 3 – Изображение администратора сообщества
«Понедельник, а значит, время хвалить себя!» (12О)

Под инициальным постом публикуются краткие нарративы участников, в которых актуализируются их личные характеристики. Телесность участника репрезентируется в форме личных фотографий и аватаров, сопровождающих инициальный пост. Селфи как фотография, самостоятельно сделанная на смартфон (см. Рисунок 4), является одним из основных средств актуализации идентичности в Сети [Meikle 2016].

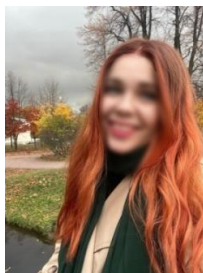

Рисунок 4 – Личная фотография участницы (12О)

Нашла силы и время, чтобы перекрасить комод и волосы 😊

П.: Natali, оооо, в самое ❤️ Обожаю рыжих 😍 Вам очень идет! (120)

Изменения во внешности пользователя репрезентируются в виртуальной среде и становятся предметом обсуждения. Опубликованные личные фотографии позволяют оставаться «видимым» участником сообщества и получать обратную связь (*Вам очень идет*).

Платформы предлагают пользователям репрезентировать себя в их пространстве посредством одного самостоятельно выбранного или созданного изображения. Как отмечает Е. В. Закаблукровский, «каждый из нас вступает в хронотоп сетевых сообществ, виртуализируя телесность в виде аватара – нашего условно (виртуально-) телесного представителя в киберпространстве» [Закаблукровский 2015, с. 85]. Установленное в профиле изображение или аватар позволяет участнику выделяться среди множества других пользователей:

П. 1: Анастасия, ооо, какой знакомый юзерник! Я так рада снова Вас видеть! Как же это отрадно. Я боялась, что Вы сменили аватарку, а как Вас зовут я не запомнила. Всегда радуюсь, когда Вас вижу 😊

П. 2: Серафима, ну я меняла на какое-то время)) спасибо большое за такой комментарий 😊😊😊 (120);

*Лия, классное **новое фото на аватарке!** (120)*

Пользователи замечают изменения в изображениях профиля других участников (*сменили аватарку; новое фото на аватарке*). В некоторых случаях изображение профиля становится главным идентификационным признаком, по которому узнают того или иного пользователя (*Вы сменили аватарку, а как Вас зовут я не запомнила*).

События из жизни участников репрезентируются в личных нарративах:

Я ждала этот пост 😊

Я большая молодец, пятый день обхожусь без мучного, сладкого и всякого вредного 🍷

Делаю упражнения через приложение, начала бегать, ежедневная ходьба с коляской 1.5-2 часа и чувствую себя прекрасно без ежедневного вздутия и запоров 😊

*Чуть позже дополню... Меня **распирает от такого количества положительных эмоций** 😊 (120)*

Перечисление индивидуальных достижений сопровождается отсылками к эмоциональному состоянию участников (*распирает от такого количества положительных эмоций*). Признание результатов деятельности необходимо для поддержания самооценки индивида.

Участники публикуют фотографии аксиологически нагруженных объектов, которые входят в их *личное окружение* (см. Рисунок 5).

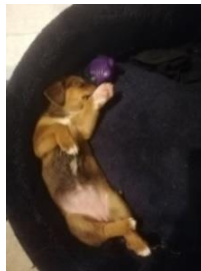

Рисунок 5 – Изображение участника (120)

Мы с мужем вернулись из отпуска. Это был сложный по маршруту, но офигенный отпуск. <...> Пережили истерику родных и друзей, справились со своими эмоциями. Но не до конца, потому теперь у нас есть две лишние канистры под бензин 😊. А теперь о самом главном, что произошло в отпуске.

П. 1: *Сашка, боже, какой классный щеночек* 😊😊😊

П. 2: *Эля, я больше по кошкам, у меня их три и уже взрослые, но при виде собачки и котят наступает тот единственный для меня случай, когда я по-доброму завидую хозяевам малыша и думаю "эх, мне бы еще одного маленького"* 😊(120)

В реактивных комментариях к публикациям содержится похвала, что иллюстрирует оказание поддержки, связанной с самооценкой. При этом

понимание и осмысление собственной идентичности происходит постоянно при сравнении себя с другими (*эх, мне бы еще одного маленького*).

С помощью мультимодальных средств участники представляют результаты собственной творческой деятельности. Реальные места, события, предметы и субъекты физического мира становятся объектами художественного переосмысления в творческих работах участников. Воспроизведение существующих объектов реальности позволяет поддерживать связь с другими пользователями и оказывать поддержку (см. Рисунки 6, 7).

Рисунок 6, 7 – Личная фотография и рисунок участников (AaDS)

Hi Everybody, I just finished this one. Enjoy!

П. 1: *Gorgeous, eyes are so expressive, really caught kitty's essence!*

П. 2: *Stippler regulates our nervous system with his work. Thanks again Stippler. You're saving lives here.*

П. 3: *Hi Stippler. Thank you so much for drawing Deeks. I love it. You're such a talented man. I'm very grateful to you. **It's made me smile.** You're brilliant. (AaDS)*

Приведенные изображения иллюстрируют процесс создания творческой работы на основе реальной фотографии. Один из активных участников сетевого сообщества поддержки людей с ментальными заболеваниями (*Stippler*) регулярно создает рисунки по фотографиям питомцев, присылаемым другими членами группы. Данная виртуальная практика позволяет участникам регулярно поддерживать друг друга на основе общего интереса.

С точки зрения прагматического дискурса, пространство является социальным явлением, конструируемым в процессе коммуникации. Пространство тесно связано с идентичностью, и его репрезентации вплетены в

нарративы участников сообществ. *Физическое пространство*, в котором находятся отдельные представители группы в момент публикации, репрезентируется при конструировании «среды пребывания»:

Good morning- or afternoon here in the UK Hiba.

Its been a beautiful sunny, but windy and chilly autumn day here. I enjoyed a walk by the river and a coffee in town this morning and the trees were looking beautiful. (AaDS);

Here in my area of Florida, the weather has been cool enough to turn the a/c off for a good part of the day. I'm loving the fresh air and low humidity. We usually sweat our brains out sometimes into November. I'm hoping this change isn't a one off. I won't be afraid to open my power bill next month. (AaDS)

Реальное физическое пространство, в котором на момент публикации находится субъект, конструируется посредством топонимов (*Florida; the UK*), описания состояний природы (*has been cool enough; windy and chilly autumn day*) и пространственного дейксиса (*here; in; by*).

Мультимодальные элементы позволяют визуализировать «среду пребывания» участников. В комментариях публикуются изображения элементов физического пространства (см. Рисунок 8).

Рисунок 8 – Личная фотография участника: «Парк при отеле» (120)

Комментарии участников содержат аксиологически значимые элементы физического пространства, включая людей из личного окружения (см. Рисунки 9, 10).

Рисунок 9 – Личная фотография участника (120)

П. 1: Дочка на капоэйре

В комментариях происходит взаимный обмен мультимедийным контентом. В ответ на инициальные комментарии публикуются фотографии участников, оказавшихся в похожем пространстве и при сходных жизненных обстоятельствах.

Рисунок 10 – Личная фотография участника (120)

П. 2: привет, коллеге по цеху 😊 (120)

2.4.2. Развлекательные нарративы

Юмор способствует созданию благоприятной атмосферы в сетевом сообществе и формированию групповой солидарности. Одним из мультимодальных средств конструирования коллективной идентичности является интернет-мем (см. Рисунки 11–14).

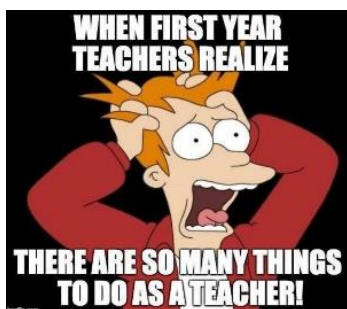

Рисунок 11 – When first year teachers realize there are so many things to do as a teacher! (T)

Рисунок 12 – Everything hurts and I'm dying. (T)

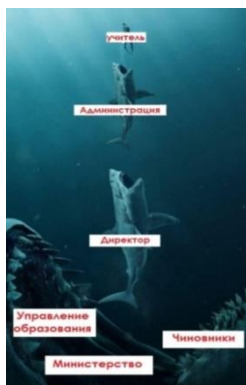

Рисунок 13 – Пищевая цепь (ПуУ)

Рисунок 14 – Who says teaching is stressful? I'm 39 and I feel great! (Т)

Приведенные примеры отражают основные противоречия, с которыми регулярно сталкиваются представители педагогических сообществ. Посредством мемов представители данной профессиональной группы иронизируют над молодыми специалистами (*first years*) – особой категорией работников, отличающихся своей неопытностью:

So, how are all you "first years" doing? (Т)

Объектом иронии является и бюрократическая система, к условиям которой вынуждены адаптироваться представители данной профессии. В одном из мемов (Рисунок 13) данная система представлена в форме пищевой цепи, которую предлагают дополнить участники:

П. 1: *Место родителям в этой инсталляции после директора))) дальше родителей нет, дальше – главкомы.*

П. 2: *Да, родителей забывать нельзя, только родители тебя ждут наверху. (ПуУ)*

Объектом иронии становятся и сами представители профессиональной группы. Сложный характер педагогической профессии раскрывается в попытке «сохранить лицо» в стрессовых ситуациях:

П. 1: *One of my all time favorite memes ever!!! 🤔🤔🤔*

П. 2: *I'm 28 and have gray hairs already I blame it on the stress of the job lol (Т)*

При обсуждении мемов участники публикуют собственные развлекательные нарративы, связанные с заданной темой. В комментариях происходит самораскрытие субъекта – процесс раскрытия личной информации о себе другим людям. Рассмотрим еще одну группу мемов из другого сообщества – сообщества матерей, в котором затрагиваются вопросы сложности материнства и состояния женщины в этой роли (см. Рисунки 15–18).

Рисунок 15 – Это мы с друзьями после прогулки со всеми нашими детьми (120)

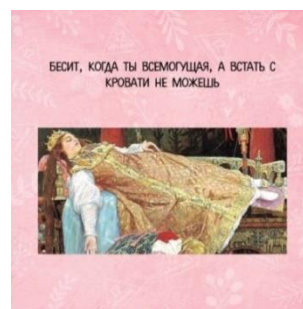

Рисунок 16 – Бесит, когда ты всемогущая, а встать с кровати не можешь. (120)

Рисунок 17 – Мое лицо, когда ребенка похвалили за поделку, которую я сама делала всю ночь (120)

Рисунок 18 – В материнстве есть три типа ведьм (120)

В ходе обсуждения мема (Рисунок 17), опубликованного в качестве инициального поста, участники публикуют собственные личные истории:

П. 1: *Мое лицо, когда выиграла первое место за лучший рисунок среди трехлеток по России. Такой стыд* 🤔🙄

П. 2 в ответ П.1: Елена, 🤔

П.3: *Мое лицо, когда ребенка в 3м классе хвалили за стенгазету, потому что "сразу видно, что сама делала! А всем остальным мамы помогали".*

П.4: *Единственный раз так сделала, когда дочь первый год в сад пошла. Было задание - аппликация из осенних листьев. Дочь только эти самые листья на улице собирала, а я сделала Льва. Заняли первое место по саду - одарили набором из шести карандашей. И я такая: пффф, ну нет, больше я за карандаши не работаю)*

П.5: *Ручное изготовление из полимерки, просушка, грунтовка, окраска аэрографом, светодиоды с питанием от UBS. Стилизация букета. ~12 часов работы, размазанных на месяц. Третьем место :/*

П. 6 в ответ П. 5: *Сергей, за что ж там первое давали? За яйцо Фаберже?))) (120)*

Юмор саморазоблачения (*self-disclosure humour*) позволяет облегчить беседу и создать дух товарищества.

В то же время юмор может использоваться для того, чтобы рассказать о тревожном личном опыте и развеять опасения, получив более объективную оценку со стороны других членов группы [Ervin-Tripp 2009]. События, болезненно переживаемые в прошлом, репрезентируются в юмористическом ключе:

Многих из нас хотя бы раз хвалили так, что мы терялись в догадках: «Это сейчас был комплимент или оскорбление?» Такие высказывания могут касаться чего угодно: внешнего вида, поведения, манеры воспитывать детей. Приходилось ли вам принимать такие неоднозначные комплименты? Делитесь в комментариях 🙋

П. 1: *Я готовилась к дипломной работе и вышла в лесопарк на пленер. Писала этюды пейзажа. Ко мне подошел дедушка, порасспрашивал как и что. А потом изрек: «Ну да, ну да, уж лучше ТАК, чем наркотиками колоться» 😏😏
😏 мне,кстати, очень понравилась его эта формулировка и я ее использую как мем.*

П. 2 в ответ П. 1: *Юлия, я аж взвыла от смеха)) Конечно, лучше.*

П. 1 в ответ П. 2: *Анастасия, рада, что Вас повеселила)))))). Меня этот мем здорово выручает в жизни. Иногда произнесешь и легче станет жить)*

П. 3: *Моя бывшая свекровь при знакомстве: «я была бы рада даже негритянке с тремя детьми, так что и тебе рада, не переживай !» 😬 моя тетья: «о, ты так похудела, второй подбородок почти не виден!». Моя двоюродная сестра: «почему твоя мама говорила, что ты нехозяйственная, вот даже контейнеры для еды есть в доме и пылесос..» . Она же: «у тебя такие милые кудряшки, как у пуделя». Знакомая на общей вечеринке: «для рожавшей женщины ты выглядишь потрясающе!» . Хм.. а так видно не очень 😂*

П. 4: *От мамы: О, в этих штанах/сапогах/юбке не видно, что у тебя ноги кривые (это подростковый возраст)*

Надо же, выросла, похудела, и ноги уже не такими кривыми выглядят (наши дни)

П. 5 в ответ П. 4: *Наталья, ой тоже болезненно воспринимаю такие "комплименты" от мамы. В этой кофте у тебя живот не видно и талия как будто есть. 😬 (120)*

В данном случае в основе нарратива лежит ситуация, в которой участник оказался в неловком положении. События, болезненно переживаемые в прошлом, репрезентируются в юмористическом ключе [Часовский 2022]. В ходе обмена нарративами происходит обсуждение и переосмысление негативного опыта прошлого, что иллюстрирует доверие участника к группе.

2.4.3. Личные воспоминания

М. Росс и Р. Бухлер считают, что оценка индивидами собственных умений и качеств происходит на основе воспоминаний из прошлого, определяющих их благополучие в настоящем, и указывают на

«терапевтическую ценность» реинтерпретации событий прошлого [Ross 2004, р. 26].

Воспоминания и сохранение памяти о прошлом играют важную роль в сообществах памяти, члены которых объединены опытом переживания событий военного прошлого. Личные воспоминания сопровождаются архивными фотографиями участников (см. Рисунки 19–22).

Рисунок 19 – Личное фото участника «Обед...» (АП)

Рисунок 20 – Личное фото участника «Где-то в районе Газни. Конец 87, начало 88 года» (АП)

Рисунок 21 – Личное фото участника (АП)

Рисунок 22 – Личное фото участника «Мы уже прожили целую жизнь, а они в памяти навсегда, молодые, добрые, веселые со своими мечтами и планами. Как такое забыть?» (АП)

В личных фотографиях участников сообществ репрезентируются элементы физического пространства, военные и их сослуживцы, а также военная техника. Быт военного времени вызывает ностальгические воспоминания:

П. 1: *Можно было у бачей прикупить лимонада "Si-si" леденцов, помните, круглые такие были со вкусом апельсина. В дукане хорошо бы пакет шарона взять. 😊*

П. 2: *Сами так отмечали....., там, за речкой.... 👍*

П. 3: *Сейчас так не отметишь. Нет чешского лимонада "Si-si", нет того задора, молодость ушла, да и многих из тех ребят, с которыми отмечал, тоже нет... (АП)*

Личные нарративы служат инструментом хранения и передачи информации о событиях коллективного прошлого:

Я зашел в вокзал, и кто-то из офицеров дал мне команду занять оборону возле окна и прикрыть группу солдат, это было 31-го вечером, которые должны перейти к «дому Павлова». Я начал выполнять приказ, рядом был еще кто-то, мы вели стрельбу по «дому Павлова», я видел вспышки автоматных очередей в темных окошках этого дома. Я еще часа полтора пробыл там, стрелял по дому, но так и не видел, чтобы эта группа в дом пошла, может, не заметил, как они проходили.

На тот момент обстановка выглядела как-то не угрожающе для нас, а точнее для меня, но я стрелял очень боязно, и толком не мог понять попадаю в кого или нет, но нужно было стрелять. <...>

Спустя несколько часов после наступления Нового Года, обстрел вокзала то усиливался, то утихал, мне кажется, что по нам стреляли со всех сторон круговую. Раздобыв патроны, мы перезарядились. Моя огневая позиция была на первом этаже в двухэтажной части здания, мое внимание было полностью сконцентрировано на «дом Павлова» и территорию между домом и нами, слева от этой «хрущевки», через дорогу, стояло белое одноэтажное здание, похожее на барак, со слов солдат я понял, что там есть наши бойцы. <...>

П. 1: *А кто пишет? Молоток! Отлично передал атмосферу.)*

П. 2: *Михаил, <http://memoriesnorth.narod.ru/mywar/dshac.html>*

П.1: *Понял.*

П. 3: *Михаил, Вы бы сами давно уж собрались-и описали события,те,что помните. Ведь много видели,много помните.<...>*

П. 4: *Игорь, прочитал на одном дыхании. Спасибо огромное👍 (131-я)*

Приведенный пример иллюстрирует обсуждение личного нарратива участника военных событий. Личное воспоминание характеризуется обилием эгоцентрических элементов: неопределенных местоимений (*кто-то*), предикатов внутреннего состояния (*может; мне кажется*), оценочной лексики (*не угрожающе*), маркеров времени (*На тот момент; Спустя несколько часов*). С помощью данных элементов события представляются через личную оценку автора нарратива.

Фрагменты прошлого запечатлены и в художественных произведениях участников сообществ. При обсуждении творческих работ происходит актуализация событий прошлого, восстановление деталей и представление личных воспоминаний (см. Рисунки 23–24).

Рисунок 23 – Вокзал города Грозный после боя.

Художник Прохор Вечканов (131-я)

Вокзал города Грозный после боя. Утром 2 января 1995 года. Пользуясь затишьем, некоторые мирные жители, кого бои застали врасплох в районе вокзала и вынудили укрываться весь предыдущий день в подвалах чужих домов, или местные, но у кого закончилось пропитание, начали выбираться на улицу.

П. 1: *Нарисовано хорошо. Но если уж придраться то есть несколько несоответствий с расположением техники.*

П. 2: *Дмитрий, например?*

Администратор: *Дмитрий, если можно-поподробнее и более конструктивно*

П. 1: *131-я омсбр (Майкопская бригада), я уже написал в группе художника. <...> Непосредственно у главной лицевой стороны вокзала стоит бмп с оторванной башней. Башня еще часто мелькала в различных видео*

П. 3: *Дмитрий, в моей группе вы комментировали старый файл, этот изменен. Я подписал, для удобства восприятия, технику на рисунке (131-я)*

Рисунок 24 – Рисунок участника (131-я)

Михаил Ибрагимов и Александр Актаев на крыше вокзала. Бумага, карандаш. 210x297мм

П.1: *Расскажите подробнее об А.Актаеве, как погиб?*

П. 2: *Михаил, когда наши бойцы перебежали по крыше, Актаев был ранен, сорвался вниз и разбился*

П. 1: *<...> царствие небесное ему. Ибрагимов вроде бы выжил в том аду, после боя интервью давал*

П. 3: *Автору👍 но калаш крупнее рисуй*

П. 4: *Отлично. Жаль номера БМП не видно, интересна судьба экипажа... надеюсь на следующем рисунке художник нарисует ребят выжившими... (131-я)*

Примеры иллюстрируют коллективное обсуждение творческих работ, в которых отражены компоненты коллективного прошлого. Как отмечает Т. В. Дубровская, единение конструируется в трех измерениях – социальном,

пространственном (территориальном) и темпоральном [Дубровская 2020, с. 80]. Так, в процессе обсуждения участники стремятся наиболее точно восстановить детали произошедших событий. В коммуникации сообщества происходит сочленение трех пространств в процессе метатекстового обсуждения: реального (в 1994 – 1995 гг.), виртуального (в 2021 г.) и художественного (в моменте воссоздания событий). В комментариях также конструируется и альтернативная реальность (*нарисует ребят выжившими...*).

Социальные сети трансформировали социальные практики, связанные со смертью, скорбью и сохранением памяти об умерших. Онлайн-платформы позволяют перенести данные практики в виртуальное пространство [Walter 2012]. Публичные ритуалы поминовения отдельных лиц в сообществах памяти осуществляются посредством публикации постов памяти, которые содержат портрет и значимые факты из жизни участника военных действий (см. Рисунок 25).

Рисунок 25 – Портрет И. А. Савина (131-я)

Сегодня Ивану Алексеевичу было бы 69 лет. Царствия Небесного и вечный покой, товарищ полковник. Мы помним.

П. 1: Светлая память, “Калибр- 10”

П. 2: Вечная память, Царствие Небесное 🙏

П. 3: В 1994 году летом мне уши крутил за сапоги гармошкой

П. 4: Евгений, Строгим был он очень?

П. 3 в ответ П.4: Александр, ну за сапоги на губу не отправил

А вообще-то не могу точно, я же был простым срочником

П. 5: *Он был Командиром, больше сказать мне нечего, а еще Хорошим Человеком. (131-я)*

В комментариях публикуются стандартные формулы, используемые людьми для выражения соболезнований и скорби (*Светлая память; Вечная память*). Мультимодальные компоненты, включающие изображения свечей и цветов, символизируют скорбь и позволяют в определенной мере воспроизвести ритуал в виртуальном пространстве. С помощью лексики с семантикой непрерывности (*вечный покой*) актуализируется связь между прошлым, настоящим и будущим.

Значимые события коллективной памяти актуализируются посредством позывных и фрагментов цитат героев трагических событий:

П. 1: *Они пролетают мимо нас, в двухстах-трехстах метров...*

П. 2: *Какая вы к черту авиация, если вы своих мужиков спасти не можете? Вы что, боитесь ниже опуститься что ли?*

П. 3: *Я стрелял из минометов...стрелял из минометов...ты разрывы видел? Подкорректируй... огонь минометный !*

П. 4: *Метеор! Метеор! Пуля 32 на связи!*

П. 5: *36-й, не стреляй! Это свои! Это «Камин»! «Камин»!.. «Зубры», «Зубры»! Не...*

П. 6: *Давай по всем частотам калибр, кто меня слышит, потеряли мы их. (131-я)*

Пост опубликован в годовщину гибели 131-й бригады в ночь с 31 декабря на 1 января 1994 г. в ходе штурма Грозного во время Первой чеченской войны. В совокупности с датой события (31 декабря – 1 января 1994-1995 г.) и датой публикации (31 декабря 2021 г.) используемые фрагменты цитат позволяют реконструировать события прошлого.

Личные воспоминания сопровождаются мультимодальными комплексами, сочетающими в себе важные элементы коллективной памяти: официальные награды, флаги и объекты физического мира (см. Рисунки 26–29).

Рисунок 26 – Будем жить шурави
(АП)

Рисунок 27 – Живите долго братья шурави (АП)

Рисунок 28 – Мы интернационалисты (АП)

Рисунок 29 – Шурави (АП)

Рукопожатия и сцепленные руки являются семиотическими сигналами единения. Д. Битти утверждает, что «движения кистей и рук являются ключом к человеческому разуму, они делают мысль видимой» [Beattie 2016, p. 2 – 3]. Рукопожатие как символ воина-интернационалиста является символом единения в группе памяти. Этноним *шурави* (коллективная номинация советских граждан в Афганистане) и соционим интернационалисты (номинация военнослужащих, оказывающих братскую помощь другому народу во имя идей интернационализма) использованы для обозначения коллектива. С помощью форм будущего времени (*будем жить*), отсылки к датам (15 февраля – День памяти воинов-интернационалистов) и прецедентным текстам (название музыкального альбома «Время выбрало нас») происходит конструирование темпорального компонента коллективной идентичности участников сообщества памяти.

Таким образом, краткие нарративы являются рефлексивным жанром конструирования индивидуальной идентичности участника сетевого сообщества. Отличительной особенностью электронного нарратива является его связь с аудиторией. Краткие нарративы укрепляют чувство общности между участниками сетевого сообщества. Так или иначе, представляя собственную личную историю, индивид вплетает ее в нарратив сообщества, что способствует укреплению коллективной идентичности и сплочению группы.

Выводы по главе 2

Конститутивные элементы коллективной и индивидуальной идентичностей, а также языковые и мультимодальные средства их конструирования в жанрах сетевых сообществ представлены в виде таблицы (см. Таблицу 9).

Таблица 9 – Модель коллективной и индивидуальной идентичностей в жанрах сетевых сообществ

Пары смежных жанров	Компоненты коллективной и индивидуальной идентичностей	Языковые и мультимодальные средства актуализации
Самопрезентация & приветственная реплика	Индивидуальная - индивидуальные характеристики (имя, национальная, расовая и гендерная принадлежность)	- антропонимы - виртуальные самономинии - лексика с семантикой национальной и расовой принадлежности - гендерная лексика

		- принадлежность к социальной категории	- лексика, маркирующая представителя социальной категории - особая разновидность языка группы: сокращения, профессиональная и жаргонная лексика, феминитивы - простые субъектно-предикатные предложения
		- непонимание со стороны «других»	- отрицательно-оценочная лексика - словесные ярлыки - противопоставления - отрицательные конструкции, репрезентирующие оппозицию <i>Я vs. Другие</i>
	Коллективная	- самосознание группы как целостного образования	- лексика с семантикой объединения в коллектив - лексика, указывающая на группу людей - лексика с семантикой единения
		- прикрепленность к конкретному безопасному пространству в виртуальной среде	- лексика с семантикой безопасности и уюта - лексика с пространственной семантикой - проксимальный и пространственный дейксис - метафоры пространства
		- положительная оценка группы «мы»	- лексика с семантикой положительной оценки - эпитеты
	Обращение за советом & совет	Индивидуальная	- индивидуальный опыт в форме личной истории

	Коллективная	- сходство жизненного опыта	<ul style="list-style-type: none"> - коллективные <i>мы</i> - генерализирующая лексика - лексика с семантикой сходства - генерализирующие конструкции - развернутые метафоры совместного путешествия, кровного родства, игровая метафора
	Коллективная	- взаимозависимость на основе совместной деятельности	<ul style="list-style-type: none"> - лексика с семантикой цели - лексика с семантикой поддержки и взаимности - набор обращений: лексика с семантикой групповой и профессиональной принадлежности, лексика с семантикой дружбы, товарищества и родства - придаточные цели - метафоры коллективного разума
	Коллективная	- коллективная сила в решении общих проблем	- лексика с семантикой силы
Жалоба & утешение	Индивидуальная	- личный опыт и эмоциональное состояние в форме личной истории	<ul style="list-style-type: none"> - самономинации - словесные ярлыки - эмотивная лексика - обценная лексика - лексика с семантикой непрерывности - наречия - вводные обороты - самоуничижительные высказывания - капитализация - обилие пунктуации - эмодзи - метафоры выражения эмоционального состояния

	Коллективная	- общность эмоционального состояния	- маркеры причисления к личной сфере говорящего - лексика с семантикой единения
		- коллективная поддержка	- эмотивная лексика - виртуальные объятия - этикетные формулы, содержащие выражение заботы - мультимодальные средства
		- положительная оценка членов группы «своих» и отрицательная оценка группы «других»	- лексика с семантикой положительной и отрицательной оценки - словесные ярлыки - пассивные конструкции - противопоставления - отрицательные конструкции
Краткие нарративы	Индивидуальная	- телесность	- мультимодальные средства
		- события из жизни	- событийные предложения, упорядоченные во времени
		- физическое пространство и его элементы	- топонимы - пространственный дейксис
	Коллективная	- коллективная память	- лексика с семантикой непрерывности - мультимодальные средства

В сообществах различной тематической направленности выявлены сходные конститутивные компоненты, формирующие коллективную и

индивидуальную идентичности. Для их конструирования и поддержания используются универсальные языковые и мультимодальные средства. Выработанный набор электронных жанров обслуживает типичные ситуации общения участников сетевых сообществ. Пара смежных жанров *самопрезентация* и *приветственная реплика* используется при включении индивида в сетевое сообщество. С помощью пары *обращение за советом* и *совет* оказывается информационная и эмоциональная поддержка в группе. *Жалоба* и *утешение* используются для оказания взаимной эмоциональной поддержки участников. *Краткие нарративы* способствуют сохранению «социальной видимости» участников, поддержанию межличностных контактов и оказанию поддержки, связанной с самооценкой.

Полученные результаты дают основание для выделения двух уровней конструирования идентичности в сетевом сообществе. Данные уровни представлены в виде иерархической системы, где индивидуальная идентичность образует верхний уровень иерархии, а коллективная идентичность формирует базовую структуру:

Рисунок 30 – Уровни конструирования виртуальной идентичности в сетевом сообществе

Отдельный участник сообщества представляет собой ценность для коллектива благодаря уникальным чертам, экспертным знаниям и личному

опыту, которые обогащают социальное взаимодействие. При этом индивид может испытывать неуверенность перед группой, что связано с его личными особенностями и страхом осуждения со стороны коллектива. Конструирование группы «мы» находится в основании, поскольку группа демонстрирует открытость к новым участникам, готовность к поддержке и помощи, что способствует интеграции новых членов. Однако существуют механизмы, направленные на поддержание целостности группы, которые активируются в случае нарушения норм и приводят к исключению ее членов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование доказало, что коллективная и индивидуальная идентичности как вербализованные конструкты компьютерно-опосредованной коммуникации конструируются в парах смежных жанров, выработанных для обслуживания типичных ситуаций общения в сетевом сообществе. Данные жанры включают самопрезентацию и приветственную реплику, обращение за советом и совет, жалобу и утешение и пары кратких нарративов.

Индивидуальная и коллективная идентичности связаны реляционными отношениями. Конструирование индивидуальной идентичности пользователя обретает смысл непосредственно в диалогическом взаимодействии в группе, точно так же, как и конструирование коллективной идентичности группы происходит в высказываниях отдельных ее членов.

Анализ речевого материала показал, что в основе индивидуальной идентичности лежат типичные конститутивные компоненты, независимо от типа сетевого сообщества и его тематической направленности. Конститутивные компоненты индивидуальной идентичности пользователя включают индивидуальные характеристики, принадлежность к социальной категории, индивидуальный опыт, эмоциональное состояние, физическое пространство и его элементы, события из жизни и непонимание со стороны «других», актуализируемые с помощью широкого спектра языковых и мультимодальных средств с семантикой исключительности.

Пользователь испытывает потребность в объединении с целью установления новых социальных связей, присоединения к группе «своих» и получения и оказания социальной поддержки. Вступление в группу происходит на основе наличия идентификационного признака, лежащего в основе коллективной идентичности. Переход от индивидуальной идентичности к коллективной и легитимация статуса члена группы осуществляется с помощью самопрезентации и приветственной реплики. В самопрезентации отражена двойственность коллективного и индивидуального. С одной стороны, носитель

идентичности представляет свои уникальные черты, а с другой – указывает на наличие идентификационного признака и соответствие требованиям сообщества.

Членство в сообществе предоставляет индивиду возможность получения разных видов социальной поддержки. Жанры обращения за советом и совета, сочетающие фатические и информативные виды речевого поведения, используются с целью предоставления взаимной информационной и эмоциональной поддержки. В основе решения сходных проблем лежат принципы сотрудничества и коллективизма. Фатические жанры жалобы и утешения позволяют получать эмоциональную поддержку, главным преимуществом которой является анонимность. В личных нарративах происходит сохранение «социальной видимости» участников, поддержание межличностных контактов и оказание поддержки, связанной с самооценкой.

Как показывает анализ речевого материала, репрезентируемые компоненты коллективной идентичности включают самосознание группы как целостного образования, взаимозависимость на основе совместной деятельности, сходство жизненного опыта, общность эмоционального состояния, прикрепленность к конкретному безопасному пространству в виртуальной среде, коллективную память, положительную оценку группы «своих» и отрицательную оценку группы «других», актуализируемые с помощью широкого спектра языковых и мультимодальных средств с семантикой единения.

В групповой коммуникации прослеживается зависимость отдельного члена группы от мнения аудитории. Так, составляющими ситуационной идентичности пользователя, высказывание которого образует первую часть пары, являются тревога и неуверенность, выражаемые посредством лексики с семантикой замешательства, неуверенности, самоуничижительных комментариев и вспомогательных коммуникативных единиц. Неуверенность участника может быть связана с отсутствием знаний или страхом осуждения со стороны аудитории.

Данный страх обусловлен существующим конфликтным потенциалом сетевого сообщества. Несмотря на то, что в сообществах конструируется положительная оценка группы «мы» и безопасность пространства взаимодействия, принципы эффективного цивилизованного коммуникативного взаимодействия между членами сетевого сообщества могут нарушаться, в том числе с целью сохранения групповых границ и поддержания коллективных ценностей. Участники выбирают конфликтный тип речевого поведения и используют коммуникативные категории иронии и речевой агрессии в адрес членов сообщества, нарушивших групповые нормы. Данные процессы приводят к нарушениям в парах смежных жанров, поскольку вторая часть пары может меняться и не соответствовать ожидаемому высказыванию в конкретной ситуации. Так, ответ на высказывание в жанре обращения за советом не всегда провоцирует совет.

Таким образом, в результате исследования была подтверждена гипотеза о том, что сетевые сообщества обеспечивают среду для реализации как коллективных, так и индивидуальных идентичностей, которые формируются в специфических жанрах и проявляют в них свои конститутивные компоненты с помощью набора языковых и мультимодальных средств.

Достигнутые результаты исследования не претендуют на полную исчерпанность проблемы. Принимая во внимание постоянное усложнение и совершенствование социальных сетей, перспективным направлением работы мы считаем дальнейшее изучение жанровых характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации. Полагаем, что требуется дальнейший анализ речевого материала с целью построения жанровой классификации сетевых сообществ. Кроме того, перспективу исследования мы видим в применении корпусного анализа, который позволит установить численность языковых единиц, актуализирующих коллективные и индивидуальные идентичности пользователей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BS – (bad) Stories caused by Asian Parents

12О – 12 объятий – Поддержка мам. Во всем.

131-я – 131-я омсбр (Майкопская бригада)

AaDS – Anxiety and Depression Support

AT – Australian Teachers

T – Teachers

АП – Афган. Память.

ПуУ – Подслушано у учителей

П. – Пользователь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамова, А. Г. Лингвистические особенности электронного общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Аврамова Анастасия Георгиевна. – М., 2005. – 28 с.
2. Алпатов, В. М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики / В. М. Алпатов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 253 с.
3. Алтухова, Т. В. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации / Т. В. Алтухова, Н. Б. Лебедева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1 (49). – С. 105–111.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КА-НОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
5. Апраксина, О. Н. Выбор хэштегов в обеспечении продвижения видеорекламы строительства «Умного дома» / О. Н. Апраксина, Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-3 (78). – С. 83–85.
6. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избр. труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
7. Арипова, А. О. Эмоциональная поддержка: о понятии и формах / А. О. Арипова, Т. Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 102–107.
8. Археология и общество: феномен Аркаима в публичной сфере Челябинской области / М. В. Загидуллина, Е. В. Куприянова, Л. Б. Зубанова [и др.]. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2024. – 142 с.
9. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Асмус Нина Геннадьевна. – Челябинск, 2005. – 23 с.

10. Ахренова, Н. А. Влияние жанров интернет-дискурса на современную популярную художественную литературу / Н. А. Ахренова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 147–151.

11. Ахренова, Н. А. Доминанты современной лингвистики: автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.19 / Ахренова Наталья Александровна. – Мытищи, 2018. – 49 с.

12. Ахренова, Н. А. Теоретические основы интернет-лингвистики/ Н. А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 22–26.

13. Бабенко, Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2021. – 432 с.

14. Багиян, А. Ю. Лингвистическое моделирование профессиональной идентичности: системный анализ когнитивно-дискурсивной матрицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8 / Багиян Александр Юрьевич. – Ставрополь, 2025. – 56 с.

15. Баева, Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика / Л. В. Баева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 5–10.

16. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. на рус. яз. под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 2005. – 390 с.

17. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

18. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9–193.

19. Белоедова, А. В. Научный текст в интернете: коммуникационно-типологические характеристики / А. В. Белоедова, Я. И. Тяжлов // Медиалингвистика. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 450–477.

20. Белоусов, К. И. Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмотиконов и эмодзи в процессе речевой коммуникации / К. И. Белоусов, И. А. Обухова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 5–18.

21. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Бондаренко Сергей Васильевич. – Ростов-на-Дону, 2004. – 396 с.

22. Бушев, А. Б. Предвыборная коммуникация: эффекты обратной связи и поддержки / А. Б. Бушев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2025. – № 1 (84). – С. 130–135.

23. Бушев, А. Б. Языковые и риторические особенности электронной речи / А. Б. Бушев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 6 (887). – С. 18–24.

24. Видинеева, Н. Ю. Имплицитность в жанре политического блога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Видинеева Наталья Юрьевна. – Воронеж, 2022. – 177 с.

25. Викторова, Е. Ю. Вспомогательная система дискурса / Е. Ю. Викторова. – Саратов: Наука, 2015. – 404 с.

26. Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 36–39.

27. Воронцова, Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2016. – № 26 (2). – С. 109–116.

28. Гавра, Д. П. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий / Д. П. Гавра, Е. В. Быкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 2. – С. 3–24.

29. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16.

30. Галинская, Т. Н. Местоимения «Ты» и «Вы» в идиолексиконе виртуальной языковой личности / Т. Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 106–111.

31. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Галичкина Елена Николаевна. – Волгоград, 2012а. – 40 с.

32. Галичкина, Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / С. И. Агагюлова, Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко [и др.]. – М.: Флинта, 2012б. – С. 53–71.

33. Голованова, Е. И. Антропоним как базовое средство индивидуальной и корпоративной идентификации и презентации в современной культуре / Е. И. Голованова // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 1 (18). – С. 45–50.

34. Голованова, Е. И. Дискурс языковой личности ученого в словарном воплощении / Е. И. Голованова // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. – 2011. – Т. 2, № 2. – С. 11–17.

35. Голованова, Е. И. Языковые средства конструирования профессиональной идентичности / Е. И. Голованова // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. Г. Урванцева. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 2017. – С. 164–166.

36. Горина, Е. В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Горина Евгения Владимировна. – Екатеринбург, 2015. – 506 с.

37. Горошко, Е. И. Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы III междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. С. А. Стройков. – Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2013. – С. 27–42.

38. Горошко, Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. – 2009. – № 6. – С. 111–127.

39. Горошко, Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. – Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2006. – С. 165 – 175.

40. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Вып. 5. – Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2007. – С. 223–237.

41. Горошко, Е. И. К построению типологии жанров социальных медий / Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова // Жанры речи. – 2015. – № 2 (12). – С. 119–127.

42. Гранин, Ю. Д. Национальное государство в эпоху постмодерна: угрозы и перспективы / Ю. Д. Гранин // Перспективы. – 2015. – № 2. – С. 5–19.

43. Гукосянц, О. Ю. Речевой аспект маскировки гендерной идентичности в англоязычной интернет-опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Гукосянц Ольга Юрьевна. – Пятигорск, 2016. – 28 с.

44. Данкова, Н. С. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 38 (4). – С. 551–561.

45. Данкова, Н. С. Групповая идентичность байкеров в аксиологическом аспекте (на материале Интернет-коммуникации) / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 53–65.

46. Дедова, О. В. Актуальные направления интернет-лингвистики: язык в Интернете vs. Интернет в языке / О. В. Дедова // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. – М., 2022. – С. 40–64.

47. Дедова, О. В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): автореф дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Дедова Ольга Викторовна. – М., 2006. – 48 с.

48. Дементьев, В. В. Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации) / В. В. Дементьев // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2021. – Т. 80, № 2. – С. 64–80.

49. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

50. Деминова, М. А. Медийная коммуникация: преодоление времени и пространства в диалоге с аудиторией / М. А. Деминова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 10. – С. 77–87.

51. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2005. – 286 с.

52. Дубровская, Т. В. 'I Was the First Westerner, The Only English Person': дискурсивное конструирование национальной идентичности / Т. В. Дубровская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 25–40.

53. Дубровская, Т. В. «Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодежного интернет-дискурса / Т. В. Дубровская // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 56–65.

54. Дубровская, Т. В. Лексика с семантикой единения в тексте Конституции Российской Федерации / Т. В. Дубровская // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Орел: Орлов. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. – С. 75 – 80.

55. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах / Т. В. Дубровская. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

56. Дускаева, Л. Р. Гендерная идентичность в комическом речевом поведении участниц женских онлайн-групп / Л. Р. Дускаева // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2021. – С. 152–158.

57. Емельянова, Н. А. Речевой жанр «Жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Емельянова Надежда Александровна. – Астрахань, 2004. – 181 с.

58. Жорж, Т. К. Феминитив: лингвистический аспект и проблема перевода / Т. К. Жорж // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 4 (2). – С. 356–363.

59. Загидуллина, М. В. Алгоритм мультимодального дискурс-анализа любительских видеонарративов (к вопросу о материализации идентичности) / М. В. Загидуллина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 4 (50). – С. 66–78.

60. Закаблукровский, Е. В. Виртуальные сетевые сообщества: философско-антропологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Закаблукровский Евгений Викторович. – Нижний Новгород, 2015. – 160 с.

61. Зыкова, Е. В. Языковая личность и гипертекст / Е. В. Зыкова // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара: Самарск. гос. соц.-пед. ун-т, 2010. – С. 51–54.

62. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования / А. А. Тесля, Г. Л. Тульчинский, С. Т. Золян [и др.]. – Калининград: Балтийск. фед. ун-т им. И. Канта, 2022. – 347 с.

63. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Коллективная монография / Т. Н. Колокольцева, Е. И. Горошко, Е. Н. Галичкина [и др.]. – 4-е изд., стер. – М.: Наука, 2018. – 328 с.

64. Ионина, А. А. Блог как популярный жанр современной литературы: опыт Натальи Навроцкой («блог уходящего детства») / А. А. Ионина // Язык и

литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению. – М.: Принтика, 2021. – С. 90–97.

65. Иссерс, О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2 (2). – С. 112–123.

66. Иссерс, О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторрах) / О. С. Иссерс // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 4 (40). – С. 375–385.

67. Казяба, В. В. Самономинии с функцией антропонима в Рунете / В. В. Казяба // Научный диалог. – 2022. – № 7. – С. 212–230.

68. Каминская, Т. Л. Феминизм как модный медиадискурс: речевой аспект / Т. Л. Каминская // Мир русского слова. – 2021. – № 2. – С. 25–35.

69. Карасик, В. И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55.

70. Карасик, В. И. Языковая пластика общения / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2021. – 536 с.

71. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 8-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014. – 264 с.

72. Кишина, Е. В. Смысловая модель категории «свое – чужое» на уровне политического дискурса / Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 47–52.

73. Кожемякин, Е. А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях президента к гражданам России / Е. А. Кожемякин // Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания: тез. докл. участников всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Н. Синельникова. – Н. Новгород, 2018. – С. 29–30.

74. Кожемякин, Е. А. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация / Е. А. Кожемякин, Т. В. Дубровская // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 1 (41). – С. 66–78.

75. Компанцева, Л. Ф. Тренды интернет-коммуникации: формирование парадигмы / Л. Ф. Компанцева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4 (4). – С. 118–125.

76. Кондрашов, П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кондрашов Павел Евгеньевич. – Краснодар, 2004. – 19 с.

77. Космарская, И. В. Формирование строевых элементов письменной интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи) / И.В. Космарская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3 (845). – С. 110–121.

78. Кошкарлова, Н. Н. Публичное извинение как жанр Интернет-коммуникации / Н. Н. Кошкарлова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 2 (13). – С. 62–67.

79. Кошкарлова, Н. Н. Репрезентация российской цивилизационной и культурной идентичности в учебных материалах для индийских студентов / Н. Н. Кошкарлова, О. А. Солопова // Human+: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2025. – С. 9–13.

80. Кронгауз, М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. – М.: АСТ, 2013. – 416 с.

81. Курочкина, М. А. Лингвокогнитивные маркеры потери идентичности личности в эпоху социальных сетей / М. А. Курочкина, С. Л. Кушнерук // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-1 (54). – С. 360–365.

82. Леонтьева, Т. В. Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 181–204.

83. Леонтьева, Т. В. Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 89–105.

84. Лики единения в языке и дискурсе / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева [и др.]. – Екатеринбург: Ажур, 2022. – 292 с.

85. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире / И. В. Денисова, Л. А. Нефедова, А. Г. Б. Салахова [и др.]. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 232 с.

86. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. – Волгоград: Перемена, 2009. – 477 с.

87. Матвеева, Т. М. Маркеры идентичности в языке профессионального дегустатора / Т. М. Матвеева // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 84–108.

88. Матусевич, А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Матусевич Александра Александровна. – Киров, 2016. – 190 с.

89. Минеева, М. В. Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации / М. В. Минеева. – Челябинск: Искра-Профи, 2017. – 178 с.

90. Минина, О. В. Структурно-семантические особенности народных мемуаров в интернет коммуникации / О. В. Минина // Научный диалог. – 2018. – № 1. – С. 35–46.

91. Мурашова, Л. П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мурашова Людмила Павловна. – Пятигорск, 2018. – 189 с.

92. Норман, Б. Ю. Конструкции с местоимением МЫ: формирование актуальной илиokkaциональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (34). – С. 126–138.

93. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

94. Первухина, С. В. Цифровизация лингвистической модели коммуникации / С. В. Первухина // Актуальные проблемы науки и техники. 2021: материалы всерос. (национальной) науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону: Донск. гос. техн. ун-т, 2021. – С. 598 – 599.

95. Потапова, Р. К. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации / Р. К. Потапова, В. В. Потапов // Известия РАН; Серия литературы и языка. – 2022. – Т. 81, № 2. – С. 78–91.

96. Привалова, И. В. Электронная коммуникация молодежи / И. В. Привалова, Н. В. Купцова. – Саратов: Саратов. гос. мед. ун-т им. В. И. Разумовского, 2016. – 136 с.

97. Ребрина, Л. Н. Интернет-мемы 2019-2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации: смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. – 2022. – № 6. – С. 235–267.

98. Ребрина, Л. Н. Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей как актуальная практика протестной коммуникации: коллективно-личностное измерение / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 115–139.

99. Резанова, З. И. От новых лингвистических объектов к новой интерпретации естественного языка / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина // Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: сб. науч. докл. / под ред. В. А. Суханова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006. – С. 53–67.

100. Рязанцева, Т. И. О категориях гипертекста / Т. И. Рязанцева // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 327–340.

101. Самыличева, Н. А. Оценочный потенциал новообразований в языке интернета в аспекте языковой игры / Н. А. Самыличева // Русский язык в

интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты. – М.: Флинта, 2021. – С. 237–283.

102. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика // К. Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 439 с.

103. Синельникова, Л. Н. Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Орел: Горизонт, 2011. – Вып. 9. – С. 37–44.

104. Смирнов, Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Смирнов Федор Олегович. – Ярославль, 2004. – 24 с.

105. Современный русский язык в Интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 328 с.

106. Соломина, В. В. Особенности реализации оппозиции «свой – чужой» в различных видах дискурсов / В. В. Соломина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 3. – 176–182.

107. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / Т. А. Алтухова, В. В. Бульдяева, А. Б. Бушев [и др.]. Т. 1. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2021. – 430 с.

108. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / науч. ред. Н. Д. Голев; отв. ред. Е. В. Новгородова. – Т. 3. Лингвоконфликтологический аспект. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2022. – 384 с.

109. Стексова, Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 77–81.

110. Трепак, Я. В. Интернет-дискурс как уникальная жанрообразующая среда / Я. В. Трепак // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 1 – С. 1–8.

111. Федорова, С. А. Жанровая особенность интернет-дискурса / С. А. Федорова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 12. – С. 330–335.

112. Харченко, Е. В. Я-идентификация современных студентов (на примере ассоциативного эксперимента) / Е. В. Харченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 53–56.

113. Часовский, Н. В. Визуализация общения в сети Интернет (на материале креолизованных мемов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Часовский Никита Вячеславович. – Челябинск, 2022. – 200 с.

114. Человек и его дискурс – б: дигитализация коммуникативных практик / В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова [и др.]. – М.; Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. – 384 с.

115. Чернявская, В. Е. История в дискурсе политики: Лингвистический образ «своих» и «чужих» / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыченко. – М.: Ленанд, 2014. – 200 с.

116. Шилихина, К. М. Жанры-«двойники»: пародийные жанры в компьютерно-опосредованном дискурсе / К. М. Шилихина // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 3. – С. 810–826.

117. Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина / науч. ред. В. Б. Кашкин. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – С. 207 – 208.

118. Ширяев, Н. С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ширяев Николай Сергеевич. – Саратов, 2017. – 195 с.

119. Шмелева, Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании / Е. Я. Шмелева // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 46–52.

120. Шутова, О. А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса / О. А. Шутова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (138). – С. 129–134.

121. Щетинина, А. В. Иллюзорный индивидуализм и ложный коллективизм: новые номинации сетевых отношений / А. В. Щетинина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK421.pdf>. – DOI: 10.15862/40FLSK421 (дата обращения: 15.01.2025).

122. Щетинина, А. В. Теоретико-методологические основы идеографирования социальной лексики / А. В. Щетинина. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 180 с.

123. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина. – Архангельск: Сев. (Арктический) фед. ун-т имени М. В. Ломоносова, 2009. – 238 с.

124. Щипицина, Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Лариса Юрьевна Щипицина. – Воронеж, 2011а. – 40 с.

125. Щипицина, Л. Ю. Твиттер как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Вып. 9. – Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2011б. – С. 211–220.

126. Юрина, И. А. От ключевых слов к хэштегам: анализ эволюции понятий интернет-дискурса / И. А. Юрина // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 261–265.

127. Юськаева, Э. И. «Я поддержать. Обнять. И просто посидеть рядом»: язык эмоциональной поддержки в сетевых сообществах / Э. И. Юськаева // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 8. – С. 126–130.

128. Юськаева, Э. И. Жанр жалобы в сетевых сообществах поддержки / Э. И. Юськаева // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 11 (47). – С. 35.

129. Юськаева, Э. И. Жанр личной истории в сетевых сообществах поддержки / Э. И. Юськаева // Динамика медиасистем. – 2025. – № 5 (1). – С. 413–420.

130. Юськаева, Э. И. Коллективная идентичность в дискурсе сетевых сообществ / Э. И. Юськаева // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Цифровая типография, 2021а. – С. 304–308.

131. Юськаева, Э. И. Коллективное в электронной коммуникации: прагмалингвистические средства актуализации / Э. И. Юськаева // Поволжский педагогический поиск. – 2022. – № 3 (41). – С. 100–106.

132. Юськаева, Э. И. Личная история как консолидирующий жанр сетевых сообществ / Э. И. Юськаева // Медиалингвистика: материалы докладов участников VII Междунар. конф. – СПб.: Медиапир, 2023. – С. 485–489.

133. Юськаева, Э. И. Прагматика иронии в коммуникации сетевых сообществ / Э. И. Юськаева, Т. В. Дубровская // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы VII Конгресса РОПРЯЛ. – Екатеринбург: РОПРЯЛ, 2022. – 1580 с.

134. Юськаева, Э. И. Репрезентации коллективизма в сетевых сообществах / Э. И. Юськаева, Т. В. Дубровская // Антропологический поворот: теории и практики: сб. тр. междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 2. / отв. ред. А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, Т.В. Струкова. – Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2021б. – С. 107–117.

135. Юськаева, Э. И. Репрезентации эффекта сплочения в сетевых сообществах / Э. И. Юськаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 2. – С. 45–50.

136. Юськаева, Э. И. Семантика коллективного в сетевых сообществах в контексте пандемии / Э. И. Юськаева, Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2021в. – № 6 (90). – С. 106–115.
137. Beattie, G. Rethinking Body Language: How Hand Movements Reveal Hidden Thoughts / G. Beattie. – London: Routledge, 2016. – 276 p.
138. Bennett, W. L. The Logic of Connective Action: The Personalization of Contentious Politics, Information / W. L. Bennett, A. Segerberg // Communication & Society, 2012. – № 15 (5). – P. 739–768.
139. Benwell, B. Discourse and identity / B. Benwell, E. Stokoe. – Edinburgh University Press, 2006. – 328 p.
140. Boyd, D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens / D. Boyd – Yale University Press, 2014. – 296 p.
141. Braithwaite, D. O. Communication of social support in computer-mediated groups for people with disabilities / D. O. Braithwaite, V. R. Waldron, J. Finn // Health Communication. 11 (2). – 1999. – P. 123–151.
142. Brewer, M. B. The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time / M. B. Brewer // Personality and Social Psychology Bulletin. – № 17 (5). – 1991. – P. 475–482.
143. Brewer, M. Who is this “We”? Levels of collective identity and self-representations / M. Brewer, W. Gardner // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – 71 (1). – P. 83–93.
144. Brewer, M. Culture and group processes: defining the interface / M. Brewer, M. Yuki // Culture and group processes: Frontiers in culture and psychology / M. Yuki, M. Brewer (Eds.). – Oxford University Press, 2013. – P. 1–14.
145. Carr, C. T. CMC Is Dead, Long Live CMC! : Situating Computer-Mediated Communication Scholarship Beyond the Digital Age / C. T. Carr // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2020. – № 1. – P. 9–22.
146. Carr, C. T. Computer-mediated communication: a theoretical and practical introduction to online human communication / C. T. Carr. – Maryland: Rowman & Littlefield, 2021. – 336 p.

147. Castano-Pulgarin, S. Internet, social media and online hate speech. Systematic review / S. Castano-Pulgarin, N. Suárez-Betancur, L. Tilano, M. Herrera López // *Aggression and Violent Behavior*. – 2021. – № 58. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2021.101608>.
148. Creeber, G. *Digital cultures: Understanding New Media* / G. Creeber, R. Martin. – Maidenhead: Open University Press, 2009. – 205 p.
149. Crystal, D. *Internet Linguistics: A Student Guide (1st ed.)* / D. Crystal. – Routledge, 2011. – 179 p.
150. Cutrona, C. E. Controllability of stressful events and satisfaction with spouse support behaviors / C. E. Cutrona, J. A. Suhr // *Communication Research*. – 1992. – № 19 (2). – P. 154–174.
151. Danesi, M. *The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet* / M. Danesi. – London and New York: Bloomsbury, 2017. – 208 p.
152. Daniel, B. *Handbook of Research on Methods and Techniques for Studying Virtual Communities: Paradigms and Phenomena* / B. Daniel. – Hershey, New York: IGI Global, 2011. – 900 p.
153. De Fina, A. *Identity in Narrative: A Study of Immigrant Discourse* / A. De Fina. – Amsterdam: John Benjamins, 2013. – 257 p.
154. Eckert, P. Communities of practice / P. Eckert // *Concise encyclopedia of pragmatics* / J. L. Mey (Ed.). – Elsevier, 2009. – P. 109 – 112.
155. Edwards, J. *Language and identity: an introduction* / J. Edwards. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 322 p.
156. Ervin-Tripp, S. M. The occasioning of self-disclosure humor / S. M. Ervin-Tripp, M. Lampert // *Humor in Interaction* / N. Norrick, D. Chiaro (Eds.). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 3–29.
157. Fairclough, N. *Analyzing Discourse Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
158. Fairclough, N. *Critical discourse analysis* / N. Fairclough, R. Wodak // *Introduction to discourse studies* / T. A. van Dijk (Ed.). – Sage, 1997. – P. 58–284.

159. Georgakopoulou, A. *Small Stories, Interaction and Identities*. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – 186 p.

160. Giles, D. 'Is this normal?' The role of category predicates in constructing mental illness online / D. Giles, J. Newbold // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2013. – № 4 (18). – P. 476–490.

161. Giora, R. Irony / R. Giora // *The Handbook of Pragmatics* / J. Verschueren, J. Östman, J. Blommaert, C. Bulcaen (Eds.). – Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1998. – P. 1–20.

162. Glezakos, N. *Organizational Design of Online Communities* / N. Glezakos, A. Athina // *Annals of Information Systems: Virtual Communities, Social Networks and Collaboration* / A. A. Lazakidou (Ed.). – Springer Science & Business Media, 2012. – P. 61–73.

163. Goffman, E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity* / E. Goffman. – Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N.J. A., 1963. – 168 p.

164. Gotved, S. *Spatial Dimensions in Online Communities* / S. Gotved // *Space and Culture*, 2002. – № 5. – P. 405–414.

165. Grice, P.H. *Logic and conversation* / P.H. Grice // *Syntax and Semantics 3: Speech Acts* / P. Cole, J.L. Morgan (Eds.). – Academic Press, 1975. – P. 41–58.

166. Hall, S. *Introduction: Who needs "Identity"?* / S. Hall // *Questions of Cultural Identity*. – SAGE Publications. – London, 1996. – P. 5–6.

167. Hayes, R. A. *One Click, Many Meanings: Interpreting Paralinguistic Digital Affordances in Social Media* / R.A. Hayes, C.T. Carr, D.Y. Wohn // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2016. – № 60 (1). – P. 171–187.

168. Herring, S. C. *Computer-mediated discourse analysis: an approach to researching online behavior* / S. C. Herring // *Designing for virtual communities in the service of learning* / S. A. Barab, R. Kling, J. H. Gray (Eds.). – Cambridge University Press, 2004. – P. 338–376.

169. Herring, S. C. "I'm the first video Voice thread—it's pretty sweet, I'm pumped": Gender and self-expression on an interactive multimodal platform /

S. C. Herring, B. Demarest // *ALSIC: Apprentissage des langues et systèmes d'information et de communication*, 2017. – № 20 (1).

170. Hofstede, G. *Culture's consequences: International differences in work-related values* / G. Hofstede. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1984. – 305 p.

171. Hofstede, G. *Cultures and organizations: Software of the mind* / G. Hofstede, J. G. Hofstede, M. Minkov. – New York: McGraw Hill Professional, 2010. – 561 p.

172. Khazraee, K. *Digitally Mediated Protest: Social Media Affordances for Collective Identity Construction* / K. Khazraee, A. Novak // *Social Media and Society*, 2018. – № 4 (1). – P. 1–14.

173. Kotthoff, H. *An interactional approach to irony development* / H. Kotthoff // *Humor in Interaction* / N. Norrick, D. Chiaro (Eds.). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 51.

174. Larina, T. V. *I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives* / T. V. Larina, V. I. Ozyumenko, S. Kurteš // *Lodz Papers in Pragmatics*. – 2017. – № 1. – P. 109–128.

175. Lave, J. *Situated learning: legitimate peripheral participation* / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 138 p.

176. Lee, C. *Language Online: Investigating Digital Texts and Practices* / C. Lee, D. Barton. – New York: Routledge, 2013. – 224 p.

177. Meikle, G. *Social Media: Communication, Sharing and Visibility* / G. Meikle. – Routledge, 2016. – 186 p.

178. Page, R. *Stories and Social Media: Identities and Interaction* / R. Page. – Routledge, 2012. – 240 p.

179. Prentice, D. A. *Asymmetries in attachments to groups and to their members: Distinguishing between common-identity and common-bond groups* / D. A. Prentice, D. T. Miller, J. R. Lightdale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1994. – № 20(5). – P. 484–493.

180. Psathas, G. *Conversation analysis: the study of talk-in-interaction: Qualitative research methods* / G. Psathas. – SAGE Publications, 1994. – 96 p.

181. Ren, Y. Applying Common Identity and Bond Theory to Design of Online Communities / Y. Ren, R. Kraut, S. Kiesler // *Organization Studies*, 2007. – № 28 (3). – P. 377–408.
182. Ridings, C. Some antecedents and effects of trust in virtual communities / C. Ridings, D. Gefen, B. Arinze // *Journal of Strategic Information Systems*. – 2002. – № 11 (3–4). – P. 271–295.
183. Ross, M. Identity Through Time: Constructing Personal Pasts and Futures / M. Ross, R. Buchler // *Self and Social Identity* / M. Brewer, M. Hewstone (Eds.). – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2004. – P. 25–51.
184. Sacks, H. Lectures on Conversation / H. Sacks. – Vols. 1–2. – Edited by Gail Jefferson, with an introduction by Emanuel A. Schegloff. – Oxford: Blackwell, 1995. – 580 p.
185. Sacks, H. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language* / H. Sacks, E.A. Schegloff, G.A. Jefferson // *Language*. – 1974. – №50 (4). – P. 696–735.
186. Schegloff, E. A. Opening up Closings / E. Schegloff, H. Sacks // *Semiotica*. – 1973. – №8 (4). – P. 289–327.
187. Schiffrin, D. Crossing Boundaries: The Nexus of Time, Space, Person and Place in Narrative. / D. Schiffrin // *Language in Society*. – 2009. – № 4 (38). – P. 421–445.
188. Sitrin, M. Pandemic Solidarity: Mutual Aid during the Covid-19 Crisis / M. Sitrin, C. Sembrar. – London: Pluto Press, 2020. – 278 p.
189. Sowińska, A. Discursive construction and transformation of ‘Us’ and ‘Them’ categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // *Discourse & Communication*. – 2012a. – № 6 (4). – P. 449–468.
190. Sowińska, A. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers / A. Sowińska, T. Dubrovskaya //

Exploring Language through Contrast / W. Skrzypczak, T. Fojt and S. Wacewicz (Eds.). – Cambridge Scholars Publishing, 2012b. – P. 268–287.

191. Sparby, E. Digital ethics: Rhetoric and responsibility in online aggression / E. Sparby, J. Reyman. – New York: Routledge / Taylor & Francis Group, 2020. – 283 p.

192. Stommel, W. Entering an Online Support Group on Eating Disorders: A Discourse Analysis (Utrecht Studies in Language and Communication)/ W. Stommel. – Amsterdam: Rodopi, 2009. – 286 p.

193. Suler, J. The Online Disinhibition Effect. Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society / J. Suler // Cyberpsychology & Behavior. – 2004. – № 3 (7). – P. 321–326.

194. Tajfel, H. C. An integrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J.C. Turner // The social psychology of intergroup relations / W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). – Brooks/Cole, 1979. – P. 33–37.

195. Teneketzi, K. Impoliteness across social media platforms: A comparative study of conflict on YouTube and Reddit / K. Teneketzi // Journal of Language Aggression and Conflict. – 2022. – № 10 (1). – P. 38–63.

196. Triandafyllidou, A. National Identity and the “other”/ A. Triandafyllidou // Ethnic and Racial Studies. – 1998. – № 4 (21). – P. 593–612.

197. Utz, S. Distributive Justice in Common-Bond and Common Identity Groups / S. Utz, K. Sassenberg // Group Processes & Intergroup Relations. – 2002. – № 5 (2). – P. 151–162.

198. Van Dijk, T. A. Critical Discourse Analysis / T. A. Van Dijk // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (Eds.). – Malden, MA: Blackwell, 2001. – P. 352–371.

199. Walter, T. Does the Internet Change How We Die and Mourn? Overview and Analysis / T. Walter, R. Hourizi, W. Moncur, S. Pitsillides // OMEGA – Journal of Death and Dying. – 2012. – № 64. – P. 275–302.

200. Wei, J. Kindness in British communities: Discursive practices of promoting kindness during the Covid pandemic / J. Wei // *Discourse & Society*. – 2023. – № 34 (4). – P. 502–520.

201. Wellman, B. Virtual communities as communities: Net surfers don't ride alone / B. Wellman, M. Gulia // *Communities in Cyberspace* / P. Kollock, M. A. Smith (Eds.). – New York: Routledge, 1999. – P. 167–193.

202. Wodak, R. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. – Edinburgh University Press, 2009. – 268 p.

203. Wodak, R. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory, and Methodology / R. Wodak, M. Meyer // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). Sage, 2009. – P. 1–33.

204. Wright, K. B. Weak-Tie Support Network Preference, Health-Related Stigma, and Health Outcomes in Computer-Mediated Support Groups / K. B. Wright, S. A. Rains // *Journal of Applied Communication Research*. – 2013. – № 41 (3). – P. 309–324.

205. Yuki, M. Culture and group processes: *Frontiers in culture and psychology* / M. Brewer, M. Yuki. – New York: Oxford University Press, 2013. – 273 p.

206. Yus, F. Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication / F. Yus // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – № 22 (1). – P. 94–107.

207. Yus, F. Cyberpragmatics: Internet-mediated communication in context / F. Yus. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – 353 p.

208. Zimmerman, D. Identity, context and interaction / D. Zimmerman // *Identities in talk* / C. Antaki, S. Widdicombe (Eds.). – London: Sage Publications, 1998. – P. 87–106.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. (bad) Stories caused by Asian Parents. Режим доступа: <https://www.reddit.com/r/AsianParentStories/> (дата обращения: 08.12.2024).
2. 12 объятий – Поддержка мам. Во всем. Режим доступа: https://vk.com/12moms_hugs (дата обращения: 15.01.2025).
3. 131-я омсбр (Майкопская бригада). Режим доступа: (<https://vk.com/maikopbrigade131> (дата обращения: 15.09.2025)).
4. Anxiety and Depression Support. Режим доступа: <https://healthunlocked.com/anxiety-depression-support> (дата обращения: 10.10.2022).
5. Australian Teachers. Режим доступа: <https://www.reddit.com/r/AustralianTeachers/> (дата обращения: 20.12.2025).
6. Teachers. Режим доступа: <https://www.reddit.com/r/Teachers/> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Афган. Память. Режим доступа: <https://vk.com/club18487074> (дата обращения: 20.09.2023).
8. Подслушано у учителей. Режим доступа: https://vk.com/secrets_of_teachers (дата обращения: 20.09.2022).

Иллюстративный речевой материал**Самопрезентация в профиле пользователя**

Stippler

749 Posts • 1719 Replies

Health Interests

- *Anxiety*
- *Clinical depression*
- *Mental health*
- *Post-traumatic stress disorder (PTSD)*
- *Schizophrenia*

User Info

Joined

June 26, 2022

Gender

Man

Bio

I am diagnosed with paranoid schizophrenia (which is well controlled by medication). I also have PTSD, OCD, generalized anxiety disorder, social anxiety and some ADHD. I joined this group to get help with my anxiety, and to help others if I can. I do lots of artwork, as I have lots of time on my hands. I use Stippler as my profile name because I do stipple shading on the pen and ink artwork that I do. My artwork is my way of relieving my anxiety. I am also becoming more and more interested in using healing crystals in combination with my medications to reduce anxiety. I am very bad at isolating myself, but I fight it as best I can. I don't date, but I am always looking for new friends. I am often up late drawing, and I love to chat, either with the group, or one-on-one. (AaDS)

Обращение за советом и совет в рубрике «Ситуация подписчицы»

Стыдно уже даже начать писать о своей проблеме, догадываюсь, что будет много откликов из темы "сама виновата", "ребенка в садик и вперед". Но, все же, попытаюсь поделиться с читательницами нашего сообщества. Всем здравствуйте, уважаемые подписчицы и админки!

Мне 32 года, я родилась и живу в РФ, образование высшее. Так сложилось, что я — одинокая мама, у меня ребенок почти трех лет, на данный момент. Мы живем вдвоем с самого рождения моего сына. Конечно, тяжело, пока ребенок еще маленький, но я на это не жалею. Моя проблема — в другом: уже долгое время я имею задолженность (огромная сумма), карточка моя арестована, на нее приходит детское пособие, которое не трогают приставы. <...> Пыталась устроиться на работу официально, — не берут, так как, видимо, не пропускает служба безопасности, которой не объяснишь, что я не мошенница никакая, что вся история произошедшего есть у приставов, и этому всему есть объяснение. <...> Поэтому, я ищу работу такую, чтобы я могла находиться рядом с ребенком постоянно. Например, сиделкой, помощницей по хозяйству, домработницей. <...> Пожалуйста, поделитесь опытом, где можно найти подобные вакансии. <...>

Очень хотелось бы работать в необязательно спокойной, тихой, главное — доброжелательной обстановке, в окружении позитивно или нейтрально относящихся ко мне и моему сыну:). Также приветствуется ваша поддержка, дорогие читательницы. Я верю, что многие меня поймут и выразят слова искренней поддержки. Спасибо, что прочли до конца мой пост. Если кого-то чем-то расстроила, задела, разозлила, — прошу понять и не писать негатив. Очень прошу :). Еще раз спасибо, благодарю за публикацию поста!

П. 1: а вы удаленку не рассматриваете? У вас хороший слог, вы могли бы быть копирайтером. я при занятости 3-4 часа в день зарабатываю от 50 т.р. и выше. Но у меня большой опыт, на первое время, конечно, у вас вряд ли получится много заработать. но я могу помочь вам с обучением, помочь найти

подходящую вакансию, сделать вместе с вами тестовое, поддержать и направить. У меня есть много обучающих материалов, чат-бот по обучению копирайтингу (для вас открою бесплатный доступ). Очень хочется вам помочь! Если такой вариант вас заинтересует, пишите в личку

П. 2: Автор, а вы не рассматривали работу няней? Мне кажется, наличие ребенка очень подкупает. Плюс ребятам будет весело играть вдвоем, общение и все такое. У меня так мама зарабатывала в декрете - к нам домой друзья приводили их мальчишку, мама сидела с ним за небольшую денежку. А вообще. Желаю вам, чтобы у вас все наладилось! Чтобы была возможность выбрать ту работу, которая будет вам по душе! Чтобы финансовые сложности разрешились в вашу пользу.

П. 3: не знаю, писали ли такой ответ, но некоторые мамы искали детсад и группу, в которую можно устроиться младшим воспитателем, т.е. работаешь и ребенок при тебе. Знаю несколько таких мам.

П. 4: Разрешите Вас обнять и пожелать , чтоб все ваши проблемы скорее закончились. Вроде есть бесплатное банкротство в МФЦ (может такой вариант для вас подойдет) И я согласна с комментариями, про няню. <...>

А еще уборщицами по вечерам например, где никого нет. Например у меня был в студенчестве опыт работы в техникуме. <...> Вообще в таких местах, где он не разобьет чего-то и добавит вам долг.

П. 5 в ответ П. 4: Галина, разрешите свой комментарий к вашему присоединю) Я работала уборщицей в магазине одежды. По утрам 2 часа. Ребенок в это время была в дет саду в группе кратковременного пребывания, либо со мной (в суб и воскрес)

П. 6: Возможно устроиться сиделкой или няней. Ребенок это мощный фильтр, конечно. Но реально. Я работала сиделкой так год. Теперь няней. Будет нелегко найти вакансию, но возможно.<...> Лучшее сайт помощатель.<...> Составляете там анкеты по размещенному там образцу, с фото и все что от вас там надо. <...> Есть вакансии с проживанием и без.

Опыт у меня набрался, если что стучитесь в друзья и спрашивайте. Поделюсь с радостью. (120)

Жалоба и утешение в рубрике «Пост нытья»

А кто пожалуется на холодный май - получит лыжами!

Да ну нет, конечно, не получит. И вообще, жаловаться нужно.

А где делать это безопасно и получать поддержку? Конечно, под традиционным четверговым постом..<>

В конце дня пост удалим

 Триггер детская реанимация

П. 1: Во вторник был др сына

Это вообще для понедельника, но четвергового в нем то, что я опять полдня ревела <...>

И как я злюсь на медсестер, которые выгоняли меня из детской реанимации, потому что я, видите ли, там реву! «Что вы ревете, вы ему так мешаете, уходите и приходите только спокойная!» да я бы рада спокойная приходиться, вот только неоткуда это спокойствие взять, нет его!

И почему мне никто из них не сказал, что мне тоже нужна помощь, было же видно, что я не в себе.

Обнимаю ту себя, я была ни в чем не виновата, потом все будет хорошо

П. 2 в ответ П.1: Наталья, обниму? Меня тоже выгоняли из реанимации, и из ОПН обещали домой выгнать 😞

П. 1 в ответ П.2: Оксана, обнимаю 😊 Мне кажется, это так жестоко по отношению к мамам.

П.3 в ответ П.1: Наталья, 😞 и мне тоже очень нужна была помощь психолога, а мне пригласили только священника 😞

П.4 в ответ П.1: Наталья, я с вами, тоже который год реву в разные дни вокруг дня рождения сына. Первые три года не ревела, так как все еще во всем этом находилась, смогла плакать, только когда попустило немного(Все - от внеплановых схваток на 5 суток и преждевременных родов до месяца в

больнице - выходило потоками слез с ужасом, страхом и жалостью к себе и ребенку.

Стало теплее от вашей последней фразы ❤️

П. 5: Кому 32 года, кто пьет транквилизаторы по рецепту, кто ищет психиатра, кто ревет целыми днями (хотя реальных глобальных причин нет), кто пойдет к ребенку на выпускной из сада как обсос (нарядиться и краситься сил нет), кто потратил кучу денег на лечение - тот я! Магия четверга сделай так чтобы лекарства побыстрее начали действовать, чтобы мне стало лучше поскорее! Очень прошу! Мне кажется в саду уже думают что я прибухиваю. Ну а че, если у меня неделю как опухшее (от слез) ненакрашенное лицо плюс запах корвалола

П. 6 в ответ П. 5: Галина, позвольте обнять Вас 🥹 понимаю Вас как никто другой. Стала пить транквилизаторы несколько недель назад, но их мне показалось все равно мало, добавила условно «бесполезные» безрецептурные - стало только вот пару дней назад ощутимо легче. Просто пожелаю Вам скорейшего восстановления ❤️

П. 5 в ответ П. 6: Анна, спасибо! Вам тоже здоровья и восстановления!

П. 7: И отдельное нытье - сына не взяла хорошая учительница. А обещала. Всех взяла а нас нет. Я понимаю, все хотели к ней, а брать 50 человек не вариант, но... Это легло на мое эмоциональное состояние и кончилось слезами. Всю пятницу я лежала свернувшись калачиком и плакала, а дети были без сада и сами по себе копались. Я была опустошена и ненавидела себя. Чувствовала убожеством себя. Думала, что мой сын какой-то не такой. Вместо поддержки слышала "не выдумывай, в Африке дети голодают, хватит ныть". И было только еще горше и хотелось пойти и убиться. Серьезно.

Еле оправилась к воскресенью. Безнадега. У меня ничего не получается. Мы никто. 🥹🥹

П. 8 в ответ П. 7: Елена, мне очень обидно, что у вас чувство, что вы никто. Для меня человек ваших взглядов очень близок и ценен, у меня в окружении таких мало. Но я тоже чувствую себя порой как вы сейчас, в том

числе от отсутствия поддержки. Так что хочу сказать - вдруг поможет - я считаю ваши усилия не напрасными, что они приносят большую пользу. (120)

Краткие нарративы

I. Рубрика «Weekly Wins»

П. 1: *Weekly wins! All students who wanted to go to university got an offer :)*

П. 2 в ответ П.1: *Congratulations to those students!*

П. 3: *I'm glad to see "weekly wins" continuing!*

My wins were a great last day with my kids. I'm moving year level so I won't teach them again and so a good last day was important. I was also surprised by the parent outreach this year- I felt really appreciated.

Personal win is that my house is tidy and reasonably clean! Just needs a vacuum today and the holidays are off to a good start!

П. 4: *This may sound like a weird win, but I found out the reason I've been extra exhausted the past few weeks isn't just normal end of year tired, or me getting old, or burnout. I've been fighting pneumonia and have a partially collapsed lung from long term infection. Thank god it's holidays!*

П. 5: *I slept till 10, I washed the windows, I finished my Christmas shopping, I sat in the garden and read a book. I finally have time to walk every day at least 10km. I love summer holidays!*

П.6: *Loved my role as acting learning specialist this year, and the remuneration was ace. Did some great coaching and might get back into it in the future. For the year ahead, however, I've stepped back and will enjoy full time classroom. It's really where my heart is and I love it.*

П. 7: *Man, long time since I logged into this account, love that there's a dedicated place for some positivity now!*

As of Tuesday my first year of teaching is over. It was by far the best year in work I've ever had, & I'll do this for the rest of my working life. The vindication of going broke & back to uni to get here is sweet.

It was great to cap that year off with a day & night of old-school drinking with my colleagues <...> I'm not exactly a social butterfly these days, but I think nights like that are good for developing working friendships, or building culture, or whatever other corporate-babble you'd apply to it. Excited to start my second year!
(T)

II. Рубрика «Пост памяти»

Рисунок 1 – Портрет А. Мельникова (АП)

Рядовой гвардии Андрей Мельников. Он принимал участие в штурме высоты 3234 в Хосте. Мельников имел право отказаться от службы в армии, т.к. у него была маленькая дочь. Но героя призвал долг чести, и он полетел в Афганистан на войну. На момент призыва Андрею Мельникову было всего 18 лет. Во время жестокого боя он вел огонь из пулемета по противнику. Когда его боеприпасы иссякли, он добрался до штаба и умер. Когда с тела сняли бронезилет, все были шокированы, ведь он должен был умереть еще много часов назад при таких ранениях. Но герой продолжал свое последнее сражение и победил.

П. 1: *Вечная память тебе Шурави от всех кто вернулся*

П. 2: *Герои ДРА!122 МСП приветствует!*

П. 3 в ответ П.2: *Алексей, Здорово Бача я тоже служил в 122 полку*

П. 4: *Не штурме, а обороны. До штаба там было очень далеко. Мой призыв, вместе служили, только он в 9-роте,3-й батальона, а я в 3-й минометный взвод. Вот фото той высоты, и вырезка из газеты "Красная звезда".*

Рисунок 2, 3 – Изображения участника сообщества (АП)

П. 5 в ответ П. 4: *Реп, можешь указать где занимали оборону десантники?*

П. 4 в ответ П. 5: *Алексей, точно, только штаб внизу был, все время пока шли атаки, все на рациях сидели, слушали переговоры. А атак было много. Чуть позже отправили с развед роты ребят, с БК, на подмогу, многие хотели пойти на "высотку", не отпускали. Слева на высотке, впадина была, по ней спускали "200"- тых, в плащ палатках, до сих пор помню, на белом снегу, красная колея от крови. Мы чтобы легче было, протоптали в снегу траншею, и передавали друг другу плащ палатки, снега было в низинах по грудь, уклон был крутой, перед первой атакой дня за два снег высокий выпал. Как то так.*

П. 6 в ответ П. 4: *а та что слева, чья было?*

П. 4 в ответ П. 6: *Артем, ничья, к ней и пытались пройти духи. С нее полностью отрывалась дорога на Хост, и духи могли спокойно обстреливать колонны, которые шли на Хост, по которой везли провизию, боеприпасы, и по которой шла эвакуация.*

П. 4: *вот еще фотку нашел, тех кто там был (нашел в своих альбомах), после той операции, среди своих, в полку, у нас называли или Хост, или просто, "высота 3234".*

Рисунок 4 – Изображение участника сообщества (АП)

П. 7 в ответ П. 4: *Rep, Цветкова Андрея, хорошо знал?*

П. 7 в ответ П. 4: *Rep, я его плохо помню, мне 10 лет было. Наши отцы дружили. А сейчас где родители Андрея, не знаю даже. Я в Питере сейчас живу. А в Петрозаводске улицу в честь него называли, года три назад. Слава ВДВ!!!*

П. 4 в ответ П. 7: *Dmitry, хороший парень был, добродушный, общительный, слава ему и его родителям, хорошего сына воспитали(в батальоне его "цветком" называли), и позывной, и так между.*

П. 8: *Это была, Война которую Мы прошли!!!*

П. 9: *Низкий поклон и вечная память: ДЕСАНТНИК - ШУРАВИ!!! 🌸🌸🌸*

(АП)